

Министерство внутренних дел Российской Федерации
Омская академия

В. В. Бабурин, Д. А. Мурин

**ПРИКОСНОВЕННОСТЬ К ПРЕСТУПЛЕНИЯМ
ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ**

Монография

Омск
ОМА МВД России
2024

УДК 343.7
ББК 67.628.112
Б12

Рецензенты:

кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права *И. В. Ботвин* (Барнаульский юридический институт МВД России);
кандидат юридических наук, доцент *П. Л. Сурихин*
(Юридический институт Сибирского федерального университета
г. Красноярск)

Бабурин, Василий Васильевич.

Б12 Прикосновенность к преступлениям против собственности : монография / В. В. Бабурин, Д. А. Мурин. — Омск : Омская академия МВД России, 2024. — 152 с.

ISBN 978-5-88651-864-1

Монография посвящена комплексному изучению вопросов, касающихся регламентации уголовной ответственности за прикосновенность к преступлениям против собственности. Рассмотрены актуальные теоретические и практические проблемы правовой регламентации и квалификации прикосновенности к преступлениям против собственности. Разработаны теоретические положения по определению форм прикосновенности к преступлению, а также предложения, направленные на повышение эффективности и оптимизацию правоприменительной деятельности в сфере уголовной ответственности за прикосновенность к преступлениям против собственности.

Книга адресована научным работникам, специалистам, занимающимся правоохранительной деятельностью, аспирантам, студентам юридических вузов, адъюнктам, курсантам и слушателям образовательных организаций МВД России.

УДК 343.7
ББК 67.628.112

ISBN 978-5-88651-864-1

© Омская академия МВД России, 2024

ВВЕДЕНИЕ

В современной России, где на протяжении многих лет наблюдается сложная криминогенная ситуация в сфере имущественных преступлений, вопросы уголовной ответственности лиц, причастных к преступлениям против собственности, приобретают особое значение. Несмотря на определенное снижение их количества, имущественные преступления составляют более половины общего объема преступлений. Так, по данным Главного информационно-аналитического центра Министерства внутренних дел Российской Федерации, удельный вес преступлений против собственности на территории России 2019 г. — 53,5%, в 2020 г. — 55,3%, в 2021 г. — 55,3%, в 2022 г. — 54,6%, за 2023 г. — 53,5%¹. Одной из причин такой ситуации является наличие прикосновенной к имущественным преступлениям деятельности.

Активными участниками криминализации общественных отношений в имущественной сфере выступают не только те, кто непосредственно совершают преступления против собственности, но и те, кто отмывают денежные средства и иное имущество, полученные преступным путем, приобретают это имущество, укрывают грабителей и лиц, совершающих разбойные нападения. Их деятельность причиняет вред экономической безопасности государства, обуславливает рост криминального сектора экономики, наносит ущерб собственности граждан, затрудняет раскрытие и расследование преступлений, служит источником финансирования преступных групп, в том числе террористической направленности.

Результатами противоправной деятельности прикосновенных лиц являются не только высокий уровень имущественной преступности, но и слабая раскрываемость данного вида деяний. Одной из причин высокого уровня латентности выступает высокая профессиональная организо-

¹ Статистический отчет по форме № 491 (1-ЕГС) «Единый отчет о преступности» (2019–2023 гг.) // ГИАЦ МВД России. URL: https://мвд.пф/мвд/structure1/Centri/Glavnij_informacionno_analiticheskij_cen (дата обращения: 17.08.2023).

ванность лиц, причастных к приобретению, укрыванию, сбыту имущества, добытого преступным путем.

В Российской Федерации борьба с прикосновенностью к преступлениям против собственности активизировалась в связи с усилением борьбы с незаконным оборотом преступно добытого имущества на международном уровне. В целях приведения российского законодательства в соответствие с международными стандартами в Российской Федерации в 2001 г. был принят Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»².

В Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ) неоднократно вносили изменения в ст. ст. 174, 175. В 2015 г. принято постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем»³. В феврале 2019 г. было принято постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 февраля 2019 г. № 1 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2015 года № 32 „О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем“»⁴.

Исключительная роль в противостоянии криминализации имущественных отношений отводится правовым нормам, предусматривающим уголовную ответственность за совершение заранее не обещанных умышленных деяний, создающих благоприятные условия для совершения преступных посягательств против собственности. Однако исследование правоприменительной практики позволяет сделать вывод о наличии проблем в квалификации преступлений, предусмотренных ст. ст. 174, 175, 316 УК РФ. В их числе следует отметить вопросы отграничения прикосновенности к преступлениям против собственности от соучастия и смежных составов преступлений при неоконченной преступной деятельности, по совокупности с другими преступлениями. Трудности практического применения этих норм связаны со спорным характером их содержания,

² *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2001. № 33, ч. 1, ст. 6864 ; 2019. № 12, ст. 1223.

³ *Рос. газета*. 2015. 13 июля.

⁴ Там же. 2019. 7 марта.

а также противоречивостью разъяснений высших судебных органов по этим вопросам. Актуальной проблемой в такой ситуации становится назначение справедливого наказания.

Пониманию проблем прикосновенности к преступлениям против собственности и разграничения их с соучастием в данных преступлениях не способствует отсутствие в уголовном законе и в разъяснениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации понятия прикосновенности к преступлению. Второстепенная роль прикосновенности к преступлению, по сравнению с соучастием, приводит к тому, что она всегда рассматривается в общих чертах, независимо от того, к какому преступлению имеет отношение. Вопросы прикосновенности применительно к видам преступлений практически не исследовались. Вместе с тем изучение специфики прикосновенности именно к конкретным видам преступлений позволяет решать задачи дальнейшего совершенствования борьбы с различными преступлениями и развивать общее представление о сущности и содержании прикосновенности к преступлению, ее отличии от других форм участия лиц в совершении преступления.

Прикосновенность к преступлениям против собственности отличается от прикосновенности к иным видам преступлений распространенностью, особыми свойствами причастности к основному преступлению, среди которых — специфика предмета преступления и способа совершения прикосновенных действий.

Учитывая изложенное, можем констатировать, что тема монографического исследования актуальна как в теоретическом, так и в практическом плане. В работе предпринята попытка разрешения теоретических и практических проблем правовой регламентации и квалификации прикосновенности к преступлениям против собственности и разработки научно обоснованных рекомендаций, направленных на повышение эффективности и оптимизацию правоприменительной деятельности в сфере уголовной ответственности за прикосновенность к преступлениям против собственности.

ГЛАВА I. СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРИКОСНОВЕННОСТЬ К ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ

§ 1. Понятие, признаки и виды прикосновенности к преступлениям против собственности

Поскольку прикосновенность означает определенную связь с другим преступлением, данное обстоятельство должно быть положено в основу уголовной политики использования этого правового явления в борьбе с преступностью. Именно с данной правовой природой прикосновенности необходимо связывать все основные исследования и возможные направления совершенствования ее уголовно-правовой регламентации. При этом важно правильно оценить реальную общественную опасность явления с точки зрения причинения ущерба общественным отношениям и социальных последствий (их широты, глубины, интенсивности и инерционности)¹. Прикосновенность к преступлению объективно способствует распространению, существованию других преступлений, однако ее объективные свойства еще до конца не изучены и не оценены.

Исходя из основных направлений современной уголовной политики, совершенствование борьбы с корыстной преступностью предполагает использование всех имеющихся возможностей усиления воздействий на причины и условия совершения корыстных преступлений, поэтому необходимо изучать свойства прикосновенности к преступлениям против собственности и использовать полученные данные в борьбе с корыстными преступлениями.

Анализ сложившейся ситуации, наряду с анализом других системных проблем соучастия в преступлении, позволяет прийти к выводу, что существующий в теории уголовного права институт соучастия в преступле-

¹ Клеймёнов М. П. Криминология : учебник. М., 2008. С. 247–248.

нии уже не может являться центром теории множественности лиц, участвующих в совершении преступления, вокруг которого объединяются иные случаи стечения лиц в совершении преступления. Теория уголовного права нуждается в разработке комплекса вопросов, касающихся деятельности лиц, причастных к совершению преступления, совокупности звеньев, в равной степени объясняющих все возможные формы того или иного участия лиц в совершении преступления и уклонении от уголовной ответственности. Прикосновенность к преступлению выступает одним из самостоятельных видов множественности лиц, участвующих в совершении преступления, нуждающихся в самостоятельном уголовно-правовом регулировании.

Второстепенная роль прикосновенности к преступлению по сравнению с соучастием в преступлении приводила к тому, что прикосновенность к преступлению всегда рассматривалась в общих чертах, безотносительно к тому, к какому преступлению лицо имеет прикосновенность. Вопросы прикосновенности применительно к различным видам преступлений практически не исследовались. Вместе с тем изучение специфики именно прикосновенности к конкретным видам преступлений позволяет решать задачи дальнейшего совершенствования борьбы с конкретными видами преступлений и развивать общее представление о сущности и содержании прикосновенности к преступлению, ее отличии от других форм участия лиц в совершении преступления.

Прикосновенность к преступлениям против собственности представляет собой сложную преступную деятельность, раскрытие содержания которой связано с рядом определенных трудностей объективного и субъективного характера. Трудности объективного характера связаны с **отсутствием четких характеристик как прикосновенности к преступлениям в целом, так и к преступлениям против собственности**. Трудности субъективного характера обусловлены сложившимися традициями в понимании сущности и содержания прикосновенности к преступлениям.

Преодоление этих трудностей возможно лишь при решении нескольких ключевых задач, среди которых центральной задачей является выявление и описание **объективных и субъективных признаков прикосновенности к преступлению**.

В наиболее обобщенном виде данные признаки обычно бывают представлены в определениях прикосновенности к преступлению. Поэтому необходимо провести анализ существующих определений прикосновенности к преступлению.

В науке уголовного права понятию прикосновенности к преступлению уделялось серьезное внимание. И тем не менее можно констатировать, что в настоящее время в науке нет определения, которое бы теорией воспринималось как наиболее удовлетворительное. Этот вывод следует из того, что большинство исследователей проблемы формулируют свои собственные определения. Возникает необходимость анализа тех из них, которые ныне представлены в литературе. Прежде чем это сделать, обратим внимание на те сущностные признаки, которые должны быть включены в определение исследуемого понятия. Представляется, что уместно говорить о таких признаках, как объект посяательства, специфика объективной стороны прикосновенности, ее уголовно-правовая природа, вина, субъект, отличие от соучастия, основание для возникновения уголовной ответственности, виды прикосновенности.

Многие исследователи прикосновенности 40-х гг. XX в. не давали ее развернутого определения, нередко они ограничивались выделением какого-то одного свойства, которое, на их взгляд, подчеркивало ее сущность. Так, А. Н. Трайнин ограничивался указанием на то, что «прикосновенность охватывает такую связь третьих лиц с преступниками, которая не достигает интенсивности соучастия»². Применительно к соучастию представленная позиция автора, несомненно, значима. Однако она не очень плодотворна для понимания сущности прикосновенности. Автор подчеркивает, что связь прикосновенных лиц с преступниками не достигает интенсивности соучастия. С позиции современных требований авторское суждение нуждается в раскрытии, иначе трудно определиться с уголовно-правовым значением выражения «не достигает интенсивности соучастия». Не является исключением и точка зрения А. А. Пионтковского. Он рассматривал прикосновенность как деятельность хотя и связанную с совершением преступления, но не содействующую его совершению³. Авторское утверждение о том, что прикосновенность не содействует совершению основного преступления, имеет огромное значение, особенно для периода 40–50-х гг., когда некоторые теоретики предпринимали попытки отождествления прикосновенности с соучастием. Но одного этого свойства, несмотря на его важность, недостаточно, чтобы получить представление в целом о прикосновенности.

Пожалуй, одним из первых ученых-криминалистов, давших развернутое определение понятия анализируемого феномена, был В. Г. Смир-

² Трайнин А. Н. Учение о соучастии. М., 1941. С. 130.

³ Пионтковский А. А. Уголовное право. Общая часть. М., 1948. С. 425.

нов. Автор под прикосновенностью понимал умышленную деятельность не участвовавших в совершении преступления лиц, направленную на способствование сокрытию преступника, следов, орудий или предметов преступления, реализации его плодов⁴. Нельзя не отметить основательность авторского понимания прикосновенности. В. Г. Смирнов, подчеркивая специфику прикосновенности, непосредственно не ссылается на соучастие. Он проводит разграничение между прикосновенностью и соучастием посредством введения в определение признаков, присущих прикосновенности. К ним автор относит: «умышленную деятельность», «неучастие в совершении основного преступления», «деятельность, направленную на способствование сокрытию преступника, следов, орудий, предметов преступления, реализацию его плодов». Определение не проясняет специфику общественной опасности прикосновенности, ее уголовно-правовую природу, виды, ею образуемые. Если следовать логике автора, то прикосновенность он ограничивает заранее не обещанным укрывательством. Хотя В. Г. Смирнов относил к прикосновенности не только укрывательство, но и попустительство и недонесение. Едва ли можно согласиться с тем, что прикосновенность — способствование сокрытию преступления и преступника. Способствование означает оказание помощи лицу, осуществляющему основную деятельность. Можно предположить, что таковым является лицо, совершившее основное преступление. Следовательно, если такое лицо не укрывает себя или совершенное им преступление, а такую работу осуществляет укрыватель, то его деятельность не есть прикосновенность.

По мнению И. А. Бушуева, прикосновенность — «это умышленная деятельность не принимавших участия в преступлении лиц, которая направлена на сокрытие совершающегося или совершенного другими лицами преступления, а также умышленная бездеятельность, выражающаяся в неоказании помощи органам правосудия в раскрытии преступления и разоблачении преступника»⁵. Определение весьма лаконично, что, несомненно, является одним из его достоинств. В то же время, как представляется, оно не совсем удачно. Автор связывает укрывательство не только с совершенным, но и с совершающимся основным преступлением. Этот вид укрывательства позволяет оценивать не как прикосновенность, а как соучастие в преступлении.

⁴ Смирнов В. Г. Понятие прикосновенности по советскому уголовному праву. Л., 1957. С. 44.

⁵ Бушуев И. А. Ответственность за укрывательство преступлений и недоносительство. М., 1965. С. 40.

Не в полной мере можно согласиться с определением прикосновенности, сформулированным Г. И. Баймурзиным. Он полагает, что прикосновенность есть «умышленная общественно опасная деятельность, возникающая на почве совершенного или совершаемого другими лицами преступления и посягающая на социалистические общественные отношения в сфере предупреждения и раскрытия преступлений»⁶. Автор не включает в определение признаки, отражающие уголовно-правовую природу прикосновенности, ее объект и виды.

Более короткое понимание прикосновенности давали М. И. Ковалёв и А. К. Щедрина. По их мнению, прикосновенность к преступлению — это общественно опасная деятельность, связанная с преступлением, совершенным другими лицами, но не обуславливающая его совершение⁷. Ученые, несомненно, правы, утверждая, что прикосновенность — деятельность общественно опасная, она не обуславливает совершение основного преступления. В то же время из определения не вытекает, в чем специфика общественной опасности прикосновенности к преступлению, какие виды преступлений она объединяет.

Несколько иное определение исследуемого института формулирует Б. Т. Разгильдиев. По его мнению, прикосновенность к преступлению — это «предусмотренное уголовным законом умышленное общественно опасное деяние, направленное на устранение исправительно-трудового или иного воздействия на лиц, совершивших или готовящихся совершить достоверно известные преступления, причинно не обуславливающие их и посягающие на интересы общественной безопасности»⁸. Определение Б. Т. Разгильдиева объемно и включает действительно наиболее важные аспекты прикосновенности к преступлению. Представленное определение прикосновенности, на наш взгляд, значительно развивает уголовно-правовую теорию в рассматриваемой сфере. Однако и оно нуждается в совершенствовании, так как не совсем точно отражает законодательную ситуацию по исследуемой проблеме. Б. Т. Разгильдиев относит к прикосновенности в том числе и попустительство. На период проводимого им исследования оно не рассматривалось в качестве вида прикосновенности. Однако в определение понятия прикосновенности автор вводит признак «предусмотренное уголовным законом обществен-

⁶ Баймурзин Г. И. Ответственность за прикосновенность к преступлению по советскому уголовному праву : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1966. С. 9.

⁷ Советское уголовное право. Общая часть : учебник. М., 1977. С. 285.

⁸ Разгильдиев Б. Т. Уголовно-правовые проблемы прикосновенности к преступлению. Саратов, 1981. С. 44.

но опасное деяние». В то же время Б. Т. Разгильдиев не включает в него признак, который отражал бы уголовно-правовую природу прикосновенности. Кроме того, отнюдь не бесспорна авторская позиция относительно объекта прикосновенности.

Несколько иное понимание прикосновенности дает Ю. А. Красиков. По его мнению, прикосновенность — это умышленная деятельность, сопряженная с совершенным или готовящимся другими лицами преступлением. Она посягает на отношения в сфере предупреждения и раскрытия преступлений. Опасность прикосновенности, по его мнению, состоит в попустительстве преступления, помощи преступникам в сокрытии преступления, нейтрализации деятельности правоохранительных органов в изобличении преступника и раскрытии преступления⁹. С представленным пониманием прикосновенности по целому ряду обстоятельств следует согласиться. Действительно, прикосновенность — деяние умышленное, она основывается на совершенном, готовящемся преступлении, осуществляемом другими лицами. Опасность прикосновенности в известном смысле состоит в попустительстве преступления. Однако нельзя не высказать отдельные замечания и по этому толкованию. Прежде всего прикосновенность включает виды, которые осуществляются посредством бездействия (недоносительство, попустительство), и оценивать такое поведение посредством категории «деятельность» едва ли правомерно. Автор связывает прикосновенность только с совершенным либо готовящимся преступлением, оставляя без внимания преступление совершающееся. Объектом прикосновенности Ю. А. Красиков рассматривает сферу предупреждения и раскрытия преступлений, но при этом не «привязывает» ее к соответствующему разделу, главе Особенной части УК РФ. Еще в конце 60-х гг. XX в. некоторые авторы при определении понятия прикосновенности вводили в него в качестве самостоятельного признака объект. В этом качестве также указывали на препятствование изобличению преступника, в частности, отмечалось: «Прикосновенность к преступлению — это общественно опасная деятельность лица, не принимавшего участия в совершении преступления, которая препятствует изобличению преступника»¹⁰. П. Н. Панченко, справедливо полагая, что

⁹ Уголовное право России : учебник для вузов / под ред. А. Н. Игнатова, Ю. А. Красикова. Т. I : Общая часть. М., 1998. С. 254.

¹⁰ Курс советского уголовного права. Часть Общая / под ред. Н. А. Беляева, М. Д. Шаргородского. Л., 1968. Т. I. С. 634 ; Пионтковский А. А. Учение о преступлении. М., 1961. С. 590 ; Загородников Н. И. Советское уголовное право. Общая и Особенная части. М., 1975. С. 139 ; Уголовное право. Общая часть : учебник. М., 1997. С. 363.

такое определение нельзя считать полным, потому что оно не дает должного представления об объекте прикосновенности, предлагает свое понимание исследуемого института. По его мнению, прикосновенность «есть не содействующая совершению преступления, но связанная с ним общественно опасная деятельность, направленная на его сокрытие, а также бездеятельность, посягающая на общественные отношения в сфере предотвращения готовящегося, пресечение совершаемого либо раскрытия совершенного преступления»¹¹. Сформулированное автором определение выглядит значительно убедительнее всех предшествующих. Он точно отразил объективные признаки прикосновенности, отграничил ее от соучастия. В то же время, обоснованно упрекая криминалистов, не вводящих в определение понятия прикосновенности объект, он не в полной мере устраняет названную им проблему. Объект прикосновенности автор связывает с сокрытием преступления, с его предотвращением, пресечением, раскрытием. Перечисленные аспекты, полагаем, выступают содержанием объекта.

Не во всем прав и В. Т. Трифонов, полагая, что прикосновенность — это «заранее не обещанное, умышленное общественно опасное, противоправное поведение, создающее препятствия в деятельности по предупреждению, пресечению и раскрытию другого общественно опасного деяния, совершаемого или совершенного другим лицом, возможное только при наличии и по поводу последнего, но причинно и виновно не обуславливающее совершение этого деяния»¹². Несомненным достоинством данного определения представляется то, что автор, включая в прикосновенность недонесение, рассматривает его не только как общественно опасное деяние, но и как противоправное. Однако ученый не вводит в свое определение признаков, которые бы отражали уголовно-правовую природу прикосновенности, объект, виды.

По мнению А. Ф. Сизого, прикосновенность — это «уголовно наказуемая причастность лица к общественно опасному деянию, которое с ним не находится в причинной связи»¹³. С таким пониманием прикосновенности трудно согласиться. Автор почему-то связывает прикосновенность не с преступлениями, а с общественно опасным деянием.

¹¹ Панченко П. Н. Некоторые уголовно-правовые вопросы попустительства // Вопросы борьбы с преступностью. Иркутск, 1971. С. 31.

¹² Трифонов В. Г. Заранее не обещанное укрывательство наступлений и несообщение о них как виды прикосновенности к преступлению : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2000. С. 9.

¹³ Сизый А. Ф. Уголовное право. Общая часть : учебник. Чебоксары, 2003. С. 196.

Необходимо отметить, что вопросом определения понятия прикосновенности занимались практически все исследователи, изучающие проблемы данного института. Большинство авторов, в частности Е. О. Волотова, А. В. Зарубин, Н. С. Косякова, А. Д. Макаров, Е. В. Пономаренко, К. Н. Серёжкина, связывают прикосновенность к преступлению с посягательствами на интересы правосудия.

Г. А. Кригер прикосновенность к преступлению рассматривал как особый институт уголовного права и считал, что прикосновенность может быть определена как «умышленная деятельность не принимавших участия в совершении преступления лиц, которая направлена на сокрытие уже совершенного преступления, а равно такое умышленное бездействие лиц, обязанных по закону действовать, которое заключается в недонесении соответствующим органам о преступной деятельности третьих лиц или в невоспрепятствовании такой деятельности»¹⁴.

В. П. Ревин дает следующее определение прикосновенности к преступлению: «Под прикосновенностью к преступлению понимается связанная с совершенным другими лицами преступлением умышленная деятельность лица, не принимавшего участия в совершении преступления»¹⁵. Здесь же он раскрывает признаки прикосновенности к преступлению: в действиях лиц, прикосновенных к преступлению, отсутствует причинная связь с преступлением, совершаемым другими лицами; действия данных лиц не способствуют его совершению, но препятствуют раскрытию преступления и изобличению виновных. В этом раскрывается общественная опасность прикосновенности к преступлению. По объективным признакам В. П. Ревин выделяет два вида прикосновенности к преступлению: укрывательство преступлений и попустительство преступлению.

Как отмечает Р. Д. Шарапов, прикосновенность к преступлению — «это совершение лицом умышленного преступления в связи с преступлением, совершенным другим лицом, но при отсутствии с ним причинно-следственной связи»¹⁶. По мнению Р. Д. Шарапова, видами прикосновенности к преступлению являются: заранее не обещанное укрывательство преступлений; заранее не обещанное попустительство преступлению; недонесение о преступлении. При этом разновидностям

¹⁴ Советское уголовное право. Общая часть : учебник / под ред. Г. А. Кригера, Н. Ф. Кузнецовой, Ю. М. Ткачевского. 2-е изд., доп. и перераб. М., 1988. С. 193.

¹⁵ Уголовное право Российской Федерации : учеб. пособие : в 3 т. / под ред. В. П. Ревина, Р. А. Базарова. Челябинск, 2000. Т. 1 : Общая часть. С. 74.

¹⁶ Уголовное право России. Общая часть : учебник / В. В. Бабурин [и др.] ; под ред. Р. Д. Шарапова. Тюмень, 2013. С. 279.

ми укрывательства выступают: заранее не обещанное приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем; легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем¹⁷.

В. И. Морозов и А. В. Зарубин считают, что под прикосновенностью к преступлению понимается «умышленная преступная деятельность, препятствующая реализации уголовной ответственности и иных мер уголовно-правового характера в отношении лица, совершившего основное общественно опасное посягательство, не являющаяся соучастием в нем и выражающаяся в форме заранее не обещанного укрывательства, попустительства и несообщения о совершении общественно опасного посягательства»¹⁸.

По мнению Н. С. Косяковой, практически все исследователи, характеризуя прикосновенность к преступлению, указывают на два ее отличительных признака: во-первых, наличие определенной связи с уже существующим явлением, т. е. совершенным, совершающимся или готовящимся преступлением, во-вторых, отсутствие содействия совершению исходного преступления¹⁹.

Оригинальное определение прикосновенности в своей работе «Уголовно-правовое регулирование прикосновенности» формулирует А. В. Зарубин: «Прикосновенность к преступлению — это умышленная общественно опасная деятельность, препятствующая применению мер уголовно-правового воздействия за совершение основного посягательства при отсутствии признаков соучастия в нем»²⁰.

К. Н. Серёжкиной было представлено определение родового понятия прикосновенности. По ее мнению, прикосновенность к преступлению в уголовном праве России — это умышленные общественно опасные деяния (действие или бездействие) не принимавших участия в совершении основного преступления лиц, которые посягают на интересы государственной власти и связаны с сокрытием основного преступления от правосудия либо с непринятием мер по его предупреждению²¹.

¹⁷ Там же. С. 280.

¹⁸ Морозов В. И., Зарубин А. В. Уголовно-правовое регулирование прикосновенности к преступлению : учеб. пособие. Тюмень, 2011. С. 55.

¹⁹ Косякова Н. С. Прикосновенность к преступлению по российскому уголовному праву: становление, состояние и перспективы развития : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 49–50.

²⁰ Зарубин А. В. Уголовно-правовое регулирование прикосновенности к преступлению : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2004. С. 12.

²¹ Серёжкина К. Н. Прикосновенность к преступлению в уголовном праве России: оптимизация норм и практики их применения : дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2009. С. 64–65.

Достаточно содержательное определение прикосновенности к преступлению было сформулировано Е. О. Волотовой. Она считает, что прикосновенность к преступлению представляет собой имеющую уголовно-правовое значение специфическую связь деяния одного лица с преступлением другого лица, при котором прикосновенное лицо не является исполнителем или иным соучастником преступления, но действие (бездействие) которого предопределяет возможность его совершения либо обеспечивает сокрытие²².

Интересную позицию по вопросу определения прикосновенности к преступлению, на наш взгляд, занимает М. М. Лапунин. Автор, исследуя данную проблему, поднимает вопрос о соотношении института прикосновенности и «вторичной преступной деятельности». Е. В. Пономаренко, поддерживая стремление М. М. Лапунина объединить все такого рода составы преступлений посредством категории «вторичная преступная деятельность», говорит о том, что названная категория действительно позволяет выделить значительную группу преступлений, характеризующихся единой природой, и по своей форме, в отличие от прикосновенности, более точна. Но при этом Е. В. Пономаренко считает, что «вторичная преступная деятельность» охватывает не только устоявшиеся виды прикосновенности, такие как укрывательство, доноительство и попустительство, но и другие составы преступлений: легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем (ст. 174 УК РФ); приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем (ст. 175 УК РФ)²³.

Е. В. Пономаренко дает следующее определение прикосновенности к преступлению — это умышленные деяния, создающие угрозу причинения ущерба деятельности органов дознания, предварительного расследования, суда в части осуществления ими своевременного и качественно уголовно-процессуального преследования, вынесения справедливого приговора в отношении лиц, совершивших умышленные преступления, их не обусловившие, но возникающие в связи с ними и на их основе в виде: заранее не обещанного укрывательства преступления или лица, его совершившего; не оказания помощи правосудию в части готовящегося, совершающегося или совершенного преступления, воспрепятствую-

²² Волотова Е. О. Прикосновенность к преступлению: понятие, виды, ответственность : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 19.

²³ Пономаренко Е. В. Некоторые теоретические и законодательные проблемы прикосновенности к преступлению по уголовному праву Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007. С. 61.

щие решению задач УК РФ²⁴. Данное определение, на наш взгляд, является наиболее полным из всех представленных в теории уголовного права, что позволяет применять его к преступлениям против собственности.

Продолжая характеристику понятия причастности к преступлениям против собственности необходимо обратиться к анализу его основных признаков. В юридической литературе признаки прикосновенности определяются по-разному. Так, В. И. Морозов и А. В. Зарубин в качестве основных признаков выделяют ее общественную опасность, возможность возникновения только на основе другого основного (предикатного) преступления, причинение вреда иным общественным отношениям, в отличие от тех, которым причиняется вред основным преступлением²⁵. На основе данных признаков они предлагают следующее определение прикосновенности к преступлению: это умышленная преступная деятельность, препятствующая реализации уголовной ответственности и иных мер уголовно-правового характера в отношении лица, совершившего основное общественно опасное посягательство, не являющаяся соучастием в нем и выражающаяся в форме заранее не обещанных укрывательства, попустительства и несообщения о совершении общественно опасного посягательства²⁶. Р. Д. Шарапов определяет прикосновенность к преступлению как совершение лицом умышленного преступления в связи с преступлением, совершенным другим лицом, но при отсутствии с ним причинно-следственной связи²⁷. Л. Д. Гаухман определяет прикосновенность как уголовно наказуемую причастность к преступлению, не находящуюся с ним в причинной связи²⁸.

Проанализировав существующие в юридической литературе определения²⁹, считаем наиболее простым, но точным определение прикосно-

²⁴ Там же. С. 69.

²⁵ Морозов В. И., Зарубин А. В. Указ. соч. С. 55.

²⁶ Там же. С. 70.

²⁷ Уголовное право России. Общая часть : учебник / под ред. Р. Д. Шарапова. С. 279.

²⁸ Уголовное право. Общая часть : учебник / под ред. Л. Д. Гаухмана, С. В. Максимова. 2-е изд., доп. и перераб. М., 2005. С. 222–223.

²⁹ Уголовное право России. Общая часть : учебник / под ред. Р. Д. Шарапова. С. 278–279; Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учебник / под ред. В. В. Векленко. 3-е изд., перераб. и доп. Омск, 2016. С. 209; Курс советского уголовного права. Часть Общая : в 2 т. / под ред. Н. А. Беляева, М. Д. Шаргородского. Т. I. С. 634; Пионтовский А. А. Учение о преступлении. С. 590; Загородников Н. И. Указ. соч. С. 139; Уголовное право. Общая часть : учебник. С. 363; Уголовное право. Общая часть : учебник / под ред. Л. Д. Гаухмана, С. В. Максимова. 2-е изд., доп. и перераб. С. 222–223.

венности, которое дает В. В. Векленко: это «такая деятельность, которая не состояла в причинной связи с поведением исполнителя и не создавала условий для совершения им преступления, а возникла в связи с уже совершенным преступлением»³⁰. В данном определении есть точное указание на главные отличия прикосновенности от соучастия в преступлении: она не имеет причинной связи с предшествующим преступлением, возможна только после окончания преступления, предшествующего прикосновенному преступлению. Вместе с тем в определении прикосновенности должны найти отражение и другие признаки, раскрывающие правовую природу прикосновенности, в частности особенности связи прикосновенной деятельности с основным, предшествующим преступлением. Необходимо еще раз отметить, что прикосновенная деятельность основана на предшествующем преступлении.

Таким образом, практически все исследователи, характеризую прикосновенность к преступлению, указывают два ее отличительных признака: во-первых, наличие определенной связи с уже существующим явлением, т. е. совершенным, совершающимся или готовящимся преступлением, во-вторых, отсутствие содействия совершению исходного преступления. При этом одни авторы понимают под прикосновенностью к преступлению заранее не обещанные умышленные общественно опасные деяния, связанные с преступлением, но не содействующие его совершению³¹. Другие определяют прикосновенность как общественно опасную деятельность лица³². Некоторые авторы, трактуя понятие прикосновенности к преступлению, делают акцент на том, что это общественно опасная деятельность лица, не принимавшего участия в совершении преступления, которая препятствует изобличению преступника³³.

В юридической литературе были сделаны попытки вообще отказаться от понятия прикосновенности к преступлению, упразднить этот

³⁰ Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учебник / под ред. В. В. Векленко. 3-е изд., перераб. и доп. С. 209.

³¹ Радунцева Н. Г. Уголовная ответственность за заранее не обещанное укрывательство : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 1980. С. 180 ; Разгильдиев Б. Т. Уголовно-правовые проблемы прикосновенности к преступлению : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1979. С. 63 ; Тельнов П. Ф. Ответственность за соучастие в преступлении : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1972. С. 285.

³² Баймурзин Г. И. Указ. соч. С. 50 ; Смирнов В. Г. Понятие прикосновенности по советскому уголовному праву : дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1954. С. 198 ; Гришаев П. И., Кригер Г. А. Соучастие по уголовному праву. М., 1959. С. 207.

³³ Курс советского уголовного права. Часть Общая : в 2 т. / под ред. Н. А. Беляева, М. Д. Шаргородского. Т. 1. С. 634.

институт, а некоторые виды прикосновенности отнести к соучастию. По мнению сторонников этой точки зрения, «преступная деятельность лица не исчерпывается лишь совершением преступления в том смысле, как оно обрисовано в соответствующем составе преступления, а продолжается и дальше в форме использования плодов преступления, реализации предметов, добытых преступным путем, вплоть до момента достижения конечных целей всей общественно опасной деятельности данного лица»³⁴.

А. С. Омаров утверждает, что понятие прикосновенности не имеет какой-либо четкости. По его мнению, в уголовном праве нет никакой необходимости пользоваться им, поскольку формы прикосновенности есть самостоятельные составы преступлений³⁵.

Наиболее точным из рассмотренных выше считаем следующее определение прикосновенности — это умышленное совершение преступных действий после окончания чужого преступления, объективно препятствующих своевременному раскрытию этого преступления и привлечению виновного лица к уголовной ответственности, наказанию и возмещению причиненного ущерба от этого преступления. Преступной признается прикосновенность к преступлению средней тяжести, тяжкому и особо тяжкому преступлению. Умышленное совершение преступного деяния следует за преступлением, завершенным другим лицом.

Прикосновенность к преступлению, являясь самостоятельным институтом Общей и Особенной частей российского уголовного права, обладает специфическими признаками, при наличии которых те или иные общественно опасные деяния можно будет отнести к прикосновенности и, наоборот, отличить от других видов преступных деяний, в частности, *от соучастия в преступлении*. При этом, как верно отмечает А. А. Харламова, «в отличие от соучастия, при прикосновенности между деянием прикосновенного лица и преступлением не должно быть прямой связи»³⁶.

Некоторые авторы полагают, что по степени общественной опасности прикосновенность к преступлению менее значительна, чем соучастие,

³⁴ Меркушев М. Ответственность за укрывательство // Соц. законность. 1995. № 1. С. 19–24 ; Мишунин П. Институт прикосновенности к преступлению в советском уголовном праве // Там же. 1956. № 11. С. 7–16.

³⁵ Омаров А. С. Ответственность за укрывательство преступлений по советскому уголовному праву : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1954. С. 83, 86.

³⁶ Харламова А. А., Замятин Е. Р. Прикосновенность к преступлению или соучастие в преступлении? // Правоохранительные органы: теория и практика. 2020. № 2. С. 61.

что также различает эти институты³⁷. По данному вопросу следует согласиться с мнением русского криминалиста Н. А. Неклюдова, отмечавшего, что укрыватели в некоторых случаях «даже виновнее тех, которые сами совершили преступление. Так, например, укрыватель краденых вещей, отправлявший долгое время сие пагубное и гнусное ремесло, должен, без сомнения, быть наказан строже того, который учинил маловажную кражу, особливо в первый раз, тем более что именно сии люди и само существование их суть побуждения к преступлению»³⁸.

Считаем, что степень общественной опасности прикосновенности и ее умышленный характер не следует относить к отличительным признакам исследуемого института, поскольку они таковыми не являются.

Полагаем, что при раскрытии понятий прикосновенности к преступлению и прикосновенности к преступлениям против собственности не следует указывать на ее умышленный характер еще и потому, что в настоящее время целесообразно установить уголовную ответственность, например, за попустительство преступлениям должностными лицами, легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества криминального происхождения, совершенную не только умышленно, но и по неосторожности. В свою очередь таким деяниям присущи все признаки прикосновенности.

В целях оптимизации вопросов разграничения прикосновенности к преступлению и соучастия в преступлении необходимо в диспозиции ст. 316 УК РФ отразить признаки объективной стороны укрывательства, заменив действующую диспозицию на следующий текст: «Соккрытие преступника, средств и орудий совершения преступления, следов преступления или предметов, добытых преступным путем, либо приобретение или сбыт предметов, добытых преступным путем, после окончания тяжкого преступления». Этой же точки зрения придерживаются 53 (45%) из 98 оперуполномоченных и следователей подразделений по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений экономической направленности в Омской, Новосибирской областях и в Красноярском крае и 12 (56%) из 25 судей и работников прокуратуры Новосибирской и Омской областей, Красноярского края, опрошенных в ходе проведения исследования. В рамках экспертной оценки данную позицию поддержали 13 (43%) из 30 опрошенных кандидатов юридических наук.

Несмотря на многочисленные попытки раскрыть содержание признаков прикосновенности к преступлениям, в том числе и к преступле-

³⁷ Гришаев П. И., Кригер Г. А. Указ. соч. С. 208.

³⁸ Неклюдов Н. А. Руководство к Особенной части русского уголовного права : в 4 т. СПб., 1878. Т. 2. С. 322.

ниям против собственности, сущностные признаки прикосновенности к преступлению остаются невыделенными. Связано это с тем, что прикосновенность просто противопоставляется соучастию, не анализируется с самостоятельных позиций. Очевидно, что обращение к прикосновенности к преступлениям против собственности как таковой может иметь смысл только в том случае, когда она представляет собой самостоятельный институт уголовного права. В противном случае все внимание должно быть обращено к анализу разновидностей соучастия в преступлениях против собственности. Исходя из этого, нужно составлять представление о сущности и содержании прикосновенности к преступлению.

Прикосновенность означает, что лицо преступно прикасается к преступлению, совершенному другим субъектом, следовательно, в его действиях образуется преступление. Иными словами прикосновенность представляет собой существование двух связанных между собой преступлений. Эта связь подчеркивается понятием прикосновения одного преступления к другому. Таким образом, понятие прикосновенности к преступлению исключает наличие в ней только одного преступления. Если нет первого преступления, основного, то и не может быть прикосновенности, не к чему прикасаться. Если нет второго преступления, прикосновенного к основному, то соответственно не может быть прикосновенности к преступлению.

Все это свидетельствует о том, что прикосновенность по своему содержанию, составу и структуре является полной противоположностью соучастию, под которым понимается умышленное совместное участие двух и более лиц в совершении одного на двоих субъектов умышленного преступления, что двух преступлений при соучастии не возникает. Для прикосновенности к преступлению характерны два субъекта, каждый из которых совершает свое преступление. Из этого возникает два преступления. Таким образом, можно сказать, что прикосновенность к преступлению по своей структуре больше похожа на множественность преступлений, в которой присутствует два и более преступления, нежели на соучастие, в котором только одно преступление.

Конечно, нельзя абсолютизировать сходство прикосновенности с множественностью преступлений, поскольку в множественности два и более преступления совершаются одним и тем же лицом, что и сближает данные преступления, выделяя их из простого наличия двух преступлений, совершенных разными лицами. В прикосновенности к преступлению два преступления сближает причастность, связанность действий одного субъекта преступления с действиями второго субъекта, совершившего другое самостоятельное преступление.

Следует также обратить внимание на то, почему множественность преступлений выделяется в ряду простого числа преступлений, совершаемых разными лицами, и образующих саму преступность. Множественность преступлений выражает повышенную опасность связи, повторения преступлений одним лицом, что должно отражаться на усилении его уголовной ответственности. Поскольку прикосновенность к преступлению также представляет собой связь двух преступлений, это тоже должно найти отражение в усилении уголовной ответственности второго субъекта, прикосновенного к первому преступлению. Этот принцип исторически использовался в те времена, когда прикосновенность находилась в рамках соучастия в преступлении, а все соучастники подлежали одинаковому наказанию.

Не вдаваясь пока в детали усиления уголовной ответственности и наказания, остановимся на вопросах конструкции прикосновенности к преступлению. Итак, в отличие от соучастия, прикосновенность — это всегда наличие двух самостоятельных преступлений. Данное обстоятельство должно быть положено в основу определения прикосновенности к преступлению, обеспечивая при этом первоначальность и самодостаточность признаков прикосновенности к преступлению, поскольку в большинстве случаев в юридической литературе она определяется не самостоятельностью ее признаков, а посредством указания на отсутствие признаков соучастия в преступлении.

Кроме того, необходимо обратить внимание на содержание связи между преступлениями. Несмотря на то, что она не является причинной связью, она содержательна и существенна настолько, что ее долгие годы, с учетом направленности объектов преступного посягательства и применения уголовного наказания, фактически приравнивали к причинной связи. Выделение прикосновенности в самостоятельный уголовно-правовой институт объективно потребовало более детального разграничения данной связи с причинной связью, а значит и более детальной характеристики ее содержания.

Характеристика содержания связи между двумя преступлениями в прикосновенности к преступлению может быть полностью исследована и описана по ее признакам только с учетом содержания всех видов прикосновенности к преступлению. Существующие в законодательстве и в теории уголовного права такие ее виды, как укрывательство, недонесение, приобретение и сбыт, легализация, попустительство, очень сложно поддаются классификации. Одна из причин этого состоит в том, что не все из указанных действий, признаваемых некоторыми специалистами

видами прикосновенности, к ней относятся. В частности, речь идет о попустительстве преступлениям.

Подводя итог, необходимо отметить, что рассмотренные выше определения прикосновенности к преступлению содержат указание на наиболее актуальные ее признаки. Сопоставление данных признаков позволяет выделить объективные и субъективные признаки прикосновенности к преступлению.

По мнению А. Д. Макарова, прикосновенность к преступлению, являясь самостоятельным институтом российского уголовного права, обладает следующими специфическими признаками:

1) прикосновенность к преступлению — это деяния (действие либо бездействие), не являющиеся участием в преступлении;

2) такие деяния заранее не обещаны лицам, совершающим основное преступление;

3) эти деяния не находятся в причинной связи с исходным преступлением; не являются причиной преступного результата и не способствуют наступлению этого результата;

4) объектом прикосновенности к преступлению выступает общественная безопасность;

5) прикосновенность к преступлению, в отличие от соучастия, карается не во всех случаях, а лишь в случаях, установленных законом;

6) ответственность прикосновенных к преступлению лиц самостоятельна и независима по отношению к основному виновнику и к другим прикосновенным лицам. Степень общественной опасности прикосновенных к преступлению в ряде случаев в значительной мере определяется степенью общественной опасности основного преступления³⁹.

Е. В. Пономаренко выделяет следующие признаки прикосновенности к преступлению:

1) объект прикосновенности (в этом качестве выступает правосудие);

2) объективную сторону, которая характеризуется действием, бездействием;

3) субъективную сторону, выражающуюся в умысле;

4) признаки, отличающие прикосновенность от соучастия (их суть в том, что деяния прикосновенных лиц не обуславливают совершение основных преступлений);

³⁹ Макаров А. Д. Уголовная ответственность за прикосновенность к преступлению : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 88–89.

5) основание для привлечения прикосновенных лиц к уголовной ответственности — совершенные, совершающиеся либо готовящиеся отдельные умышленные преступления;

6) виды прикосновенности: заранее не обещанное укрывательство преступления или преступника; неоказание помощи правосудию по своему современному и качественному уголовно-процессуальному преследованию, вынесению справедливого приговора в части готовящегося, совершающего либо совершенного преступления;

7) уголовно-правовая природа прикосновенности, выступающая как воспрепятствование решению задач УК РФ⁴⁰.

Указанные признаки с некоторыми дополнениями, по нашему мнению, можно отнести и к прикосновенности к преступлениям против собственности.

Принимая во внимание оригинальную классификацию признаков прикосновенности к преступлению, изложенную в работе Е. В. Пономаренко, считаем необходимым проанализировать признаки прикосновенности к преступлениям против собственности.

1. Прикосновенность к преступлениям против собственности имеет сложный, многообъектный характер. В качестве объектов рассматриваемых нами видов прикосновенности к преступлениям против собственности выступают как сфера интересов правосудия, так и сфера экономических отношений, однако предметом посягательства при совершении прикосновенной деятельности к преступлениям против собственности, как правило, выступают деньги или имущество, добытые преступным путем.

2. Объективная сторона прикосновенности к преступлениям против собственности характеризуется чрезвычайно сложной специфической природой, которая заключается в том, что, в отличие от всех других форм преступной деятельности, возникает исключительно в результате и в связи с преступлением, совершенным другими лицами. Первым признаком объективной стороны прикосновенности к преступлениям против собственности является ее причинная обусловленность основным преступлением против собственности и ее возникновение только при условии преступной деятельности других лиц.

Законодатель, устанавливая уголовную ответственность за прикосновенность, исходит прежде всего именно из той реальной опасности наступления вредного последствия, которая создается деятельностью прикосновенных лиц. Вторым признаком объективной стороны прикос-

⁴⁰ Пономаренко Е. В. Указ. соч. С. 69–70.

новенности к имущественным преступлениям являются ее общественно опасные последствия.

3. Субъективная сторона прикосновенности к преступлениям против собственности характеризуется умышленной деятельностью. Одним из существенных признаков субъективной стороны прикосновенности к преступлениям против собственности выступает сознание виновным общественной опасности своих действий, предвидение того, что совершенное другими лицами хищение может оказаться нераскрытым, причиненный ущерб — невозмещенным, а преступники могут уклониться от ответственности. Особенностью субъективной стороны прикосновенности к преступлениям против собственности является сознание лицом фактических элементов основного преступления (хищения) и того, что оно препятствует его раскрытию и пресечению. Важными критериями признания совершенных действий прикосновенными к хищению выступают наличие внешней связи поведения виновного с конкретно совершенным преступлением, полная осведомленность виновного об основных признаках и обстоятельствах состава совершенного преступления и, наконец, сознание того, что он своими действиями препятствует пресечению именно этого преступления и изобличению лиц, его совершивших.

4. В отличие от соучастия в преступлении против собственности, при прикосновенности к преступлению против собственности действия, совершаемые виновными, по общему правилу, происходят после окончания преступления против собственности или после того, как преступление против собственности прервано на стадии приготовления или покушения, когда окончательно приостановлена преступная деятельность, и действия преступников должны быть квалифицированы непосредственно по соответствующей статье УК РФ, предусматривающей ответственность за преступление против собственности согласно Особенной части УК РФ, как приготовление к преступлению против собственности или покушение на преступление против собственности, прикосновенность к которому наказуема по закону. Действия лиц, прикосновенных к преступлению против собственности, находятся за пределами состава преступления против собственности и соучастия.

Совместное совершение преступлений против собственности, в отличие от прикосновенности к преступлениям против собственности, характеризуется следующими чертами: оно представляет собой определенное психофизическое единство поведения нескольких лиц; объединение для совершения преступления против собственности нескольких лиц

способствует причинению более существенного материального ущерба; оно повышает степень общественной опасности преступления против собственности. Соучастие в преступлении против собственности наказуемо во всех случаях, а прикосновенная деятельность как менее опасная форма преступного проявления наказуема в случаях, специально указанных в Особенной части УК РФ.

5. Основанием для привлечения лиц к уголовной ответственности прикосновенных к преступлениям против собственности выступают совершенные, совершающиеся либо готовящиеся отдельные (некоторые) умышленные преступления против собственности.

Учитывая названные признаки, прикосновенность к преступлениям против собственности следует определять следующим образом.

Прикосновенность к преступлению против собственности — это посягающие на общественную безопасность и предусмотренные уголовным законом виновно совершенные общественно опасные деяния (действия или бездействие), связанные с готовящимся, совершающимся или совершенным преступлением против собственности, но не содействующие его подготовке и совершению, а значит не находящиеся в причинной связи с преступным результатом.

Изложенное позволяет утверждать, что понятие прикосновенности к преступлению вообще и понятие прикосновенности к преступлениям против собственности в частности представляют собой отражение реально существующих общественно опасных явлений с присущими им признаками, необходимость уголовно-правовой оценки которых вызвана, прежде всего, потребностями судебно-следственной практики, ориентированной на усиление борьбы с тяжкими преступлениями. По мнению специалистов, ее успешность в значительной мере зависит и от борьбы с проявлениями прикосновенности к данным преступлениям.

Исследование вопросов определения видов прикосновенности к преступлениям против собственности имеет большое теоретическое и практическое значение. Теоретическое заключается в том, что, во-первых, без учета разнообразия всех видов такой прикосновенности невозможно дать полное и точное определение понятия прикосновенности к преступлениям против собственности. Во-вторых, анализ отдельных видов прикосновенности к преступлениям против собственности позволяет учитывать сущность и особенности каждой общественно опасной прикосновенной деятельности. В-третьих, разновидности такой прикосновенности позволяют составить полное представление о сущности прикосновенности к преступлениям против собственности.

Практическое значение анализа видов прикосновенности к преступлениям против собственности заключается в том, что точное определение содержания видов прикосновенности позволяет корректировать направление и содержание борьбы с преступлениями против собственности, обеспечить правильную квалификацию прикосновенных преступных действий.

Кроме того, необходимо обратить внимание на содержание связи между основным и прикосновенным преступлением. Несмотря на то, что она не является причинной связью, она содержательна и существенна настолько, что ее долгие годы, с учетом направленности объектов преступного посягательства и применения уголовного наказания, фактически приравнивали к причинной связи. Выделение прикосновенности в самостоятельный уголовно-правовой институт объективно потребовало более детального разграничения данной связи с причинной связью, а значит и более детальной характеристики ее содержания⁴¹.

В российском уголовном законодательстве виды прикосновенности к преступлению не выделяются. Не рассматривается данный вопрос и в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ⁴². В юридической науке большинство авторов традиционно к видам прикосновенности относят: укрывательство, доноительство и попустительство⁴³. Следует также отметить, что среди ученых нет единого мнения и относительно того, чем именно являются названные преступления — видами или все-таки формами прикосновенной деятельности. Так, Г. И. Баймурзин, рассматривая укрывательство, доноительство и попустительство, выделяет их в ка-

⁴¹ Уголовное право. Общая часть : учебник для вузов / под общ. ред. В. В. Венгленко. М., 2017. С. 191 ; *Научные основы квалификации преступлений : учебник* / С. Н. Шатилов [и др.]. Тюмень, 2015. С. 203–204.

⁴² Следует отметить, что данный вопрос нашел отражение в нормативном постановлении Верховного Суда Республики Казахстан от 22 декабря 2016 г. № 14, в котором и отмечается, что основными видами прикосновенности к преступлению, за которые Уголовным кодексом Республики Казахстан предусмотрена ответственность, являются заранее не обещанное укрывательство коррупционного, тяжкого или особо тяжкого преступления (ст. 432) и недонесение о достоверно известном готовящемся или совершенном особо тяжком преступлении либо достоверно известном готовящемся акте терроризма (ст. 434) (*О некоторых вопросах применения судами законодательства об ответственности за прикосновенность к преступлению и пособничество в уголовном правонарушении : нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 22 декабря 2016 г. № 14 // Казахстанская правда. 2017. 2 февр.*).

⁴³ Макаров А. Д. Указ. соч. С. 56 ; Зарубин А. В. Уголовно-правовое регулирование прикосновенности к преступлению : дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2004. С. 34.

честве форм прикосновенности к преступлению, добавляя к ним приобретение или сбыт имущества, добытого преступным путем⁴⁴. А. В. Зарубин, исследуя прикосновенность к преступлению, также определяет укрывательство, недоносительство и попустительство в качестве форм прикосновенности, отдельно анализируя составы преступлений, предусматривающие ответственность за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества и за приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем⁴⁵. В науке существует и иная точка зрения, в соответствии с которой укрывательство, недоносительство и попустительство рассматриваются как виды прикосновенности к преступлению, а легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества и приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем, рассматриваются как разновидности укрывательства преступлений⁴⁶.

На наш взгляд, особого внимания заслуживает точка зрения К. Н. Серёжкиной. Автор, исследуя родовое понятие прикосновенности, говорит о том, что названными тремя деяниями (укрывательством, недоносительством и попустительством) родовое понятие прикосновенности к преступлению не исчерпывается. По мнению К. Н. Серёжкиной, в науке уголовного права России к видам прикосновенности нередко относили и продолжают относить заранее не обещанное приобретение и сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем («скупку краденого», «пользование плодами преступного деяния»), а также легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем. Для владения, пользования и распоряжения чужими криминальными доходами характерны основные признаки прикосновенности к преступлению. Эти деяния связаны с совершением другими лицами традиционных преступлений, в результате которых в незаконном владении и пользовании виновного оказывается имущество, которое затем сбывается или легализуется; при этом связь с основным преступлением не является причинно-следственной, поскольку «легализатор» и «скупщик» преступно добытого имущества не содействуют основному преступнику, не оказывают никакого влияния на его сознание и волю⁴⁷.

⁴⁴ Баймурзин Г. И. Указ. соч. С. 45.

⁴⁵ Зарубин А. В. Уголовно-правовое регулирование прикосновенности к преступлению : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. С. 16–18.

⁴⁶ Косякова Н. С. Указ. соч. С. 72–73 ; Макаров А. Д. Указ. соч. С. 89–90.

⁴⁷ Серёжкина К. Н. Указ. соч. С. 69–70.

Автор рассматривает вопрос о том, составляют ли указанные деяния самостоятельные виды прикосновенности наряду с укрывательством, не-
доносительством и попустительством или же примыкают к одному из на-
званных видов, при этом констатирует, что уголовно-правовые нормы об
ответственности за заранее не обещанное приобретение и сбыт имуще-
ства, заведомо добытого преступным путем, а также легализацию (отмы-
вание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими
лицами преступным путем, следует считать именно видами прикосно-
венности в силу их целевой направленности. Данные преступные пося-
гательства связаны с сокрытием добытых преступным путем денежных
средств или иного имущества либо с сокрытием преступного источника
их происхождения, в связи с чем данные деяния создают условия для со-
вершения другими лицами основных преступлений, в результате кото-
рых такое имущество приобретается. Именно это обстоятельство высту-
пает основанием криминализации указанных видов прикосновенности:
рассматриваемые деяния обладают общественной опасностью не сами
по себе, а в связи с «поощрением» преступной деятельности других лиц.
Поэтому уголовно-правовые нормы об ответственности за «владение,
пользование и распоряжение» преступными доходами направлены на
предупреждение совершения преступлений другими лицами⁴⁸.

Подтверждением этому, по мнению К. Н. Серёжиной, служат также
точки зрения известных ученых-юристов. Так, Г. Г. Криволапов считал, что
отождествлять «укрывательство» и «скупки краденного», несмотря на их
внешнее сходство, нельзя. Во-первых, они различаются по характеру дей-
ствия. При укрывательстве — это способ сокрытия преступления; при
приобретении или сбыте добытых преступным путем вещей — способ из-
влечения виновным материальной выгоды. Во-вторых, различие состоит
в направленности умысла субъектов указанных преступлений. В первом
случае умысел направлен на сокрытие преступления или преступника,
а во втором — на сокрытие имущественной выгоды. В-третьих, рассматри-
ваемые деяния можно различать и по объему тех сведений относительно
основного преступления, которыми располагают субъекты посягатель-
ства. При укрывательстве необходимо осознание виновным рода и харак-
тера укрываемого преступления, а при приобретении (сбыте) — общее
представление о том, что вещи добыты преступным путем⁴⁹.

⁴⁸ Там же. С. 70.

⁴⁹ Криволапов Г. Г. Отграничение приобретения или сбыта имущества, заведомо
добытого преступным путем, от соучастия и укрывательства преступлений // Сов.
юстиция. 1968. № 9. С. 17.

Относительно различий укрывательства криминального имущества и легализации преступных доходов А. А. Шебунов писал: уголовно-правовое содержание ст. 174 шире, чем ст. 316, так как в первой установлена ответственность за отмывание преступных доходов, полученных в результате совершения любого преступления. Предметом же укрывательства (в случае сокрытия предметов, добытых преступным путем) могут быть только имущественные ценности, полученные в результате совершения особо тяжких преступлений. Направленность умысла виновных при отмывании преступных доходов, по сравнению с укрывательством, несколько иная, поскольку выражает намерение не только скрыть (спрятать) преступно полученное имущество, но и легализовать отмываемые средства для осуществления предпринимательской или иной экономической деятельности. Кроме того, актом отмывания может быть непосредственно осуществлено только укрывательство доходов, принесенных преступлением, но не преступника и совершенного им деяния, хотя на практике часто умышленное отмывание «материальных плодов» правонарушений в значительной мере способствует также сокрытию связанных с ними преступлений⁵⁰.

К. Н. Серёжкина проводит различие и по характеру действий, составляющих объективную сторону анализируемых посягательств. Согласно закону объективная сторона легализации включает совершение финансовых операций или иных сделок с имуществом, полученных преступным путем. При укрывательстве же характер действий преступника законом не определен и, следовательно, может быть любым⁵¹.

В процессе правоприменения спорным остается и вопрос о том, каким образом квалифицировать легализацию имущественных ценностей, полученных в результате совершения особо тяжких преступлений: как отмывание преступных доходов или как укрывательство уголовных деяний. По мнению А. А. Шебунова, наиболее правильной была бы квалификация таких действий по ст. 174 УК РФ, поскольку при конкуренции общей и специальной норм уголовная ответственность согласно ч. 3 ст. 17 УК РФ должна наступать по специальной норме⁵².

В настоящее время нормы о легализации и укрывательстве не относятся как общая и специальная в полном объеме, так как законодательно не решен дискуссионный вопрос о происхождении легализуемого

⁵⁰ Шебунов А. А. Легализация денежных средств или иного имущества, приобретенных незаконным путем : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 171–173.

⁵¹ Серёжкина К. Н. Указ. соч. С. 73.

⁵² Шебунов А. А. Указ. соч. С. 171–173.

имущества и не расширен круг преступлений, укрывательство которых должно быть уголовно наказуемо. Следовательно, и в отношении имущества, приобретенного путем совершения особо тяжких преступлений, когда субъектом его легализации является лицо, не причастное к криминальному способу его приобретения, сегодня возможна лишь конкуренция норм.

Легализации присущи все ранее названные признаки прикосновенности к преступлению. Находясь в определенной связи с основным преступлением, заранее не обещанная легализация не содействует его совершению. Однако это относится только к случаям, когда под незаконным путем приобретения имущества подразумевается преступный, а субъектом преступления является лицо, не причастное к его криминальному приобретению.

По мнению В. В. Лаврова, характер общественной опасности легализации незаконных приобретений находится в зависимости не только и не столько от социальной угрозы самих действий, образующих объективную сторону состава данного деяния, сколько от опасности для общества противоправных посягательств, детерминирующих приобретение таких материальных ценностей, т. е. основных преступлений. Исходя из этого он приходит к выводу, что «легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных незаконным путем, является особой формой прикосновенности к преступлению, выражающейся в совершении финансовых операций или иных сделок с денежными средствами или иным имуществом, приобретенными уголовно-противоправным способом, а равно использовании таковых при осуществлении предпринимательской или иной экономической деятельности»⁵³.

А. А. Шебунов полагает, что легализаторская деятельность по своей правовой сути всегда имеет следствием воспрепятствование выявлению и расследованию криминальных деяний, служащих источником отмываемых доходов. По его мнению, легализация и укрывательство преступлений имеют ряд общих черт: «Так, действия, направленные на укрывательство предметов, добытых преступным путем (как разновидность укрывательства преступления), могут выражаться точно так же, как и при легализации — в совершении с ними сделок и операций (в частности, по приобретению или сбыту)... Кроме того, субъективная

⁵³ Лавров В. В. Уголовная ответственность за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных незаконным путем : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2000. С. 11-12.

сторона рассматриваемых преступлений, характеризующаяся в обоих случаях прямым умыслом, имеет сходную целевую направленность, поскольку намерения виновных как при отмывании незаконных доходов, так и при укрывательстве преступлений, сводятся в конечном счете к одному — спасти противоправно полученные имущественные ценности от конфискации и избежать уголовной ответственности за совершенное преступление»⁵⁴.

Различия укрывательства и легализации преступных доходов А. А. Шебунов сводит к следующим: «Во-первых, уголовно-правовое содержание ст. ст. 174 и 174¹ УК значительно шире, чем ст. 316, так как в них установлена уголовная ответственность за легализацию не только всех преступных, но и незаконных доходов, в то время как предметом укрывательства по действующему законодательству могут быть только имущественные ценности, полученные в результате совершения особо тяжких преступлений. Во-вторых, укрывательство, в отличие от легализации, является преступлением с одним непосредственным объектом, который напрямую не связан с видовым объектом преступлений в сфере экономической деятельности. В-третьих, направленность умысла виновных при отмывании незаконных доходов имеет, по сравнению с укрывательством, несколько иной оттенок, поскольку выражает более „далеко идущее“ намерение не только скрыть, спрятать преступно полученное имущество, но и легализовать его, использовать отмываемые средства для осуществления предпринимательской или иной экономической деятельности»⁵⁵.

Вполне оправданным и научно обоснованным представляется признание заранее не обещанных приобретения или сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем, прикосновенностью к преступлениям против собственности (ст. 175 УК РФ)⁵⁶. Однако в литературе нет достаточной ясности в том, составляют ли указанные деяния самостоятельную форму прикосновенности, наряду с укрывательством, недоносительством и попустительством, или же примыкают к одной из этих форм. Одни авторы, учитывая, что юридическая природа приобретения и сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем, аналогична остальным видам прикосновенности, признают данные деяния специфическим

⁵⁴ Шебунов А. А. Указ. соч. С. 83, 171.

⁵⁵ Там же. С. 60.

⁵⁶ Мурин Д. А. Уголовно-правовая оценка приобретения или сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем (ст. 175 УК РФ) : монография / под ред. В. В. Бабурина. М., 2023. С. 24–25.

наиболее общественно опасным самостоятельным видом прикосновенности⁵⁷. Другие утверждают, что приобретение или сбыт имущества, добытого преступным путем, представляют разновидность укрывательства, своеобразный способ сокрытия предметов, добытых преступным путем⁵⁸.

По своей природе укрывательство и приобретение или сбыт имущества, добытого преступным путем очень близки. Во-первых, они приобретают общественно опасный характер в связи с совершением какого-то другого преступления и заранее его исполнителю не обещаны. Во-вторых, оба деяния совершаются путем действий. В-третьих, приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем, объективно способствуют сокрытию преступления, в результате совершения которого имущество и было добыто. В-четвертых, фактам укрывательства и приобретения, сбыта похищенного предшествует совершение основного преступления. В-пятых, точкой соприкосновения этих деяний служит имущество, заведомо добытое преступным путем. В-шестых, оба деяния совершаются умышленно.

На большую близость составов рассматриваемых преступлений указывают многие ученые. В частности, еще С. В. Познышев отмечал, что покупающий какой-либо предмет, зная, что последний добыт путем преступления, не только помогает преступнику в получении от его совершения различных выгод, но и скрыть факт преступления, так как добытый преступным путем предмет есть одно из уличающих преступника вещественных доказательств⁵⁹.

Аналогичной точки зрения придерживается М. И. Ковалёв: «Скупщик заведомо краденого так же, как и укрыватель, осознает

⁵⁷ Разгильдиев Б. Т. Уголовно-правовые проблемы прикосновенности к преступлению : дис. ... канд. юрид. наук. С. 75 ; Баймурзин Г. И. Указ. соч. С. 205 ; Кузнецов В. А. Борьба с преступным приобретением и сбытом имущества. Киев, 1970. С. 15 ; Панченко П. Н. Борьба с попустительством преступлениям по советскому уголовному праву. Иркутск, 1973. С. 191.

⁵⁸ Смирнов В. Г. Понятие прикосновенности по советскому уголовному праву : дис. ... канд. юрид. наук. С. 196 ; Иваник Н. П. Уголовно-правовая борьба с приобретением или сбытом имущества, заведомо добытого преступным путем : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1967. С. 71 ; Шелковкин Г., Коржанский Н. Усилить борьбу с заранее не обещанным приобретением или сбытом похищенного имущества // Сов. юстиция. 1965. № 7. С. 19 ; Омаров А. С. Указ. соч. С. 254–255 ; Гелашивили В. С. Ответственность за заранее не обещанное укрывательство по советскому уголовному законодательству : дис. ... канд. юрид. наук. М, 1979. С. 151.

⁵⁹ Познышев С. В. Очерк основных начал науки уголовного права. Особенная часть. М., 1923. С. 216.

основные признаки преступлений, которыми покупаемое имущество добыто, осознает, что он, приобретая это имущество, способствует сокрытию предметов и вещей, добытых преступным путем. Конечно, при таких обстоятельствах между ним и укрывателем преступления уничтожается какая-либо разница. Поэтому действия такого скупщика должны рассматриваться как укрывательство преступлений»⁶⁰. Это мнение поддерживает и А. И. Чучаев⁶¹. Как показывает практика, приобретающий, сбывающий имущество, заведомо добытое преступным путем, нередко и сам предпринимает различные меры для того, чтобы предметы, составляющие это имущество, не попали в руки представителей органов правосудия. Сокрытие от правосудия таким лицом заведомо незаконно приобретенного имущества, наряду с получением выгоды, становится целью его действий. Это, безусловно, свидетельствует о наличии у него прямого умысла на укрывательство приобретаемых предметов, добытых криминальным путем. В ином случае их приобретатели и сбытчики обрекали бы себя не на получение выгоды, а на убытки, что никак не согласуется с намерениями таких лиц.

Некоторые авторы, признавая, что сбыт или приобретение означенного имущества в известной мере является сокрытием предметов, указывают и на их отличительные объективные и субъективные признаки.

Так, Г. Г. Криволапов, не отрицая внешнего сходства укрывательства и приобретения или сбыта краденого имущества, полагает, что отождествлять их нельзя. Они различаются, по его мнению, во-первых, по характеру действий: при укрывательстве — это способ сокрытия имущества; при приобретении или сбыте — способ извлечения материальной выгоды. Во-вторых, различие он видит и в направленности умысла субъектов (на сокрытие и на получение выгоды), и в объеме тех сведений, которыми располагают виновные относительно основного преступления: при укрывательстве необходимо осознание его субъектом рода и характера укрываемого преступления, а при приобретении или сбыте — общее представление о том, что имущество добыто преступным путем⁶².

⁶⁰ Ковалёв М. И. Уголовная ответственность за укрывательство преступлений по советскому уголовному праву : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1952. С. 82.

⁶¹ Чучаев А. И. Преступления против правосудия : научно-практический комментарий. Ульяновск, 1997. С. 76.

⁶² Криволапов Г. Г. Указ. соч. С. 16–17.

Главное отличие анализируемых преступлений друг от друга большинство авторов усматривает в их субъективной стороне. В частности, на это обращает внимание А. Т. Гужин. «Умысел укрывателя, — отмечает он, — характерен сознанием, что укрывается преступление (преступник или следы преступления), и желанием скрыть его, при приобретении же имущества, добытого преступным путем, — сознанием, что приобретается плод преступления и желанием его приобрести». При этом А. Т. Гужин допускает, что приобретающий данное имущество будет также осознавать, что своим действием облегчает сокрытие преступления или сознательно допускает возможность его сокрытия.

В таком случае в отношении приобретения имущества, по мнению А. Т. Гужина, виновный будет действовать с прямым умыслом, а в отношении же сопутствующего сокрытия — с косвенным. Здесь укрывательство преступления и приобретение означенного имущества становятся еще ближе друг к другу, и помочь в их разделении, как утверждает автор, может только выяснение цели, ради которой осуществляется деяние. Цель наживы будет неопровержимо свидетельствовать о наличии состава приобретения имущества, заведомо добытого преступным путем, а отсутствие такой цели — о наличии состава укрывательства⁶³.

Представляется, что обе цели — нажива и сокрытие — в этом преступлении тесно переплетаются, взаимно дополняют друг друга. Человек, приобретающий имущество, заведомо добытое преступным путем, желает не только его приобрести, но и скрыть, чтобы иметь возможность им пользоваться и распоряжаться. При этом его умысел направлен не только на приобретение такого имущества, но и на создание благоприятных условий для преступной деятельности, и на ее сокрытие, т. е. осознанное воспрепятствование осуществлению правосудия. Причем цель сокрытия присутствует у приобретателя, сбытчика, пользователя, хранителя означенного имущества с самого начала их действий наряду с целью его приобретения, сбыта.

Изложенное свидетельствует о близости рассматриваемых составов и по субъективной стороне — приобретатель, сбытчик имущества, заведомо добытого преступным путем, действуют с прямым умыслом, имеющим две цели: приобрести или сбыть данное имущество, чтобы получить определенную выгоду, а также скрыть имущество от правоохранитель-

⁶³ Гужин А. Т. Уголовно-правовая борьба с посягательствами на советское правосудие : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 1958. С. 186–187. Аналогичную точку зрения высказывал А. С. Омаров (Омаров А. С. Указ. соч. С. 254–255).

ных органов (иначе утрачивается смысл его приобретения). Лишь при отсутствии цели приобретения, сбыта деяние может квалифицироваться как укрывательство.

Кроме того, термин «приобретение» в литературе трактуется и как получение в обмен, в виде арендной платы, в счет долга, в залог⁶⁴. В ряде же таких случаев лицо может и не преследовать цели получения выгоды. Значит, данный признак нельзя отнести к отличительным, поскольку он не присущ всем разновидностям приобретения.

По мнению Н. И. Коржанского и некоторых других авторов, приобретение или сбыт предметов, добытых преступным путем, опаснее, чем укрывательство⁶⁵.

И. А. Бушуев, Г. Г. Криволапов различие анализируемых преступлений видят в том, что для признания лица виновным по ст. 208 УК РСФСР (ст. 175 УК РФ) не требуется знания им деталей того преступления, с помощью которого это имущество добыто, а необходимо лишь его общее представление о данном событии. Если приобретатель или сбытчик осознает конкретные особенности преступления, укрывательство которого наказуемо, то он, по мнению названных авторов, должен быть привлечен к ответственности по совокупности преступлений — за укрывательство и приобретение или сбыт⁶⁶.

На наш взгляд, данная аргументация вполне обоснованна, а указанные деяния представляют собой самостоятельные виды прикосновенности к преступлениям.

Характеристика содержания связи между двумя преступлениями в прикосновенности к преступлению может быть полностью исследована и описана по ее признакам только с учетом содержания всех видов прикосновенности к преступлению. Такие ее виды, выделяющиеся в законодательстве и в теории уголовного права, как укрывательство, недонесение, приобретение и сбыт, легализация, попустительство, очень сложно поддаются классификации. Одна из причин этого связана с тем, что не все из указанных действий, признаваемых некоторыми специалистами видами прикосновенности, к ней относятся. В частности, речь идет о попустительстве преступлениям.

⁶⁴ Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть / под ред. Б. В. Здравомыслова. М., 1996. С. 198 ; *Научно-практический комментарий к УК РФ* : в 2 т. / под ред. П. Н. Панченко. Н. Новгород, 1996. Т. I. С. 483.

⁶⁵ Коржанский Н.И. Усилить борьбу с заранее не обещанным приобретением или сбытом похищенного имущества // Сов. юстиция. 1965. № 7. С. 46.

⁶⁶ Бушуев И. А. Указ. соч. С. 83 ; Криволапов Г. Г. Указ. соч. С. 17.

Каковы основные причины, по которым нельзя относить попустительство к самостоятельному виду прикосновенности к преступлениям? Во-первых, за попустительство конкретным видам преступлений не предусмотрена самостоятельная уголовная ответственность. Попустительство преступлению рассматривается как одна из разновидностей злоупотребления служебными полномочиями, состав которого вполне может присутствовать и при злоупотреблении служебными полномочиями, не повлекшем совершения другим лицом преступления. Все это свидетельствует об отсутствии самостоятельного состава преступления в виде прикосновенности.

Напомним, что в современном российском уголовном законодательстве попустительство преступлению, как и в предшествующем УК РСФСР 1960 г., в качестве самостоятельного состава преступления не предусмотрено. Что касается укрывательства преступлений, то в действующем УК РФ 1996 г. имеется норма, предусматривающая ответственность только за заранее не обещанное укрывательство тяжких преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста, а также особо тяжких преступлений (ст. 316 УК РФ). Причем, как справедливо отмечают Т. Н. Тимина, К. П. Семенов и А. С. Душкин: «Основанием внесения изменений в ст. 316 УК РФ (ФЗ № 38 от 6 марта 2022 г.) стал законопроект № 388776-7, зарегистрированный и направленный Председателю Государственной Думы Российской Федерации 14 февраля 2018 г., — итог совместного нормотворчества Комитета Государственной Думы по государственному строительству и законодательству и Комитета Государственной Думы по вопросам семьи, женщин и детей. Причем целью законодательной инициативы стало совершенствование механизмов борьбы с преступлениями против половой неприкосновенности несовершеннолетних, на что есть прямое указание в документе. Таким образом, законодатель установил уголовную ответственность, в первую очередь, за укрывательство тяжких насильственных преступлений сексуального характера, предусмотренных гл. 18 УК РФ, жертвами которых могут стать несовершеннолетние, не достигшие 14 лет»⁶⁷. Ответственность за несообщение о преступлении (ст. 205⁶ УК РФ), легализацию (отмывание) денежных средств или иного имуще-

⁶⁷ Тимина Т. Н., Семенов К. П., Душкин А. С. Эффективность криминализации заранее не обещанного укрывательства тяжких преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста, и ее уголовно-правовое значение // Вестник Уфимского юридического института МВД России, 2022. № 4(98). С. 138–144.

ства (ст. 174, УК РФ) и приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем (ст. 175 УК РФ), также предусмотрены отдельными статьями уголовного закона.

По вопросу определения форм прикосновенности к преступлению, на наш взгляд, стоит согласиться с оригинальной точкой зрения Е. О. Волотовой, которая отмечает, «что в настоящее время выделение форм прикосновенности возможно лишь на теоретическом уровне, поскольку УК РФ не позволяет практически соотнести формы прикосновенности с конкретными преступными посягательствами, за которые установлена уголовная ответственность»⁶⁸. Автор, анализируя различные точки зрения с учетом выявленных в своей работе признаков прикосновенности, предлагает выделять следующие ее формы: укрывательство, недоносительство и попустительство. Что же касается ее видов, то «прикосновенное преступление в уголовном законодательстве реализуется в виде конкретных общественно опасных деяний, ответственность за которые предусмотрена нормами особенной части УК РФ»⁶⁹.

Исходя из рассмотренных выше позиций и учитывая точки зрения К. Н. Серёжкиной и Е. О. Волотовой по вопросам классификации прикосновенности к преступлению, считаем, что к видам прикосновенности относятся: укрывательство преступлений (ст. 316 УК РФ); несообщение о преступлении (ст. 205⁶ УК РФ); легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем (ст. 174 УК РФ)⁷⁰; приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем (ст. 175 УК РФ). Данная классификация позволяет «различать прикосновенность к преступлению как теоретическую категорию и прикосновенное преступление как специфический вид преступления, посредством которого реализуется прикосновенность к преступлению»⁷¹. Таким образом, полагаем, что указанные деяния являются именно видами прикосновенности к преступлениям.

Прикосновенность к преступлению против собственности, представляя собой соотношение с институтом прикосновенности

⁶⁸ Волотова Е. О. Указ. соч. С. 77.

⁶⁹ Там же. С. 78.

⁷⁰ Следует отметить, что в отличие от ст. 174 УК РФ, предусмотренное в ст. 174¹ УК РФ «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления» деяние исходя из диспозиции статьи не является прикосновенностью к преступлению.

⁷¹ Волотова Е. О. Указ. соч. С. 19.

как частное с общим, также реализуется посредством определенных уголовно-наказуемых деяний, закрепленных в Особенной части УК РФ. К таким составам относятся: заранее не обещанное укрывательство особо тяжких преступлений (ч. 2 ст. 316 УК РФ); легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем (ст. 174 УК РФ); приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем (ст. 175 УК РФ).

Во-первых, данные преступления, как и любая другая прикосновенная деятельность, неразрывно связаны с основным преступлением против собственности и возникают в результате и в связи с преступлением против собственности, совершенным другими лицами. Во-вторых, объектом данных преступлений выступают интересы правосудия по предупреждению и раскрытию преступлений. Причем в случае с заранее не обещанным укрывательством особо тяжких преступлений (ч. 2 ст. 316 УК РФ) причинение вреда общественным отношениям в сфере отправления правосудия прямо выделяется законодателем в качестве основного объекта посягательства путем помещения данного состава в соответствующую главу УК РФ. В случае же с преступлениями, предусмотренными ст. ст. 174 и ст. 175 УК РФ, данный объект выделяется учеными в качестве либо равноценного непосредственного объекта⁷², либо факультативного непосредственного объекта⁷³. В-третьих, в качестве предмета посягательства данных преступлений выступают денежные средства или иное имущество, приобретенные преступным путем⁷⁴.

Уголовно-правовая природа прикосновенности к преступлениям против собственности, как и прикосновенности в целом, реализуется как воспрепятствование решению задач УК РФ. С учетом изложенного предлагаем выделять следующие виды прикосновенности к преступлениям против собственности: легализация (отмывание) денежных

⁷² *Сабанина О. В.* Уголовная ответственность за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004. С. 15.

⁷³ *Крапивина О. Н.* Приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем: сравнительно-правовое, уголовно-правовое, уголовно-политическое и криминологическое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 14–15.

⁷⁴ *Уголовное право России. Особенная часть : учебник / под ред. Р. А. Сабитова.* Тюмень, 2013. 688 с. ; *Уголовное право России. Особенная часть : учебник / под ред. В. И. Гладких.* Ростов н/Д, 2017. 508 с.

средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем (ст. 174 УК РФ); приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем (ст. 175 УК РФ); заранее не обещанное укрывательство особо тяжких преступлений (ч. 2 ст. 316, в части укрывательства преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 161, чч. 3 и 4 ст. 162, ч. 3 ст. 163, ст. 164 и ч. 4 ст. 166 УК РФ), препятствующие решению задач УК РФ.

Под прикосновенностью к чужому преступлению следует понимать умышленное совершение преступных действий после окончания чужого преступления, объективно препятствующих своевременному раскрытию этого преступления и привлечению виновного лица к уголовной ответственности, наказанию и возмещению причиненного ущерба от этого преступления. Преступной признается прикосновенность к преступлению средней тяжести, тяжкому и особо тяжкому преступлению.

Диспозиция ст. 316 УК РФ «Укрывательство преступлений» нуждается в совершенствовании. В этих целях для оптимизации вопросов разграничения прикосновенности к преступлению и соучастия в преступлении предлагается в диспозиции ст. 316 УК РФ отразить признаки объективной стороны укрывательства, заменив текст диспозиции на следующий: *«Соккрытие преступника, средств и орудий совершения преступления, следов преступления или предметов, добытых преступным путем, либо приобретение или сбыт предметов, добытых преступным путем, после окончания тяжкого преступления».*

Под прикосновенностью к преступлению против собственности следует понимать посягающее на интересы экономики и правосудия совершение на основе одного из преступлений против собственности (предикатное преступление) предусмотренных уголовным законом общественно опасных действий с имуществом, преступно добытым в результате совершения преступления против собственности, содействующих увеличению косвенных последствий и ущерба от данного преступления против собственности, объективно препятствующих привлечению к уголовной ответственности лиц, совершивших преступление против собственности.

Преступные деяния, прикосновенные к преступлениям против собственности, можно классифицировать прежде всего по степени выраженности уголовно-правовой охраны интересов собственности: самостоятельные преступления, специально охраняющие интересы собственности (ст. ст. 174 и 175 УК РФ), преступные деяния, охраняющие

интересы собственности наряду с другими общественными интересами (ч. 2 ст. 316 УК РФ), и недонесение об особо тяжком преступлении против собственности.

§ 2. Социальная обусловленность уголовной ответственности за прикосновенность к преступлениям против собственности

Корыстная преступность в Российской Федерации, как и во многих других странах, имеет сложный, многоаспектный характер. Она складывается не только из отдельных преступлений, совершаемых на одной территории и в одно время, но и из групп преступлений, связанных между собой как субъектами, их совершающими, так и свойствами этих преступлений. Организация эффективной борьбы с такой преступностью предполагает акцент в воздействии не на одно, отдельно взятое корыстное преступление, а на все группы корыстных преступлений и их взаимосвязи, а также на посягательства, им сопутствующие и их обеспечивающие, прежде всего прикосновенные к преступлениям против собственности.

Несмотря на то что прикосновенность к преступлению рядом авторов рассматривается как самостоятельный институт уголовного права⁷⁵, традиционно в теории уголовного права ее принято считать дополнением к институту соучастия в преступлении. Данное обстоятельство мешает объективно раскрыть общественную опасность прикосновенности к преступлению в целом и прикосновенности к преступлениям против собственности в частности.

Вместе с тем в настоящее время преступность в России становится все более профессиональной и организованной. Участниками криминализации общественных отношений в имущественной сфере становятся лица как непосредственно совершающие преступления, так и способствующие сокрытию их от правосудия. Становление рыночных отношений в России в 90-х гг. повлекло более свободное обращение имущества, как следствие, существенно выросло количество незаконных действий против собственности. На протяжении последних лет наблюдается тенденция к снижению количества преступлений, однако более половины зарегистрированных преступлений в Российской Федерации составляют преступления против собственности. По данным ГИАЦ МВД России, общее число преступлений против собственности (таких, как кражи, мошенничества, присвоение или растрата, грабежи, разбой и вымогательства) составило 1 172 290 преступлений из 2 024 337, заре-

⁷⁵ Морозов В. И., Зарубин А. В. Указ. соч. С. 31.

гистрированных на территории России в 2019 г., в 2020 г. — 1 220 806 из 2 044 221, в 2021 г. — 1 195 838 из 2 004 404, в 2022 г. — 1 169 495 из 1 966 795, в 2023 г. — 1 136 957 из 1 947 161 ⁷⁶.

Данные о количестве преступлений, зарегистрированных на территории Омской области, количестве преступлений против собственности и лиц, их совершивших за период 2018–2022 гг., представлены в таблице 1.

Таблица 1. Данные о количестве преступлений против собственности и лиц, их совершивших на территории Омской области

Показатель	Год					Всего за 5 лет
	2019	2020	2021	2022	2023	
Количество преступлений, зарегистрированных на территории Омской области	29014	30746	29352	28467	24252	141831
Количество преступлений против собственности	15677	17501	17375	16302	16327	83182
Количество лиц, совершивших преступления против собственности	15326	15790	14753	14518	14346	74733

При совершении деяний, прикосновенных к преступлениям против собственности, лицо посягает на многосторонние отношения и прежде всего на отношения собственности, увеличивая совокупный ущерб от имущественной преступности. Как показывает изучение уголовных дел, преступники завладевают чужим имуществом чаще всего для его последующей реализации, и без иных лиц, оказывающих им в этом содействие, обращение такого имущества представляется невозможным ⁷⁷. В связи с этим усиление уголовной ответственности за прикосновенность к имущественным преступлениям играет исключительную роль в противостоянии росту преступлений против собственности. При этом особое значение должно иметь содержание правовых норм, предусматривающих ответственность за совершение заранее не обещанных умышленных деяний, создающих благоприятные условия для совершения преступных посягательств на собственность. Они должны иметь выраженный профилактический характер, отражая всю сущность общественной опасности прикосновенности к преступлениям против собственности.

⁷⁶ Здесь и далее данные взяты и рассчитаны по: *Статистический отчет по форме № 491 (1-ЕГС) «Единый отчет о преступности» (2018–9 мес. 2023 гг.)* // ГИАЦ МВД России. URL: https://мвд.рф/mvd/structure1/Centri/Glavnij_informacionno_analiticheskij_cen (дата обращения: 24.05.2023).

⁷⁷ Мурин Д. А. Указ. соч. С. 91–92.

В целом сущностью общественной опасности прикосновенности к преступлениям против собственности является увеличение возможности для уклонения лица, совершившего преступление против собственности, от уголовной ответственности и наказания с помощью лиц, не участвовавших в его совершении. Деяния, образующие прикосновенность, опасны не только сами по себе, а в связи с совершенными преступлениями. По мнению Б. Т. Разгильдиева, «успех борьбы с преступлениями, особенно тяжкими, в значительной степени зависит от борьбы с прикосновенностью к ним. Уверенность в том, что не найдутся люди, которые укроют бы совершенное преступление, что окружающие, узнавшие о преступлении и лице, его совершившем, немедленно информируют органы власти, значительно сократило бы количество лиц, совершающих преступления. Надежда на безнаказанность при этом выглядела бы, по меньшей мере, иллюзией»⁷⁸. При сокрытии посягательства лицо, его совершившее, может рассчитывать только на себя или на помощь соучастников посягательства. Прикосновенные же лица оказывают ему значительную дополнительную помощь, укрывая преступника после завершения выполнения объективной стороны посягательства, легализуя преступные доходы, а также приобретая или сбывая похищенное имущество. Такая поддержка, безусловно, создает условия для продолжения имущественных преступлений.

В юридической литературе отмечается, что сущностные признаки правового явления, позволяющие понять его место и значение в юридической сфере, отражает термин «правовая природа»⁷⁹. Сущность причастности к преступлениям против собственности определяется тем, что причастные к собственности деяния порождаются определенными нравственными, экономическими и психологическими противоречиями, существующими в обществе.

Чтобы раскрыть сущность прикосновенности к преступлениям против собственности, на наш взгляд, необходимо остановиться на тех аспектах, которые позволяют наиболее полно уяснить социальную и юридическую природу данного явления. Первое, с чего необходимо начать исследование, — это соотношение прикосновенности и соуча-

⁷⁸ Разгильдиев Б. Т. Уголовно-правовые проблемы прикосновенности к преступлению : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1979. С. 1.

⁷⁹ Малюгин С. В. Категория «правовая природа»: понятие, детерминанты, основные характеристики и подходы к определению // Российский юридический журнал. 2016. № 3 С. 46–58.

ствия в преступлении, а также места прикосновенности к преступлению в системе множественности лиц, причастных к совершению преступления.

В теории уголовного права прикосновенность к преступлению традиционно рассматривалась и рассматривается как определенное дополнение к институту соучастия в преступлении, как преступная деятельность нескольких лиц (множества лиц), которая не вписывается в признаки соучастия, но при этом затрудняет раскрытие и расследование преступлений. Исходя из этого построены все определения понятия прикосновенности к преступлению. Прикосновенность как деяние чаще всего определяется не путем указания на самостоятельные признаки прикосновенного деяния, а от обратного, путем перечисления тех признаков, которые отсутствуют в соучастии в преступлении и поэтому должны характеризовать прикосновенность.

Вместе с тем соучастие не выступает центральным и единственным уголовно-правовым явлением в разнообразных случаях преступной причастности множества лиц к совершению преступления. Прикосновенность к преступлению имеет свою особую правовую природу, в которой общественная опасность связана с *причастностью* к преступлению, совершенному другим лицом, т. е. самостоятельными преступными действиями, основанными на совершении другим лицом оконченного преступления. В отличие от прикосновенности, правовая природа соучастия в преступлении раскрывается через характеристику общественной опасности *соучастности* (совместности действий в совершении конкретного преступления). Можно сделать вывод, что в уголовно-правовой действительности самостоятельно и самодостаточно существуют такие уголовно-правовые явления, как соучастие в преступлении и прикосновенность к преступлению, которые могут и должны раскрываться самостоятельными признаками, а не ссылками друг на друга.

Борьба с прикосновенностью к имущественным преступлениям ведется во всем мире. При этом отмечается рост числа деяний, относящихся к прикосновенности к преступлениям против собственности (легализация имущества, добытого преступным путем, приобретение и сбыт имущества, заведомо для виновного добытого преступным путем и др.). С 90-х гг. прошлого века вопросы правового обеспечения борьбы с незаконным оборотом преступно добытого имущества становятся объектом пристального внимания со стороны многих европейских государств. Общественная опасность данных преступлений отмечена в Конвенции Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов

от преступной деятельности (ETS N 141, Страсбург, 8 ноября 1990 г.)⁸⁰, Конвенции Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма (CETS N 198, Варшава, 16 мая 2005 г.)⁸¹.

Зарубежное уголовное законодательство в сфере борьбы с прикосновенностью к преступлениям против собственности достаточно обширное и опирается на различные подходы к борьбе с данным видом преступлений. Наиболее полным является подход в тех странах, в которых деяния, прикосновенные к имущественным преступлениям, объединены в отдельные разделы или главы. Например, раздел XXX «Содействие после события преступления» Уголовного кодекса Голландии⁸², глава XIV «О хранении краденого и аналогичных преступлениях» Уголовного кодекса Испании⁸³ (далее — УК Испании). Так, статья 298 данной главы УК Испании предусматривает ответственность за прикосновенность к чужому преступлению против собственности в форме помощи в пользовании имуществом, добытым в результате преступления против собственности или социально-экономического порядка, или получении, приобретении или сокрытии такого имущества. Более того, ст. 299 УК Испании предусматривает уголовную ответственность за прикосновенность к чужому проступку против собственности в форме оказания содействия в том, чтобы виновные извлекли выгоду из имущества, добытого проступком против собственности.

В уголовном законодательстве ряда зарубежных стран прикосновенность к преступлению против собственности в форме заранее не обещанного укрывательства имущества, приобретенного преступным путем, считается одной из наиболее опасных форм прикосновенности к преступлениям. При этом оборот имущества, приобретенного преступным путем, постоянно увеличивается, препятствуя достижению целей правосудия и нормальному развитию экономики этих стран.

Таким образом, правовая природа прикосновенности к преступлениям против собственности состоит в том, что это фактическая множественность самостоятельных деяний, совершенных разными лицами. Сущность прикосновенности к преступлениям против собственности

⁸⁰ *Бюллетень международных договоров*. 2003. № 3. С. 14–16.

⁸¹ *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2018. № 8, ст. 1091.

⁸² *Уголовный кодекс Голландии* / под ред. Б. В. Волженкина ; пер с англ. И. В. Мироновой. СПб., 2000. С. 36.

⁸³ *Уголовный кодекс Испании* / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, Ф. М. Решетникова. М., 1998. С. 43.

заключается в фактической множественности совершенных разными лицами самостоятельных умышленных деяний, складывающейся из совершения умышленных действий одного лица по незаконному обороту чужого преступно добытого имущества на основе предшествующего этому совершения другим лицом одного из оконченных преступлений против собственности.

Определение понятия и признаков прикосновенности посредством ссылки на признаки соучастия неизбежно приводит к тому, что в судебной и следственной практике из-за отсутствия полного представления о сущности прикосновенности к преступлению часто допускаются ошибки при квалификации данных деяний. Так, нередко прикосновенные к преступлениям против собственности лица привлекаются к ответственности за соучастие в данных преступлениях. Иногда допускаются ошибки при определении ответственности пособников путем квалификации их действия как прикосновенности к преступлениям против собственности, что препятствует усилению борьбы с преступлениями против собственности и не способствует четкому применению норм уголовного закона. Именно поэтому проблеме криминализации прикосновенности к преступлениям против собственности законодателем должно уделяться особое внимание.

Учитывая, что криминализация как процесс представляет собой «деятельность по выявлению определенных видов общественно опасного поведения людей в обществе, признанию необходимости, возможности и целесообразности борьбы с ними с помощью уголовного закона и, наконец, деятельность по формированию (фиксации) этих деяний в уголовном законодательстве как преступных и подлежащих уголовной ответственности»⁸⁴.

Следует выделять криминологические основания криминализации прикосновенности к преступлениям против собственности, такие как существование и распространение прикосновенности к преступлениям против собственности, влекущие необходимость введения уголовно-правового запрета, а также неэффективность имеющихся правовых мер и целесообразность введения уголовно-правовых мер.

Система социальных принципов криминализации деяний: общественной опасности деяния; относительной распространенности деяния; уголовно-политической адекватности; возможности воздействия на определенный вид поведения с помощью уголовно-правового запре-

⁸⁴ Основания уголовно-правового запрета: Криминализация и декриминализация / отв. ред. В. Н. Кудрявцев, А. М. Яковлев. М., 1982. С. 17.

та — невозможности воздействия на определенный вид общественно опасного поведения другими, не уголовно-правовыми средствами; учета возможностей системы уголовной юстиции; соответствия криминализации наличию в обществе социально-экономических ресурсов; учета соотношения положительных и отрицательных последствий криминализации⁸⁵.

«Принцип общественной опасности деяния означает, что криминализировано может быть, во-первых, деяние, которое является общественно опасным, и, во-вторых, деяние, степень общественной опасности которого является достаточно высокой. Общественная опасность деяния означает, что деяние является вредоносным, т. е. способно порождать социально-негативные последствия приспособительного и преобразовательного характера, носящего прецедентные свойства, т. е. обладает свойством человеческой практики, способностью к повторяемости»⁸⁶.

В юридической науке существуют различные точки зрения ученых по проблеме криминализации общественно опасных деяний, а также нет единства мнений относительно того, что следует понимать под основаниями криминализации. Большинство авторов, не видя каких-либо принципиальных отличий, и не меняя содержания, говорят об основаниях криминализации как о принципах, критериях, факторах, условиях, предпосылках.

Как справедливо отмечал А. И. Марцев, не подвергается сомнению положение, в соответствии с которым преступление рассматривается не только как правовое, но и как социально обусловленное явление, имеющее свои специфические характеристики, собственные закономерности развития и механизмы влияния социальных условий на сущность и содержание преступления⁸⁷. Из этого следует, что установление уголовно-правового запрета, в том числе и за прикосновенность к преступлениям против собственности, не является произвольным актом законодателя.

Важнейшим элементом в социальной обусловленности уголовно-правовых норм выступает определение оснований установления уголовно-правового запрета, так как правовые нормы, принятые без надобно-

⁸⁵ Прокументов Л. М. Криминализация и декриминализация деяний. Томск, 2012. С. 54.

⁸⁶ Шеслер А. В., Мальков С. М. Уголовно-правовая политика и ее реализация : лекция. Красноярск, 2002. С. 56.

⁸⁷ Марцев А. И. Преступление как социальное явление // Актуальные проблемы борьбы с преступностью и правоприменительной практики. Красноярск, 1998. С. 6.

сти, а тем более в разрез с потребностями общественного развития, могут принести вред делу охраны отношений собственности.

В уголовно-правовой науке всегда с особым вниманием относились к вопросу о законодательном признании определенных общественно опасных деяний преступными и наказуемыми. Как отмечает С. А. Маркунцов, криминализация как процесс установления соответствующего уголовно-правового запрета имеет ряд характеристик. Основанием криминализации выступает наличие объективного общественно опасного деяния. При этом предпосылками криминализации являются социальные истоки уголовно-правовых запретов. Таким образом, наличие объективных социальных истоков и оснований уголовно-правовых запретов служит основой для криминализации деяний⁸⁸.

Один из последовательных подходов к определению принципов криминализации предлагает Н. А. Лопашенко, отмечая, что «в число принципов криминализации следует включать принципы достаточной общественной опасности криминализируемых деяний, их относительной распространенности, возможности позитивного воздействия уголовно-правовой нормы на общественно опасное поведение, преобладание позитивных последствий криминализации, неизбыточности уголовно-правового запрета, своевременности криминализации»⁸⁹.

Под основаниями криминализации Г. А. Злобин и С. Г. Келина понимают «процессы, происходящие в материальной и духовной жизни общества, развитие которого порождает объективную необходимость уголовно-правовой охраны тех или иных ценностей. Иначе говоря, основания криминализации — это то, что создает действительную общественную потребность в уголовно-правовой новелле, внутренняя необходимость возникновения правовой нормы». Криминализационными поводами они называют «конкретные события, приведшие к постановке вопроса о криминализации того или иного вида деяний безотносительно к адекватности выражения в них общественной необходимости»⁹⁰.

Сопоставление приведенных суждений позволяет, на наш взгляд, сделать вывод, что они не содержат прямого противоречия и все указан-

⁸⁸ Маркунцов С. А. Уголовно-правовой запрет: теоретический аспект / под ред. А. Э. Жалинского. М., 2007. С. 69.

⁸⁹ Лопашенко Н. А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. СПб., 2004. С. 288–289.

⁹⁰ Злобин Г. А., Келина С. Г. Некоторые теоретические вопросы криминализации общественно-опасных деяний // Проблемы правосудия и уголовного права. М., 1978. С. 106–107.

ные в них обстоятельства можно рассматривать как самостоятельные, обуславливающие необходимость установления уголовной ответственности за прикосновенность к преступлениям против собственности.

Более того, вся совокупность этих обстоятельств может быть представлена в виде системы предпосылок уголовно-правового запрета на совершение прикосновенности к преступлениям против собственности. Данная система складывается из предпосылок, характеризующих, во-первых, общественную опасность деяния, во-вторых, его распространенность.

Несмотря на то что общественная опасность указывалась в качестве признака преступления во всех УК РСФСР и сохранилась в ныне действующем УК РФ⁹¹, в уголовном праве данная категория оценивалась по-разному. Согласно наиболее распространенной позиции общественная опасность означает причинение или создание угрозы причинения существенного вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям в результате совершения преступного посягательства⁹².

Характеристика содержания общественной опасности, несмотря на общую известность и распространенность данного термина, в теории российского уголовного права раскрывается неоднозначно. При этом в характеристике общественной опасности либо преобладает упрощенный подход, либо присутствует излишнее усложнение, погружение в глубину составляющих ее элементов. В упрощенном варианте общественная опасность отождествляется с вредом. В сложных вариантах интерпретации сущности и содержания общественной опасности в ней выделяются объективные и субъективные признаки, ближайшие и отдаленные последствия и др.

Так, по мнению А. Э. Жалинского, «общественную опасность стоит рассматривать как самостоятельный признак преступления, имеющий собственный состав — состав общественной опасности наряду с составами деяния, противоправности и вины»⁹³. Наряду с традиционными показателями общественной опасности (характером и степенью общественной опасности) А. Э. Жалинский предлагает выделять также интегральные,

⁹¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : в ред. Федерального закона от 27 июня 2018 г. № 157-ФЗ // Рос. газета. 1996. 18–20, 25 июня ; 2018. 29 июня.

⁹² Курс уголовного права : в 5 т. / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой, Г. Н. Борзенкова, В. С. Комиссарова. М., 2002. Т. 1 : Общая часть: Учение о преступлении / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. С. 167.

⁹³ Жалинский А. Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009. С. 355.

системные показатели. К ним он относит: а) характер, потенциальную ценность и социальную уязвимость охраняемого правового блага; б) интенсивность посягательства; в) социальную непереносимость преступления.

Важную характеристику содержания общественной опасности дает В. С. Прохоров, который отмечает, что в теории уголовного права «общественная опасность преступления — это свойство совокупности всех его объективных и субъективных признаков: объекта и объективной стороны, субъекта и субъективной стороны»⁹⁴.

Характеризуя общественную опасность прикосновенности к преступлениям против собственности, следует отметить, что в соответствии с сущностью прикосновенности ее общественная опасность носит не единственный, а комплексный характер, так как прикосновенность представляет объединение двух преступлений, основного и прикосновенного.

Общественная опасность прикосновенности определяется существом преступных действий, которые фактически являются множественностью опосредованно связанных между собой деяний лиц, совершающих самостоятельные преступления. Прикосновенность к преступлению против собственности — это самостоятельная преступная деятельность, опосредованная наличием предшествующего преступления против собственности, совершенного другим лицом (причастность), направленная на препятствование раскрытию преступления, нарушение интересов правосудия, нарушение интересов собственников, а также на получение прибыли (наживы). Прикосновенность к преступлению против собственности фактически представляет собой незаконный оборот имущества, приобретенного преступным путем, который опасен тем, что не просто служит фактическому обогащению за счет чужого имущества, но и способствует причинению дополнительного вреда собственнику, пострадавшему от имущественного преступления, так как это преступление остается нераскрытым и потерпевшему невозможно возместить причиненный от преступления против собственности прямой действительный ущерб. Если бы преступление было раскрыто, была бы реальная возможность возместить причиненный ущерб и получить компенсацию в рамках гражданского иска.

Специфика прикосновенности к преступлению против собственности проявляется в том, что преступления против собственности могут быть фактически нейтрализованы, компенсированы возмещением причиненного ущерба путем возврата похищенного имущества в случае нахождения виновных лиц и привлечения их к уголовной ответственности.

⁹⁴ Прохоров В. С. Преступление и ответственность. Л., 1984. С. 61.

Несмотря на усилия государства и правоохранительных органов по борьбе с преступлениями против собственности, они продолжают оставаться самыми распространенными и имеют низкую раскрываемость. Для повышения эффективности этой борьбы необходимо не простое ужесточение уголовной ответственности за имущественные преступления, а создание условий, способствующих раскрытию преступлений, в частности, совершенствование мер, направленных на борьбу с незаконным оборотом преступно добытого имущества.

Правовая природа прикосновенности долгое время оставалась и остается в тени правовой природы соучастия в преступлении. В связи с этим общественная опасность прикосновенности не получает полного раскрытия, распространено мнение, что общественная опасность у соучастия всегда выше, чем у прикосновенности к преступлению. Однако это не всегда так, поскольку их нельзя сравнивать напрямую. Нельзя сказать однозначно, в какой ситуации ущерб от преступного посягательства больше: когда в соучастии в краже участвовали двое лиц, но потом преступление было раскрыто и весь ущерб был возмещен или когда в краже участвовал один, ущерб был причинен меньший, однако преступление не раскрыто из-за действий укрывателя и ущерб никак не возмещен. Таким образом, общественную опасность прикосновенности к преступлениям против собственности нельзя напрямую сравнивать с общественной опасностью соучастия в преступлении, поскольку у них разная правовая природа.

По структуре общественная опасность прикосновенности носит сложный, комплексный характер: общественная опасность основного преступления и общественная опасность прикосновенного. Первая определяется тем вредом, который исходит от конкретных преступлений против собственности, в отношении которых возможна прикосновенность.

В зависимости от вида прикосновенности (укрывательство, недонесение, сбыт или приобретение, легализация) круг таких преступлений различен. Так, применительно к укрывательству преступлений против собственности (ч. 2 ст. 316 УК РФ) круг основных преступлений достаточно узкий: грабеж (ч. 3 ст. 161 УК РФ), разбой (чч. 3 и 4 ст. 162 УК РФ), вымогательство (ч. 3 ст. 163 УК РФ), хищение предметов, имеющих особую ценность (ст. 164 УК РФ), неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (ч. 4 ст. 166 УК РФ). Как видно, это в основном корыстно-насильственные преступления.

Применительно к приобретению и сбыту или легализации имущества, приобретенного другими лицами преступным путем, основными выступают все преступления против собственности, перечисленные

в главе 21 УК РФ «Преступления против собственности», за исключением ст. ст. 167 и 168 УК РФ.

Общественная опасность прикосновенного преступления определяется ценностью объекта посягательства. Прикосновенность к преступлению против собственности в форме легализации и приобретения имущества, заведомо добытого преступным путем, представляет одну из наиболее опасных форм прикосновенности к преступлениям. В Российской Федерации фактическое число преступлений, предусмотренных ст. ст. 174, 175 УК РФ, постоянно растет⁹⁵. При этом оборот имущества, приобретенного преступным путем, постоянно увеличивается, препятствуя достижению целей правосудия и нормальному развитию экономики страны.

Уголовное законодательство выделяет в общественной опасности качественную и количественную стороны, таковыми выступают характер и степень общественной опасности преступления. Характер общественной опасности предопределяется теми отношениями, на которые совершено посягательство, т. е. объектом преступления. Поэтому характер общественной опасности прикосновенности к преступлениям против собственности имеет свои особенности, обусловленные ее двойственной сущностью. Прикосновенность к преступлениям против собственности, в зависимости от своего вида (например, укрывательство преступления), посягая на основной непосредственный объект — интересы правосудия, посягает одновременно и на отношения собственности, способствуя совершению конкретных преступлений против собственности.

Степень общественной опасности зависит от значительности причиняемого вреда (его количественных характеристик, например, размера похищенного имущества и др.), формы вины, способа совершения преступления, орудий и средств его совершения⁹⁶.

Общественную опасность также принято определять как свойство каждого преступления в отдельности и всех преступлений, вместе взятых, производить в обществе существенные социальные изменения⁹⁷. Поэтому, на наш взгляд, при анализе социальных изменений, возникающих при прикосновенности к преступлениям против собственности, большое значение имеет изучение ее опасных последствий — результата этих изменений.

⁹⁵ ГИАЦ МВД России // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: https://мвд.рф/structure1/Centri/Glavnij_informacionno___analiticheskij_cen (дата обращения: 18.08.2023).

⁹⁶ Прохоров В. С. Указ. соч. С. 168.

⁹⁷ Фефелов П. А. Критерии установления уголовной наказуемости деяний // Сов. государство и право. 1970. № 11. С. 103.

В юридической литературе отражены разные мнения по вопросу определения объекта прикосновенности. Так, В. Г. Смирнов отмечал, что Советское государство, направляя репрессию против лиц, прикосновенных к преступлению, борется не с укрывательством, недоносительством и попустительством как с таковыми, а с общественно опасными посягательствами на тот или иной конкретный объект; поэтому определяющим объектом посягательства лиц, прикосновенных к преступлению, следует признать тот объект, на который было направлено основное преступление⁹⁸. В свое время И. А. Бушуев писал, что прикосновенность направлена против интересов правосудия, поскольку деяния прикосновенных лиц препятствуют привлечению преступников к ответственности⁹⁹.

В связи с этим, рассматривая прикосновенность к преступлениям против собственности, следует согласиться с точкой зрения тех ученых, которые указывают на двойственный характер прикосновенности¹⁰⁰. С одной стороны, она строго отграничивается от соучастия, а с другой — признается производным противоправным посягательством, связанным с основным преступлением против собственности, совершенным другими лицами. Представляется, что прикосновенность к преступлениям против собственности имеет многообъектный характер.

Как мы указывали ранее, современное российское уголовное законодательство не содержит в Общей части УК РФ специального института прикосновенности к преступлению и не пользуется термином «прикосновенность к преступлениям против собственности». Справедливо возникает вопрос о том, какие составы преступлений, предусмотренные законодателем, относятся к видам прикосновенности к преступлениям против собственности? На наш взгляд, к ним относятся нормы, предусматривающие ответственность за легализацию (отмывание) денежных средств и другого имущества (ст. 174 УК РФ), приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем (ст. 175 УК РФ), заранее не обещанное укрывательство особо тяжких преступлений (ч. 2 ст. 316 УК РФ).

Рассматривая укрывательство преступлений (ст. 316 УК РФ), следует отметить, что данный состав преступления, отнесенный законодателем в главу «Преступления против правосудия», применительно к преступлениям против собственности посягает не только на нормальную деятель-

⁹⁸ Смирнов В. Г. Понятие прикосновенности по советскому уголовному праву. С. 26–27.

⁹⁹ Бушуев И. А. Указ. соч. С. 47.

¹⁰⁰ Виттенберг Г., Панченко П. Прикосновенность к преступлению по советскому уголовному праву. Иркутск, 1976. С. 13–14.

ность суда, следствия и органов дознания, но и на отношения собственности в целом, включающие права любого собственника по владению, пользованию и распоряжению своим имуществом.

Что касается легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества (ст. 174 УК РФ) и приобретения или сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем (ст. 175 УК РФ), представляется, что данные составы преступлений, отнесенные законодателем в главу «Преступления в сфере экономической деятельности», применительно к преступлениям против собственности также посягают не только на группу однородных взаимосвязанных отношений, которые складываются в сфере экономической деятельности, но и на отношения, формирующиеся в сфере интересов правосудия, причем предметом посягательства при прикосновенной деятельности к преступлениям против собственности, как правило, выступает имущество, добытое преступным путем.

Для отнесения законодателем тех или иных деяний к числу преступных решающее значение имеет степень их общественной опасности, т. е. степень опасности для существующей в данном обществе системы общественных отношений. Наиболее убедительна, на наш взгляд, позиция А. И. Марцева: «Общественная опасность первична по отношению к признаку формальной запрещенности преступления, а признак запрещенности, в свою очередь, вторичен по отношению к общественной опасности»¹⁰¹. Общественная опасность является объективной категорией. Она присуща каждому преступному деянию, совершенному в определенных условиях. Гранью, которая служит критерием для признания общественно опасных деяний преступными, выступает причинение деянием такого социального вреда общественным отношениям, который нарушает условия существования данной системы общественных отношений. Общественная опасность, раскрывающая социальную сущность преступного деяния, служит основным признаком, внутренним свойством преступления. Это свойство объективно и не зависит от воли законодателя или от воли органа, применяющего закон. Деяние опасно не потому, что его так оценил законодатель, а потому что оно по своей антисоциальной сущности нарушает нормальные условия существования общества¹⁰².

Таким образом, общественная опасность прикосновенности к преступлениям против собственности определяется не только обществен-

¹⁰¹ Марцев А. И. Некоторые вопросы методологии уголовно-правовых исследований // Актуальные проблемы теории уголовного права и правоприменительной практики. Красноярск, 1997. С. 5.

¹⁰² Фефелов П. А. Механизм уголовно-правовой охраны // Основные методологические проблемы. М., 1992. С. 57.

ной опасностью самого прикосновенного к преступлениям против собственности преступления, но и в силу конструктивных особенностей прикосновенности к преступлению — общественной опасностью преступлений против собственности, которые занимают первое место не только в общем объеме совершенных преступлений, но и среди нераскрытых преступлений. Содержание общественной опасности прикосновенности к преступлениям против собственности дополняется тем, что благодаря распространенности прикосновенности к преступлениями против собственности и недостаточному вниманию к уголовно-правовым мерам борьбы с ней, значительная часть преступлений против собственности остается нераскрытыми.

Не менее важным основанием установления криминализации прикосновенности к преступлениям против собственности, наряду с ее общественной опасностью, является и распространенность данных преступлений с учетом их латентности.

Принимая во внимание то, что уголовная ответственность может устанавливаться только за деяния, имеющие определенную степень распространенности, представляется необходимым показать динамику преступлений, относящихся к видам прикосновенности к преступлениям против собственности (табл. 2).

Таблица 2. Динамика преступлений, образующих прикосновенность к преступлениям против собственности, зарегистрированных в РФ за период 2018–2022 гг.

Преступления, относящиеся к институту прикосновенности	Год				
	2019 (тыс.)	2020 (тыс.)	2021 (тыс.)	2022 (тыс.)	2023 (тыс.)
Статья 316 «Укрывательство преступлений»	0,747	0,581	0,549	0,551	0,589
Статья 174 «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем»	7,957	9,035	8,383	8,791	8,624
Статья 174 ¹ «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления»					
Статья 175 «Приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем»	8,507	7,415	6,813	6,345	6,572
Всего	17 211	17 031	15 745	15 687	15 785

Как видно из приведенной выше таблицы, хотя в последние годы и наметилась некоторая тенденция к снижению данных видов преступле-

ний, однако их доля в числе зарегистрированных преступлений на территории России все-таки остается весьма значительной, что подтверждает необходимость борьбы с прикосновенностью к преступлениям против собственности именно уголовно-правовыми средствами.

Данные о количестве выявленных и расследованных преступлений, о количестве лиц, совершивших преступления, и уголовных дел, направленных в суд на территории Омской области в случае совершения заранее не обещанного укрывательства особо тяжких преступлений, легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества и приобретения или сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем отражены в таблицах 3–5.

Таблица 3. Данные о количестве выявленных и расследованных преступлений, образующих прикосновенность к преступлениям против собственности, зарегистрированных в Омской области

Показатель	Год					Всего за 5 лет
	2019	2020	2021	2022	2023	
Укрывательство преступлений (ст. 316 УК РФ)	5(1)	3(1)	2(1)	4(1)	3(1)	17(5)
Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества (ст. 174 УК РФ)	81	83	51	18	14	247
Приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем (ст. 175 УК РФ)	104	107	73	62	48	394

Примечание. В скобках количество данных преступлений против собственности.

Таблица 4. Данные о количестве лиц, совершивших преступления, образующие прикосновенность к преступлениям против собственности, зарегистрированные в Омской области

Показатель	Год					Всего за 5 лет
	2019	2020	2021	2022	2023	
Укрывательство преступлений (ст. 316 УК РФ)	5(1)	3(1)	2(1)	4(1)	3(1)	17(5)
Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества (ст. ст. 174, 174 ¹ УК РФ)	18	27	6	4	3	58
Приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем (ст. 175 УК РФ)	89	78	64	59	42	332

Примечание. В скобках количество лиц по делам о преступлениях против собственности.

Таблица 5. Данные о количестве уголовных дел, возбужденных по ст. 316 УК РФ, направленных в суды Омской области

Показатель	Год					Всего за 5 лет
	2019	2020	2021	2022	2023	
Укрывательство преступлений (ст. 316 УК РФ)	5	2	2	3	2	14

Несмотря на незначительную долю указанных посягательств в общей структуре преступности в Омской области, установление уголовной ответственности за укрывательство особо тяжких преступлений, легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем, представляется вполне обоснованным.

Во-первых, лицо, прикосновенное к преступлению, препятствует раскрытию основного преступления и привлечению виновных лиц к уголовной ответственности, что оказывает значительное влияние на общую раскрываемость преступлений против собственности.

Во-вторых, прикосновенная деятельность активно способствует преступнику избежать наказания за совершенное уголовно наказуемое посягательство и тем самым создает условия для совершения новых преступлений против собственности другими лицами.

В связи с этим уголовно-правовые нормы об ответственности за укрывательство особо тяжких преступлений, легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем, носят специально-превентивный характер. Они направлены на недопущение создания условий для совершения преступлений лицами, ранее нарушившими уголовно-правовой запрет, и имеют основной целью предупреждение совершения новых преступных посягательств лицом, не подвергнутым уголовной репрессии в результате действий лица, прикосновенного к основному преступлению. 56% опрошенных нами сотрудников органов внутренних дел и 73% граждан считают актуальным усиление уголовной ответственности за преступления, образующие прикосновенность к преступлениям против собственности.

На практике прикосновенность к преступлениям против собственности является наиболее распространенной формой преступной деятельности по сравнению с прикосновенностью к другим преступлениям. Изучение статистических данных по Омской области показало, что значительная часть от общего числа зарегистрированных преступлений,

связанных с прикосновенностью к преступлениям, это прикосновенность к преступлениям против собственности. Данные преступления, хотя и не содействуют совершению преступлений против собственности и наступлению общественно опасного результата, что характерно для соучастия в виде пособничества, однако создают благоприятные условия для совершения общественно опасных преступлений.

Изучение статистических данных, общественного и профессионального мнения, юридической литературы делает возможным, на наш взгляд, сформулировать также и третье основание криминализации прикосновенности к преступлениям против собственности. Таким основанием, на наш взгляд, должна выступать комплексная обусловленность установления уголовно-правового запрета.

Социальная обусловленность установления уголовно-правового запрета за прикосновенность к преступлениям против собственности является отражением происходящих в обществе процессов, свидетельствующих о необходимости обратить внимание законодателя на совершение деяний, хотя напрямую и не связанных с совершением основного преступления против собственности, однако создающих условия для сокрытия виновных от правосудия и продолжения преступной деятельности.

Содержание комплексной обусловленности можно представить в виде системы предпосылок, которые связаны между собой и вместе образуют комплекс обстоятельств, влияющих на осуществление государством общей и частной превенции как одной из важнейших задач уголовного закона в Российской Федерации. Как справедливо указывал А. И. Марцев, «повысить эффективность общепредупредительного воздействия правовых норм можно, совершенствуя: во-первых, само законодательство и, во-вторых, представления о нем населения»¹⁰³.

Действующее уголовное законодательство не предусматривает ответственности, например, за прикосновенную деятельность в виде укрывательства тяжких преступлений против собственности, а также преступлений против собственности средней тяжести. Основанием укрывательства выступают лишь составы преступлений, предусматривающих уголовную ответственность за особо тяжкие преступления, которых в УК РФ, применительно к преступлениям против собственности, всего пять составов. Данная позиция законодателя представляется не совсем верной, так как большинство укрывателей таким образом уходят от ответственности, а многие практические работники часто сталкиваются с проблемой

¹⁰³ Марцев А. И., Максимов С. В. Общее предупреждение преступлений и его эффективность. Томск, 1989. С. 34.

в доказывании преступной прикосновенности к данной категории преступлений. В связи с этим интересно отметить, что в УК РСФСР 1960 г. законодателем был предложен принципиально иной подход: основанием выступали не только преступления особо тяжкие, но и тяжкие, средней тяжести и даже ряд преступлений небольшой тяжести. Вместе с тем расширение пределов криминализации в данном случае могло бы позитивно повлиять на раскрытие преступлений против собственности. Вместе с тем наличие уголовно-правовой обязанности по воздержанию от укрывательства различных категорий преступлений против собственности способствовало бы их наиболее эффективной профилактике и предупреждению.

Кроме того, комплексная обусловленность относится также и к социальному процессу обучения людей в обществе действовать или реагировать таким образом, чтобы эти действия были одобрены обществом в целом и окружением в частности. И одной из важнейших задач государственной политики в области криминализации деяний и применения норм уголовного закона является своевременное и обоснованное реагирование на поведение лиц, хотя напрямую и не совершающих преступления против собственности, однако прикосновенных к ним. Обеспечение неотвратимости уголовной ответственности за прикосновенность к преступлениям против собственности способствует активизации процесса формирования правосознания российских граждан и позитивному влиянию на состояние преступности в целом.

Прикосновенность к преступлениям против собственности имеет свои характерные признаки, связанные с конкретными и специфическими особенностями преступлений против собственности, формой и способами их совершения, а также способами причастности к совершению другими лицами преступлений против собственности.

Уголовно-правовые средства борьбы с корыстной преступностью определяются содержанием российского уголовного законодательства, которое имеет свою структуру, свои принципы и даже свою историю (традиции) становления и развития. Эти особенности уголовного законодательства во многом влияют на эффективность применения уголовно-правовых норм в борьбе с корыстными преступлениями.

В качестве выводов по данному параграфу необходимо констатировать, что изучение социальной и правовой природы прикосновенности к преступлениям против собственности и ее места в системе общей прикосновенности к преступлениям, показало, что существующее понимание смысла и значения прикосновенности к преступлению и при-

косновенности к преступлениям против собственности сформировалось в отрыве от общих основ и положений уголовной и криминологической политики борьбы с конкретными видами преступлений. Как отмечает М. П. Клеймёнов, «любая часть уголовной политики (уголовно-правовая, уголовно-процессуальная, уголовно-исполнительная, административно-правовая, оперативно-розыскная политика) должна быть направлена на ограничение преступности, иными словами, обладать антикриминогенным потенциалом, соответствовать направлению криминологической политики...»¹⁰⁴. В теории уголовного права прикосновенность к преступлению традиционно рассматривалась и рассматривается как определенное дополнение к институту соучастия в преступлении, как преступная деятельность нескольких лиц (множества лиц), которая не вписывается в признаки соучастия, но при этом затрудняет раскрытие и расследование преступлений. Исходя из этого построены все определения и характеристики понятия прикосновенности к преступлению. Прикосновенность как деяние чаще всего определяется не путем указания на самостоятельные признаки прикосновенного деяния, а от обратного, путем перечисления тех признаков, которые отсутствуют в соучастии в преступлении и поэтому должны характеризовать прикосновенность.

Вместе с тем соучастие не является центральным и единственным уголовно-правовым явлением в разнообразных случаях преступной причастности множества лиц к совершению преступления. Прикосновенность к преступлению имеет особую правовую природу — причастности к преступлению, отличную от правовой природы соучастия в преступлении — соучастности (совместности действий в совершении конкретного преступления). Таким образом, в уголовно-правовой действительности самостоятельно и самодостаточно существуют такие уголовно-правовые явления, как соучастие в преступлении и прикосновенность к преступлению.

Проведенный анализ социально-правовой природы прикосновенности к преступлениям против собственности свидетельствует, что отсутствие правильного понимания самостоятельности прикосновенности приводит к неверной оценке ее сущности и признаков, форм и видов. Исходя из этого, нельзя определять сущность прикосновенности к преступлению, рассматривая прикосновенность к преступлениям против собственности как придаток соучастия в данных преступлениях.

В случае прикосновенности действия прикосновенного субъекта имеют особую связь с действиями основного субъекта, совершающего

¹⁰⁴ Клеймёнов М. П. Указ. соч. С. 225.

свое преступление. Отличие прикосновенности от соучастия при этом заключается в характере этой связи.

Прикосновенность к преступлениям против собственности отличается от прикосновенности к другим видам преступлений своей распространенностью, особыми формами причастности к основному преступлению, а также особенностями объективной стороны данных преступлений.

Таким образом, социальная обусловленность уголовной ответственности за прикосновенность к преступлениям против собственности определена общественной опасностью, которая состоит в том, что деяния, прикосновенные к преступлениям против собственности:

- обладают многообъектностью, посягают одновременно на интересы собственности, экономической деятельности и правосудия;

- уменьшают возможность возвращения, возмещения или компенсации экономического вреда от преступлений против собственности преступлений;

- характеризуются достаточно высокой распространенностью;

- обладают совокупной общественной опасностью, складывающейся из общественной опасности прикосновенных действий и общественной опасности преступлений против собственности;

- являются одним из основных условий того, что преступления против собственности остаются нераскрытыми;

- существенно нарушают интересы экономической деятельности, так как причиняют вред экономической безопасности государства, способствуют росту криминального сектора экономики, наносят ущерб собственности граждан.

Подкрепляет социальную обусловленность помимо общественной опасности широкое распространение данного явления, невозможность противодействия ему иными правовыми средствами.

§ 3. Развитие норм отечественного уголовного законодательства, предусматривающих ответственность за прикосновенность к преступлениям против собственности

Поскольку в настоящее время в уголовном праве нет единства относительно понятия и содержания прикосновенности к преступлению, актуально обратиться к истории развития этих вопросов в российском уголовном праве, чтобы составить представление о том, каким образом можно было определять содержание прикосновенности к преступлениям против собственности.

Чтобы проанализировать развитие норм отечественного уголовного законодательства, предусматривающих ответственность за прикосновенность к преступлениям против собственности, считаем необходимым рассмотреть периоды развития уголовной ответственности за прикосновенность к преступлениям против собственности.

Специалисты, изучающие исторические документы в этой сфере, отмечают, что как таковая ответственность за отдельные виды прикосновенности к преступлениям была известна очень давно и нашла отражение в самых ранних правовых источниках Древнерусского государства. Так, ответственность за укрывательство преступлений была предусмотрена уже в одном из первых источников древнерусского права — Русской Правде. Статья 20 Краткой редакции Русской Правды и ст. 77 Пространной редакции Русской Правды предусматривали ответственность общины за укрывательство убийцы¹⁰⁵. Так, ст. 20 Краткой редакции Русской Правды предусматривала ответственность общины за бездействие при наличии убийства в процессе разбоя или в целях грабежа: «А иже убьютъ огнищанина в разбои, или убийца не ищут, то вирное платити, в неи же вири голова начнеть лежати»¹⁰⁶. Статья 77 Пространной редакции Русской Правды также предусматривала ответственность жителей села или хозяев дома за бездействие при воровстве, если они не отвели от себя следа или отказались участвовать в поиске воров: «Не будетъ ли татя, то по следу женуть; аже не будетъ следа ли к селу или к товару, а не отсочать от собе следа, ни едут на след или отобьются, то темь платити татбу и продажу...»¹⁰⁷.

В то же время предусматривалась ответственность за приобретение имущества, добытого преступным путем, в ст. 37 Пространной редакции Русской Правды: «О татбе. Паки ли будет что татебно купил в торгу, или конь, или порт, или скотину, то вывести свободна мужа два или мытника; аже начнеть не знати у кого купил, то ити по немь тем видоком на роту, а истыцю свое лице взяти; а что с нимь погигло, а того желети, а оному жалети своих кун, зане не знаеть у кого купив...»¹⁰⁸. Таким образом, история развития уголовной ответственности за прикосновенность к преступлениям против собственности началась практически одновре-

¹⁰⁵ *Российское законодательство X–XX веков* : в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. М., 1984. Т. 1. С. 58.

¹⁰⁶ *Хрестоматия по истории государства и права России* : учеб. пособие / сост. Ю. П. Титов. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2010. С. 6.

¹⁰⁷ Там же. С. 19.

¹⁰⁸ Там же. С. 13.

менно с прикосновенностью к другим преступлениям. Более того, преступления против собственности были практически одними из первых, прикосновенность к которым подлежала уголовному наказанию еще в Древней Руси.

Несмотря на столь долгое существование норм, предусматривающих уголовную ответственность за отдельные виды прикосновенности к преступлению, четкой и однозначной картины понятия и видов прикосновенности к преступлению в теории российского уголовного права не сложилось даже к современному периоду.

Упоминание о прикосновенности к преступлениям против собственности имеется практически во всех основных законодательных актах Российского государства за весь период его существования. При этом все они рассматриваются как разновидность соучастия в преступлении.

Среди таких законодательных актов феодальной Руси выделяются Судебники 1497 и 1550 гг. О необходимости противодействия приобретению и сбыту имущества, добытого преступным путем, речь шла в ст. 46 Судебника 1497 г.: «О ТОРГОВЦЕХ. А кто купит на торгу что ново, опроче лошади, а у кого купит, не зная его, а будет людям добрым двема или трем ведомо и поймаются у него, и те люди добрые скажут по праву, что пред нима купил в торгу, ино тот прав, у кого поимались и целования ему нет»¹⁰⁹. Так же и в ст. 71 Судебника 1550 г.

В статье 30 Устава о разбойных и татиных делах царя Ивана Васильевича 1555–1556 гг. предусматривалась ответственность за пристанодержательство¹¹⁰. При этом под «станом» понималось постоянное укрывательство разбойников и лихих людей, а под «приездом» — предоставление им временного убежища.

В Соборном Уложении царя Алексея Михайловича 1649 г. уже имелось несколько статей, предусматривающих различные виды укрывательства имущественных преступлений. Так, в ст. 79 главы XXI «О розбойных и о татиных делах» закреплялось наказание за следующие действия: «А будет которой помещик, сыскав у себя разбойников, своих людей или крестьян побет, не хотя их к сыску отдать в губу, укрывая за собой воров, а сыщется про то допряма, и у такова помещика за такое воровство отнять поместья и отдать в роздачу, да на них же велеть доправити исцовы иски»¹¹¹. Фактически предусматривалась ответственность за самоуправство, которое представляло собой разновидность укрывательства

¹⁰⁹ Там же. С. 38.

¹¹⁰ Там же. С. 47.

¹¹¹ *Соборное Уложение 1649 г.* Текст, комментарии. Л., 1987. С. 126.

разбойников и воров. Статья 61 главы XXI «О разбойных и о татинных делах» предусматривала наказание за следующие действия: «А которые обыскные люди в городах на посадах, и в уездах, и по деревням в обыску скажут, что у них разбойников или татей нет, а после у них тати и разбойники сыщутся, а они их в обысках их укрыли, и тем обыскным людям за их ложь чинить указ против того же, как про обыскных людей за лживые обыски написано в судной статье выше сего»¹¹².

Таким образом, можно выделить первый период исторического развития отечественных уголовно-правовых норм о прикосновенности к преступлениям против собственности — доимперский период. Данный период продлился с 988 г. по 1721 г. и включал историю Древней и Средневековой Руси. Уголовная политика этого времени знала уголовную ответственность за основные виды прикосновенности к преступлениям против собственности (приобретение и сбыт имущества, добытого преступным путем; укрывательство преступлений против собственности; попустительство им), хотя фактически данные действия рассматривались как соучастие в преступлении и наказывались соответственно основному преступлению. Отдельно понятие прикосновенности к преступлениям против собственности не выделялось.

Следующий период исторического развития отечественных уголовно-правовых норм о прикосновенности к преступлениям против собственности, который можно выделить, — имперский период, начавшийся в 1721 г. и продлившийся до 1917 г. Характеризуя данный период, следует сказать, что Артикул Воинский Петра I 1715 г. также содержал нормы, предусматривающие ответственность за разные виды прикосновенности. Так, в артикуле 189 закреплялась ответственность за укрывательство вещей, добытых при совершении преступлений. В нем отмечалось, что «онные, кто в воровстве конечно вспомогали, или о воровстве ведали, и от того часть получили, или краденое ведаая добровольно приняли, спрятали и утаили, онные, властно, яко самые воры, да накажутся»¹¹³. В артикуле 190 предусматривалась ответственность за приобретение и сбыт имущества, добытого преступным путем, отдельно закреплялась ответственность за укрывательство самого преступника: «Ежели кто купит или продаст, ведаючи краденые вещи и скроет, и содержит при себе вора, онный яко вор сам наказан быть имеет»¹¹⁴.

¹¹² Там же. С. 124.

¹¹³ *Хрестоматия по истории государства и права России*. С. 184.

¹¹⁴ *Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права*. Ростов н/Д, 1995. С. 364.

Принципиальное отличие в подходе к пониманию сущности прикосновенности к преступлению в целом и к преступлениям против собственности в частности возникло с принятием в 1845 г. первого кодифицированного уголовного акта Российского государства — Уложения о наказаниях уголовных и исправительных¹¹⁵. В отличие от прежних нормативных документов, в структуре Уложения 1845 г. выделялись Общая и Особенная части. Упоминание о конкретных видах прикосновенности к преступлению присутствовало как в Общей, так и в Особенной частях.

При этом в Общей части давалось разграничение конкретных видов прикосновенности от соучастия в преступлении. В статье 16 Уложения 1845 г. говорилось о видах лиц, прикосновенных к совершению преступления: о попустителях и укрывателях. При этом к укрывателям относились и те, кто истреблял похищенное имущество, и те, кто после приобретения похищенного имущества передавал или продавал его другим лицам. Иными словами, приобретение и сбыт похищенного имущества не выделялось в самостоятельный вид прикосновенности к преступлениям против собственности.

В Особенной части Уложения 1845 г. в ряде составов предусматривалась уголовная ответственность за укрывательство, недонесение и попустительство совершению отдельных видов преступлений (ст. ст. 179, 247, 528 и др.). Прикосновенность к преступлениям против собственности отдельно не выделялась.

В целом же следует подчеркнуть, что, несмотря на выделение в Уложении 1845 г. прикосновенности к преступлению из соучастия, направленность общественной опасности прикосновенности к преступлению не изменилась. Как отмечает Е. В. Пономаренко, «Ответственность за прикосновенность к преступлению в Уложении 1845 г. предусматривалась либо в статье наряду с основным составом исходного преступления, либо в отдельной норме, но в тех же главах кодекса. Это фактически свидетельствовало об идентичности объектов посягательства в обоих случаях»¹¹⁶. На наш взгляд, данное обстоятельство не является случайным, поскольку длительное время в истории борьбы с преступностью существовал оптимальный подход к борьбе с конкретными видами преступлений. Уголовная политика улавливала очевидную связь между исходным и прикосновенным преступлениями и учитывала это в борьбе с преступностью.

¹¹⁵ *Хрестоматия по истории государства и права России*. С. 186.

¹¹⁶ Пономаренко Е. В. Некоторые теоретические и законодательные проблемы прикосновенности к преступлению по уголовному праву Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007. С. 22.

Уделялось внимание прикосновенности к преступлениям против собственности в Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, 1864 г. Так, согласно ст. 172 за укрывательство похищенного виновные подвергались наказаниям, определенным за кражу¹¹⁷. За покупку или принятие в заклад заведомо краденого или полученного путем обмана имущества виновные подвергались аресту на срок не свыше трех месяцев или денежному взысканию не более 300 рублей. Если такие проступки совершались в виде ремесла, то виновные подвергались наказанию, установленному за кражу (ст. 180)¹¹⁸. Устав обоснованно усиливал наказание за представляющие повышенную общественную опасность покупку или принятие в заклад краденого, совершенные в виде ремесла.

В дальнейшем, с принятием Уголовного Уложения, подготовленного в 1903 г., реализация ответственности за прикосновенность к преступлениям против собственности стала осуществляться с новых позиций. В его Общей части, в отличие от предыдущего законодательства, о прикосновенности к преступлению не упоминалось. В статьях 51–52, посвященных институту соучастия, ничего не было сказано о лицах, прикосновенных к преступлению. Нормы о прикосновенности вошли в главу Уложения «О противодействии правосудию», определив тем самым объект прикосновенности — интересы правосудия, что специально отмечали русские ученые-юристы того времени¹¹⁹. Данные изменения позволяют сделать вывод, что законодатель отказался от формирования института прикосновенности и данная идея в дальнейшем не получила своего развития.

Законом от 7 июня 1904 г. были введены в действие ст. ст. 163, 164, ч. 2 ст. 166, ч. 3 ст. 168, ст. 170 и ч. 4 ст. 173 названной главы, устанавливающие ответственность за прикосновенность к преступлению¹²⁰.

По Уголовному Уложению 1903 г. было наказуемо приобретение, хранение, сбыт имущества, добытого преступным путем (ст. ст. 616–618). При этом, как и в предшествовавшем законодательстве, устанавливалось более суровое наказание за их совершение в виде промысла. Особое внимание Уложение уделяло борьбе с организованными формами прикосновенности к преступлениям против собственности. Так, заключению в ис-

¹¹⁷ *Российское законодательство X–XX веков* : в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. М., 1991. Т. 8. С. 417.

¹¹⁸ Там же. С. 419.

¹¹⁹ *Есипов В. В.* Преступления против государства и общества. Уголовное право. Часть Особенная. М., 1912. С. 79; *Немировский Я. Я.* Учебник уголовного права. Особенная часть. Одесса, 1919. С. 211–212.

¹²⁰ *Российское законодательство X–XX веков* : в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. М., 1994. Т. 9. С. 310.

правительном доме подвергался виновный, оказавшийся членом шайки, созданной «для приобретения, принятия на хранение, сокрытия, заклада или сбыта чужого имущества, добытого заведомо посредством преступного деяния». Аналогичному наказанию подлежал виновный в том, что «давал пристанище заведомо участнику такой шайки» (ст. 279)¹²¹.

Подводя итог, необходимо отметить, что формирование института прикосновенности к преступлению проходило до 1845 г., данный законодательный опыт не получил дальнейшего развития и уже в Уложении 1903 г. мы снова находим лишь отдельные нормы о прикосновенности, как и в действующем Уголовном кодексе Российской Федерации. Правовые акты России дооктябрьского периода содержали широкий перечень уголовно наказуемых деяний, предусматривающих ответственность за прикосновенность к преступлениям против собственности. При этом на протяжении всего имперского периода значительно усиливалось уголовное наказание за укрывательство преступлений и преступников, за приобретение, сбыт или хранение имущества, добытого преступным путем, совершенные в виде промысла.

Анализ данной части истории развития уголовной ответственности за прикосновенность к преступлениям против собственности позволяет нам выделить *второй период* развития соответствующих отечественных уголовно-правовых норм — *имперский, который продлился с 1721 г. по 1917 г.* Несмотря на то, что на протяжении данного периода отдельного института такой уголовной ответственности не было, прикосновенность к преступлениям против собственности успешно выполняла свою основную задачу — бороться с преступлениями против собственности. Наказание лиц, прикосновенных к совершению краж, разбоев и других преступлений против собственности, как основных исполнителей данных преступлений выполняло задачу комплексной борьбы с преступлениями против собственности.

Вместе с тем это не способствовало решению вопроса о специфике прикосновенности к преступлениям против собственности, разграничению ее с соучастием. Существовало определенное противоречие в уголовной политике того времени. С одной стороны, вся прикосновенность рассматривалась как соучастие в преступлении, что фактически должно было ее упрощать, нивелировать. С другой стороны, для всего этого исторического периода характерна подробная дифференциация видов прикосновенности к преступлениям против собственности (например, не просто укрывательство лиц, совершивших кражи и разбои,

¹²¹ Там же. С. 311–312.

но и выделение в нем нескольких самостоятельных видов пристаносодержательства). Дифференциация все более подчеркивала специфику, особенность прикосновенности к преступлениям против собственности. Однако при выделении прикосновенности из соучастия в преступлении, связь с прикосновенным преступлением и наказание за него все больше отдалялось от конечной цели борьбы с преступлениями против собственности.

После Октябрьской революции прикосновенность была включена как вид пособничества в институт соучастия. Характерной чертой регулирования прикосновенности в то время было то, что ее отдельные формы выделялись, но не раскрывалось их содержание.

До принятия Руководящих начал по уголовному праву 1919 г. уголовное законодательство республики формировалось на основе многочисленных декретов, регулировавших и охранявших наиболее важные общественные отношения. Самое известное среди них — обязательное постановление Совета Кузнецкого уездного комиссариата, которое содержит двадцать различных составов преступлений, среди которых есть указание на прикосновенность (укрывательство преступлений лиц, занимающихся производством самогона)¹²².

Об ответственности за укрывательство («покровительство») впервые упоминает постановление Наркомфина о запрещении купли, продажи или передачи хлопковых предприятий всех видов и регистрации акций и паев этих предприятий¹²³. В нем, в частности, говорилось: «За неисполнение сего постановления, сообщение ложных сведений, сокрытие сведений, несоблюдение сроков и за содействие или покрывательство по нарушению сего постановления виновные придаются Революционному Трибуналу». Таким образом, постановление Наркомфина впервые вводит в советское законодательство понятие укрывательства (покрывательство), являющегося одним из видов прикосновенности к преступлениям против собственности.

Важным законотворческим событием того времени было издание «Руководящих начал по уголовному праву РСФСР» от 12 декабря 1919 г. (прообраза Общей части уголовного права) (далее — Руководящие начала), где говорилось о юридической оценке прикосновенности к преступлению. Однако термин «прикосновенность» в них не использовался, а лишь упоминались ее отдельные виды. Следует отметить, что здесь

¹²² *Материалы Народного комиссариата юстиции*. М., 1918. Вып. 2. С. 40–42.

¹²³ *Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР, 1917–1952 гг.* / под ред. И. Т. Голякова. М., 1953. С. 34.

впервые в советском уголовном законодательстве было употреблено понятие «попустительство».

Некоторые виды прикосновенности были отнесены Руководящими началами к соучастию в преступлении, что значительно и необоснованно расширяло рамки последнего. Так, в соответствии со ст. 24 Руководящих начал пособниками являлись «те, кто, не принимая непосредственного участия в выполнении преступного деяния, содействуют выполнению его словом или делом, советом, указаниями, устранением препятствий, сокрытием преступника или следов преступления или попустительством, т. е. невоспрепятствованием совершению преступления»¹²⁴.

Руководящие начала не предусматривали в качестве самостоятельного такой вид прикосновенности, как недонесение о готовящемся или совершенном преступлении.

Широко трактуя содержание пособничества, Руководящие начала фактически отказались от института прикосновенности к преступлению как специфического и самостоятельного. Это, безусловно, не способствовало его наиболее эффективной реализации и не отвечало задачам индивидуализации наказания в соответствии с содеянным.

В последующие годы также издавались и другие законодательные акты, предусматривающие ответственность за прикосновенность к преступлениям против собственности. Так, в декрете ВЦИК и СНК РСФСР от 1 июня 1921 г., специально посвященном борьбе с хищениями государственного имущества и с должностными преступлениями, способствующими этим хищениям, особо подчеркивается ответственность должностных лиц, виновных в прямом или косвенном участии в хищениях. Декрет различает прямое участие должностных лиц в хищениях, пособничество в хищениях, умышленное невоспрепятствование хищениям или непринятие мер по воспрепятствованию хищениям. Причем указанный декрет, в отличие от позиции Руководящих начал 1919 г., рассматривает попустительство (невоспрепятствование хищениям или непринятие мер по воспрепятствованию хищениям) не как разновидность пособничества, а как самостоятельное должностное преступление¹²⁵.

Таким образом, законодательные акты первых лет послеоктябрьского периода, предусматривая ответственность за преступное попустительство либо отдельные его виды, не проводили последовательной линии в вопросе разграничения прикосновенности к преступлению и соучастия в преступлении. Отсутствовал в законодательстве этого периода и диф-

¹²⁴ Там же. С. 59–60.

¹²⁵ Там же. С. 60.

ференцированный подход к определению ответственности соучастников и прикосновенных к преступлению лиц в зависимости от степени участия в таком деянии и характера их противоправной деятельности.

Конечно, в своей деятельности органы правосудия учитывали различную степень опасности действий причастных к преступлению лиц, хотя, как отмечают исследователи, не всегда придавали одинаковое значение даже действиям соучастников¹²⁶. В целом же при разрешении конкретных дел судебные органы подходили дифференцировано к ответственности соучастников и прикосновенных к преступлению лиц. Однако это не означало, что прикосновенное лицо не могли наказать строже, чем соучастника.

Знаменательной вехой в истории советского уголовного права явилась разработка Уголовного кодекса РСФСР 1922 г., изданием которого было в основном завершено построение социалистического уголовного права, начатое с первых дней установления Советской власти. Все последующее развитие советского уголовного законодательства можно рассматривать как дальнейшее усовершенствование советского уголовного права.

В отличие от Руководящих начал, Кодекс 1922 г. разграничил попустительство от пособничества. Вместе с тем в Кодексе были внесены существенные изменения в само понятие попустительства. В соответствии с УК РСФСР 1922 г. за попустительство несли ответственность только должностные лица, в чьи обязанности входило оказание непосредственного противодействий совершающемуся преступлению (ст. 107). Недоносительство влекло ответственность лишь в отношении наиболее тяжких контрреволюционных преступлений (ст. ст. 58–66 УК РСФСР), недонесение же по всем остальным преступлениям для частных лиц не предусматривало уголовной ответственности.

Нельзя не обратить внимания и на то, что УК РСФСР 1922 г., относя всякое укрывательство к пособничеству, вступал в противоречие с определением понятия пособничества, содержащимся в ч. 2 ст. 16, согласно которому пособниками считаются лишь «те, кто содействует выполнению преступления». Между тем деятельность укрывателя при отсутствии заранее данного обещания не может расцениваться как содействие выполнению преступления, а следовательно, она не является пособничеством преступлению.

УК РСФСР 1922 г., установив ответственность за покупку заведомо краденого имущества, вводит еще один вид прикосновенности к пре-

¹²⁶ Мишунина П. Г. Очерки по истории советского уголовного права, 1917–1918 гг. М., 1953. С. 178.

ступлению. Заранее не обещанное приобретение и сбыт имущества, заведомо для виновного добытого преступным путем, было представлено в УК РСФСР 1922 г. как самостоятельное преступление ст. ст. 181, 207. Из расположения статей, предусматривавших ответственность за это преступление видно, что законодатель разграничивал заранее не обещанное приобретение и сбыт имущества, заведомо для виновного добытого преступным путем, и укрывательство преступлений. Это наблюдается в тексте ст. 76, где, кроме пособничества бандам и укрывательства банд и отдельных их участников, установлена ответственность и за сокрытие добытого. Однако в соответствии со ст. 207 лица, заведомо принявшие от военнослужащего по какому бы то ни было основанию (покупка, обмен, подарок, заклад, и т. д.) предметы, похищенные военнослужащим, подлежали ответственности как соучастники¹²⁷.

Общий состав заранее не обещанного приобретения или сбыта имущества, заведомо для виновного добытого преступным путем, был описан в ст. 181 УК РСФСР¹²⁸. Здесь была предусмотрена ответственность только за покупку заведомо краденого. Из буквального толкования текста статьи видно, что УК РСФСР 1922 г. объявляет преступным приобретение имущества, полученного в результате совершения любого другого преступления, за исключением преступлений по ст. ст. 76 и 207.

Несмотря на то что данное преступление приравнивалось к соучастию в преступлении, одним из обстоятельств, отягчающих ответственность, являлось его совершение в виде промысла. Другим обстоятельством, отягчающим ответственность, была цель сбыта. Однако ответственности за сбыт в ст. 181 установлено не было. Судебная практика квалифицировала сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем, используя аналогию права, также по ст. 181 УК РСФСР. Например, Северокавказский краевой суд осудил по ст. 181 УК РСФСР Вильденова, признанного виновным в заранее не обещанной реализации имущества, добытого преступным путем¹²⁹.

УК РСФСР 1926 г., по сравнению с УК РСФСР 1922 г., пошел по пути детализации ответственности прикосновенных лиц, не меняя кардинально решения проблемы прикосновенности. Как и УК РСФСР 1922 г., Кодекс 1926 г. укрывательство преступления и попустительство относил к соучастию в преступлении. Недонесение считалось самостоятельным

¹²⁷ *Хрестоматия по истории отечественного государства и права 1917–1991 гг.* / под ред. О. И. Чистякова. М., 1997. С. 107.

¹²⁸ Там же. С. 103.

¹²⁹ Судебная практика РСФСР. 1927. № 1. С. 20.

преступлением и в соответствии с ч. 2 ст. 18 УК РСФСР преследовалось в специально предусмотренных случаях.

Как и в УК РСФСР 1922 г., диспозиция ст. 164 УК РСФСР 1926 г. была немногословной — «скупка заведомо краденого» — и имела те же недостатки: не предусматривала ответственность за сбыт краденого, ограничивала предмет преступления только краденым имуществом, не говоря об имуществе, которое было добыто в результате совершения других преступлений¹³⁰. Практика применения ст. 164 УК РСФСР 1926 г. шла по пути расширительного толкования понятия «краденое». По статье 164 квалифицировались случаи приобретения имущества, добытого путем совершения любого корыстного преступления¹³¹.

Частичновосполнила этот пробел в законодательстве РСФСР ст. 164-А УК РСФСР «Покупка, хранение и продажа заведомо похищенного огнестрельного оружия», введенная 17 июня 1929 г. В науке предлагалось квалифицировать случаи покупки заведомо краденого государственного и общественного имущества, если эта покупка имела место неоднократно или производилась классово чуждым элементом, в крупных размерах, по постановлению ЦИК и СНК от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности»¹³² как соучастие в основном преступлении¹³³.

Позднее, после Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества»¹³⁴, неоднократная покупка заведомо краденого при отсутствии данных о соучастии в хищении стала квалифицироваться по ст. 164 УК РСФСР.

В этом отношении характерно дело Бабакишиева, принявшего на хранение вещи, похищенные Гусейновым и Кусумовым. Договоренности относительно принятия Бабакишиевым на хранение похищенных вещей между ними не было. Тем не менее, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР действия Бабакишиева квалифицировала как соучастие (пособничество) в хищении личной собственности граждан¹³⁵.

¹³⁰ Карницкий Д., Рогинский Г., Строгович М. Уголовный кодекс РСФСР : практ. пособие для работников юстиции и юридических курсов. М., 1934. С. 142.

¹³¹ Судебная практика РСФСР. 1927. № 1. С. 27.

¹³² Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1932. 8 авг.

¹³³ Карницкий Д., Рогинский Г., Строгович М. Указ. соч. С. 143.

¹³⁴ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹³⁵ Судебная практика Верховного Суда СССР. 1953. № 3. С. 24.

Уголовная ответственность за попустительство должностных лиц была установлена в ст. 111 УК РСФСР. Бездействием власти считалось невыполнение должностным лицом действий, которые оно по обязанности своей службы должно было выполнить, при наличии признаков, предусмотренных ст. 109¹³⁶.

В тех случаях, когда попустительство преступлению по ст. 111 «Бездействие власти» было обещано основному преступнику до совершения им преступления, поведение должностного лица предлагалось рассматривать как идеальную совокупность соучастия в преступлении и бездействия власти¹³⁷.

Таким образом, была необходимость квалификации любого попустительства преступлению в качестве соучастия. В условиях военного времени именно так квалифицировалось попустительство хищениям государственного имущества, преследуемое по закону 7 августа 1932 г. При этом круг лиц, на которых ложится обязанность препятствовать совершению преступления, был очерчен очень широко. Верховный Суд СССР в 1942 г. как пособничество квалифицировал попустительство старшего группы рабочих, видевшего, что в вагон таскают мешками краденую муку и не принявшего никаких мер к пресечению преступления.

До издания Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г.¹³⁸ (далее — Основы) вопрос о прикосновенности к имущественным преступлениям в законодательном плане особым изменениям не подвергался, если не считать издание ряда общесоюзных актов, устанавливавших повышенную ответственность за недонесение о некоторых видах преступления. Так, указами от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» и «Об усилении охраны личной собственности граждан» предусматривалась повышенная ответственность за недонесение органам власти о достоверно известном готовящемся или совершенном разбое, а также готовящемся или совершенном хищении социалистического имущества при наличии признаков повторности, организованной группы или крупного размера хищения¹³⁹.

¹³⁶ Карницкий Д., Рогинский Г., Строгович М. Указ. соч. С. 97.

¹³⁷ Пионтковский А. А. Советское уголовное право : в 2 т. М. —Л., 1928. Т. 2 : Особенная часть. С. 222–223.

¹³⁸ Об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик : закон СССР от 25 декабря 1958 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1958. № 1, ст. 6.

¹³⁹ Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР, 1917–1952 гг. / под ред. И. Т. Голякова. С. 430–431.

Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. и принятый на их базе УК РСФСР 1960 г. четко разграничили заранее не обещанное укрывательство, ответственность за которое наступала только в специально установленных статьями Особенной части уголовных кодексов случаях (ст. 18 Основ), и заранее обещанное укрывательство (ст. 17 Основ). Недоносительство не охватывалось соучастием и было наказуемо, как и заранее не обещанное укрывательство, только в случаях, указанных в Особенной части уголовных кодексов (ст. 19 Основ).

Вопрос о юридической природе укрывательства и доносительства Основами и УК РСФСР 1960 г. связывался с объектом раскрываемых преступлений. Эти нормативные правовые акты установили общее правило, согласно которому ответственность за заранее не обещанное укрывательство наступала в случаях, специально предусмотренных законом (ст. 18).

В УК РСФСР 1960 г. при криминализации заранее не обещанного укрывательства перечислялись составы конкретных преступлений, заранее не обещанное укрывательство которых образует уголовно наказуемое деяние.

Например, в ст. 189 УК РСФСР 1960 г. был приведен перечень тяжких и особо тяжких преступлений, заранее не обещанное укрывательство которых образует уголовно наказуемое деяние. В данный перечень преступлений были включены умышленное убийство, изнасилование при отягчающих обстоятельствах и разбой.

В последующие годы УК РСФСР 1960 г. значительно расширил круг уголовно наказуемого укрывательства, включив в перечень преступлений, укрывательство которых уголовно наказуемо, 49 составов. Этот перечень был исчерпывающим и расширительному толкованию не подлежал. Таким образом, по УК РСФСР 1960 г. объект укрывательства был тесно связан с укрываемым преступлением.

Как и укрывательство, доношение о достоверно известном готовящемся или совершенном преступлении влекло уголовную ответственность лишь в случаях, специально предусмотренных законом (ст. 19 Основ и ст. 19 УК РСФСР 1960 г.). Перечень данных случаев был определен ст. ст. 88 и 190 УК РСФСР 1960 г.

УК РСФСР 1960 г. предусмотрел ответственность за заранее не обещанное приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем (ст. 208). Указанное деяние, за некоторым исключением, можно отнести к разновидности укрывательства. В соответствии с диспо-

зией данной статьи виновный может и не знать, каким именно преступлением добыто приобретаемое имущество. Если виновный достоверно знал, в результате какого именно преступления добыто имущество, его действия квалифицировались по ст. 208 УК РСФСР 1960 г. и соответствующим статьям за укрывательство преступлений.

С субъективной стороны преступное приобретение или сбыт имущества предполагало только наличие прямого умысла: виновный осознает, что приобретает или сбывает имущество, добытое в результате преступления, и желает совершить эти действия.

Таким образом, УК РСФСР 1960 г. предусматривал ответственность: за укрывательство преступлений (ст. 189); недонесение о них (ст. ст. 88, 190); приобретение, хранение и сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем (ст. 208); оставление в опасности, совершенное не только лицом, обязанным оказывать помощь, но и любым очевидцем (ст. 127), что также признавалось попустительством преступлениям. Кроме того, ст. ст. 18 и 19 Общей части УК РСФСР были посвящены таким видам прикосновенности к преступлению, как укрывательство и недонесение.

Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, которые были приняты Верховным Советом СССР 2 июля 1991 г., но так и не были введены в действие с 1 июля 1992 г. в связи с распадом СССР, не содержали вообще никакого упоминания ни о прикосновенности к преступлениям, ни о видах прикосновенности к преступлениям против собственности.

Изложенное выше позволяет нам выделить *третий период* исторического развития отечественных уголовно-правовых норм о прикосновенности к преступлениям против собственности — *советский, продлившийся с 1917 г. по 1991 г.*

Данный период характеризуется тем, что законодательные акты первых лет послеоктябрьского периода не проводили последовательной линии в вопросе разграничения прикосновенности к преступлению и соучастия в преступлении. В дальнейшем УК РСФСР 1922 г. разграничил попустительство и пособничество, а также заранее не обещанное приобретение и сбыт имущества, заведомо для виновного добытого преступным путем, и укрывательство преступлений. Данный кодекс также установил ответственность за еще один вид прикосновенности к преступлению — покупку заведомо краденого имущества. Недоносительство же влекло ответственность лишь в отношении наиболее тяжких контрреволюционных преступлений.

УК РСФСР 1926 г. по сравнению с УК РСФСР 1922 г. пошел по пути детализации ответственности прикосновенных лиц, не меняя кардинально решения проблемы прикосновенности.

В дальнейшем, вплоть до издания Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г., вопрос о прикосновенности к имущественным преступлениям в законодательном плане особым изменениям не подвергался, если не считать издания ряда общесоюзных актов, устанавливавших повышенную ответственность за недонесение о некоторых видах преступления. Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. и принятый на их базе УК РСФСР 1960 г. четко разграничили заранее не обещанное укрывательство и заранее обещанное укрывательство, в Общей и Особенной части УК РСФСР 1960 г. стала предусматриваться ответственность за отдельные виды прикосновенности к преступлению. Необходимо отметить, что в Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1991 г. институт прикосновенности в целом и прикосновенность к преступлениям против собственности в частности законодателем никак не рассматривались.

Основной закономерностью этого периода, как и в прежние периоды, было то, что прикосновенность к преступлениям против собственности являлась наиболее дифференцированным видом прикосновенности к преступлениям.

Четвертый период исторического развития отечественных уголовно-правовых норм о прикосновенности к преступлениям против собственности — *современный* — *начался в 1991 г. и продолжается по настоящее время.* Данный период связан с принятием в 1996 г. действующего УК РФ, потребность в котором возникла в связи с реформами социально-правового устройства государства, произошедшими в России в начале 90-х гг. XX в.

Современное российское уголовное законодательство не содержит в Общей части УК РФ 1996 г. специального института прикосновенности к преступлению и не пользуется термином «прикосновенность к преступлениям против собственности». Вместе с тем в действующем УК РФ была предусмотрена уголовная ответственность за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем (ст. 174 УК РФ). К сожалению, норма об уголовной ответственности за легализацию преступных доходов (ст. 174 УК РФ) изложена таким образом, что не представляется возможным четко отграничить ее от соучастия в хищении.

Преступным также как и ранее признается приобретение, хранение и сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем, однако норма была перенесена из главы преступления против правосудия, ст. 208 УК РСФСР в главу преступления в сфере экономической деятельности (ст. 175 УК РФ). Данное расположение нормы свидетельствует о новом подходе законодателя к борьбе с прикосновенностью к преступлениям против собственности.

В процессе реформы уголовного законодательства, с принятием УК РФ 1996 г., было декриминализировано заранее не обещанное несообщение о преступлении. Попустительство преступлению, как и предшествующим УК РСФСР 1960 г., сегодня в качестве самостоятельного состава преступления уголовным законодательством не предусмотрено.

Необходимо также отметить, что в 2016 г. в УК РФ была добавлена ст. 205⁶, устанавливающая ответственность за несообщение о преступлении. Она предусматривает уголовную ответственность за несообщение в органы власти, уполномоченные рассматривать сообщения о преступлении, о лице (лицах), которое по достоверно известным сведениям готовит, совершает или совершило хотя бы одно из преступлений, предусмотренных ст. ст. 205, 205¹, 205², 205³, 205⁴, 205⁵, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 и 361 УК РФ¹⁴⁰. В примечании к статье сказано, что уголовная ответственность не наступает в случае несообщения гражданином о подготовке или совершении преступления его супругом или близким родственником. Как видно из перечня статей в диспозиции данной нормы, данные преступления в основном террористического характера. Вместе с тем нельзя оставлять без внимания и другие опасные и распространенные преступления. Прежде всего это преступления против собственности, удельный вес которых в контексте всех совершаемых преступлений по настоящее время остается весьма значительным.

Интересным, на наш взгляд представляется анализ существовавших в свое время законопроектов Уголовного кодекса Российской Федерации. Авторскими коллективами предлагалось рассматривать прикосновенность к преступлению в большинстве первоначальных проектов УК РФ.

В одном из инициативных проектов УК РСФСР (Особенная часть), подготовленном авторским коллективом Омской высшей школы мили-

¹⁴⁰ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности : федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ции МВД СССР в 1990 г. в составе доктора юридических наук, профессора А. И. Марцева, кандидата юридических наук, доцента А. М. Царегородцева, кандидата юридических наук, доцента М. П. Клеймёнова, кандидата юридических наук А. В. Ивашенко предложено признавать уголовно наказуемым укрывательство не только особо опасного, но и опасного преступлений (ст. 158). В данном проекте авторами предлагались нормы, устанавливающие уголовную ответственность за несообщение, которые касались преступлений против экологии, например, несообщение о загрязнении моря (ст. 92), несообщение о реальной экологической обстановке (ст. 93). Норму о приобретении или сбыте имущества, добытого заведомо преступным путем (ст. 146) предлагалось расположить непосредственно в главе «Преступления против собственности»¹⁴¹.

Интересным представляется и другой проект УК РСФСР этих авторов, подготовленный по заданию Верховного Совета РСФСР в 1991 г. Данный проект содержал в гл. 8 «Соучастие в преступлении» Общей части ст. 31 «Прикосновенность к преступлению», в которой к прикосновенности к преступлению авторами предлагалось относить заранее не обещанное укрывательство опасного или особо опасного преступления и заранее не обещанное приобретение или сбыт имущества, добытого заведомо преступным путем. Причем в Особенной части также устанавливалась ответственность за несообщение о загрязнении моря (ст. 171) и за несообщение о реальной экологической обстановке (ст. 172). Норму о приобретении или сбыте имущества, добытого заведомо преступным путем (ст. 239), также предлагалось расположить непосредственно в главе «Преступления против собственности»¹⁴².

Проект УК РФ, подготовленный рабочей группой из числа ученых и практиков, образованной при Министерстве юстиции РФ в октябре 1992 г., содержал в главе 7 «Соучастие в преступлении» ст. 28¹ «Несообщение о преступлении и укрывательство преступления». В данной статье говорилось, что несообщение о готовящемся или совершенном преступлении, а равно заранее не обещанное укрывательство преступления не являются соучастием в данном преступлении и влекут уголовную ответственность лишь в случаях, предусмотренных ст. ст. 274 и 275 настоящего Кодекса. Статья 274 «Укрывательство преступления» содержалась в главе «Престу-

¹⁴¹ Уголовный кодекс РСФСР (Особенная часть). Инициативный проект. Омск, 1990. 88 с.

¹⁴² Совершенствование и эффективность применения республиканского законодательства в борьбе с преступностью: межвуз. сб. науч. тр. : в 2 ч. Омск, 1991. Ч. 2 : Уголовный кодекс РСФСР (проект). 108 с.

пления против правосудия» и устанавливала уголовную ответственность за заранее не обещанное укрывательство тяжкого преступления (ч. 1) и за заранее не обещанное укрывательство особо тяжкого преступления (ч. 2). Статья 275 «Несообщение о преступлении» также находилась в главе «Преступления против правосудия» и устанавливала уголовную ответственность за несообщение о достоверно известном готовящемся или совершенном тяжком или особо тяжком преступлении. Интересно также отметить, что авторы данного проекта расположили статью, устанавливающую ответственность за приобретение и сбыт заведомо похищенного имущества (ст. 167) непосредственно в главе «Преступления против собственности» (гл. 6). Диспозиция данной статьи выглядит следующим образом:

— ч. 1. Заранее не обещанное приобретение имущества, заведомо добытое путем хищения, совершенное в крупном размере либо лицом, ранее привлекавшимся за это к административной ответственности;

— ч. 2. Заранее не обещанные сбыт или хранение с целью сбыта, а равно приобретение с целью сбыта имущества, заведомо добытого путем хищения;

— ч. 3. Действия, предусмотренные частью второй настоящей статьи, совершенные в виде промысла или в крупном размере»¹⁴³.

Модельный Уголовный кодекс для государств-участников СНГ, разработанный в 1996 г., в отличие от рассмотренного выше проекта УК РФ, не содержал в Общей части указания на прикосновенность и не выделял виды прикосновенности. Однако в гл. 34 «Преступления против правосудия» раздела XIII «Преступления против государственной власти» Особенной части размещалась ст. 326 «Несообщение о преступлении или его укрывательство», в ч. 1 которой предлагалось считать несообщение о достоверно известном готовящемся или совершенном особо тяжком преступлении — преступлением небольшой тяжести, а в ч. 2 — заранее не обещанное укрывательство тяжкого или особо тяжкого преступления — преступлением средней тяжести. Норма, посвященная приобретению или сбыту имущества, заведомо добытого преступным путем (ст. 251), как и в предшествующем проекте, находилась в главе «Преступления против собственности» раздела «Преступления против собственности и порядка осуществления экономической деятельности». Диспозиция данной статьи выглядела следующим образом:

«(1) Заранее не обещанные приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем, — преступление небольшой тяжести;

¹⁴³ Уголовный кодекс Российской Федерации (проект) // Юридический вестник. 1992. № 20. С. 47–54.

(2) Те же действия, совершенные:

а) в крупном размере;

б) группой лиц по предварительному сговору, — преступление средней тяжести.

(3) Действия, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, — тяжкое преступление».

Данный проект содержал также и норму, устанавливающую ответственность за легализацию доходов, полученных противозаконным путем (ст. 258), которую авторы расположили в главе 29 «Преступления против порядка осуществления предпринимательской и иной экономической деятельности». Статья была сформулирована авторами следующим образом:

«(1) Соккрытие или искажение незаконных источников и природы происхождения, местонахождения, размещения, движения или действительной принадлежности денежных средств или иного имущества либо прав на имущество, заведомо полученных незаконным путем, а равно использование таких денежных средств или иного имущества для занятия предпринимательской или иной экономической деятельностью — преступление средней тяжести.

(2) То же деяние, совершенное организованной группой, — тяжкое преступление.»¹⁴⁴

Подводя итог, необходимо отметить, что современный период исторического развития отечественных уголовно-правовых норм о прикосновенности к преступлениям против собственности характеризуется отказом законодателя от закрепления института прикосновенности в действующем уголовном законодательстве, за исключением ряда норм, устанавливающих ответственность за отдельные виды прикосновенности в Особой части УК РФ, несмотря на обоснованные предложения авторских коллективов при создании ими первоначальных проектов УК РФ.

В целом исследование эволюции уголовной ответственности за прикосновенность к преступлениям против собственности в отечественном уголовном праве позволяет сформулировать вывод о том, что институт прикосновенности к преступлениям против собственности в российском уголовном праве имеет богатую историю. Он формировался и совершенствовался в связи с теми направлениями и целями уголовной политики, которые ставило перед собой государство в конкретный период своего развития для наиболее максимального воздействия на имущественную

¹⁴⁴ Модельный уголовный кодекс для государств-участников СНГ // Правоведение. 1996. № 1. С. 91–150.

преступность. При этом просматривалась общая закономерность — наряду с уголовно наказуемой прикосновенностью к государственным преступлениям всегда наказывалась прикосновенность к тяжким имущественным преступлениям.

В древнем праве, как и праве раннего и позднего средневековья российской истории, можно выделить лишь отдельные, разрозненные нормы, связанные с институтом прикосновенности к преступлениям против собственности (укрывательство, недоносительство, попустительство), которые законодатель относил к институту соучастия. Впервые в российской истории в Уголовном уложении 1845 г. прикосновенность к преступлению выделена в самостоятельный институт отечественного уголовного права, объектом которой признавались и имущественные отношения. При этом на протяжении всего досоветского периода значительно усиливалось уголовное наказание за укрывательство преступлений и преступников, за приобретение, сбыт или хранение имущества, добытого преступным путем, совершенные в виде промысла (ремесла). На протяжении всего советского периода развитие норм о прикосновенности к преступлениям против собственности следовало по пути детализации ответственности прикосновенных лиц, государством же проводилась последовательная линия в вопросе разграничения прикосновенности к преступлению и соучастия в преступлении. В современный период исторического развития отечественных уголовно-правовых норм о прикосновенности к преступлениям против собственности законодатель отказался от закрепления института прикосновенности в действующем уголовном законодательстве, за исключением ряда норм, устанавливающих ответственность за отдельные виды прикосновенности в Особенной части УК РФ.

История развития ответственности за прикосновенность к преступлениям против собственности показывает, что уголовная ответственность за данные преступления прошла в своем развитии несколько периодов: 1) доимперский (с 988 г. по 1721 г.); 2) имперский (с 1721 г. по 1917 г.); 3) советский (с 1917 г. по 1991 г.); 4) современный (с 1991 г. по настоящее время).

Первый период развития норм о прикосновенности к преступлениям против собственности — доимперский (с 988 г. по 1721 г.). Характеризуется тем, что в древнем праве, как и праве раннего и позднего русского средневековья, можно выделить лишь отдельные, разрозненные нормы, связанные с институтом прикосновенности к преступлениям против собственности (укрывательство, недоносительство, попустительство), которые законодатель относил к институту соучастия.

Второй период — имперский (с 1721 г. по 1917 г.). В этот период в русском уголовном законодательстве нашел отражение ряд общественно опасных деяний, сопутствующих посягательствам на имущественные отношения, что обеспечивало их более совершенную уголовно-правовую охрану.

Третий период — советский (с 1917 г. по 1991 г.), связан с закреплением первой советской нормы, устанавливающей самостоятельную уголовную ответственность за общественно опасные деяния, прикосновенные к преступлениям против собственности.

Четвертый период развития норм о прикосновенности к преступлениям против собственности — современный (с 1991 г. по настоящее время). Он ознаменовался тем, что уголовная ответственность за прикосновенность к преступлениям против собственности была установлена наряду с прикосновенностью к другим преступлениям.

Следует отметить, что на всей протяженности истории развития уголовной ответственности за прикосновенность к преступлению, прикосновенность к преступлениям против собственности была наиболее постоянным и дифференцированным видом прикосновенности к чужому преступлению.

Основными закономерностями (тенденциями) развития отечественных уголовно-правовых норм о прикосновенности к преступлениям против собственности являются:

- постепенное выделение деяний, прикосновенных к преступлениям против собственности, в отдельные составы преступлений;
- перевод преступлений, образующих прикосновенность к преступлениям против собственности из группы преступлений против правосудия в группу преступлений в сфере экономической деятельности;
- стабилизация содержания норм, регламентирующих уголовную ответственность за прикосновенность к преступлениям против собственности;
- усиление уголовной ответственности за совершение деяний, прикосновенных к преступлениям против собственности.

В целом же основной проблемой развития уголовной ответственности за прикосновенность к преступлениям против собственности следует признать внесистемную трансформацию содержания и видов прикосновенности к имущественным преступлениям в условиях неоднозначности понимания сущности и видов прикосновенности к преступлению вне зависимости от исторических периодов развития Российского государства.

ГЛАВА II. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРИКОСНОВЕННОСТИ К ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ

§ 1. Объективные признаки прикосновенности к преступлениям против собственности

Объективная сторона преступления есть процесс общественно опасного и противоправного посягательства на охраняемые законом интересы, рассматриваемый с его внешней стороны, с точки зрения последовательного развития событий и явлений, возникших в результате преступного действия (бездействия) субъекта¹. В теории уголовного права признано, что объективная сторона состава преступления включает: внешнюю (физическую) сторону деяния; общественно опасные последствия; причинную связь между деянием и последствиями; время, место, способ и другие признаки совершения преступления².

Чтобы рассмотреть объективные признаки прикосновенности к преступлениям против собственности, обратимся к исследованию содержания объективной стороны выделенных нами видов преступлений, образующих прикосновенность к преступлениям против собственности, а именно: легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем (ст. 174 УК РФ); приобретения или сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем (ст. 175 УК РФ); заранее не обещанного укрывательства особо тяжких преступлений (ч. 2 ст. 316 УК РФ).

¹ Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления. М., 1960. С. 9 ; *Курс уголовного права* : в 5 т. / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой, Г. Н. Борзенкова, В. С. Комиссарова. М., 2002. Т. 1 : Общая часть: Учение о преступлении / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М., 2002. С. 219.

² Марцев А. И. Диалектика и вопросы теории уголовного права. Красноярск, 1990. С. 42–43 ; *Курс уголовного права* : в 5 т. / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой, Г. Н. Борзенкова, В. С. Комиссарова. Т. 1 : Общая часть: Учение о преступлении / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. С. 223–224.

Уголовная ответственность за **легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных незаконным путем**, была введена в Российской Федерации в связи с принятием УК РФ 1996 г. и до настоящего момента претерпела несколько редакций. Основное содержание вносимых изменений в рамках объективной стороны состава данного преступления состояло в исключении такого деяния, как использование денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, для осуществления предпринимательской или иной экономической деятельности.

Понятие легализации преступных доходов на законодательном уровне дано Федеральным законом от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»³. В статье 3 данного Федерального закона определено, что легализация — это «придание правомерного вида владению, пользованию или распоряжению денежными средствами или иным имуществом, полученными в результате совершения преступления». Вместе с тем, как отмечает Л. И. Никольская, «...в законодательстве Российской Федерации, посвященном противодействию легализации (отмыванию) преступных доходов, существует ряд положений и формальных несоответствий международным нормам и стандартам, выработанным ведущими международными организациями, могущих привести к затруднениям при практическом применении этого законодательства, в связи с чем современное российское законодательство, регулирующее вопросы противодействия легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, нуждается в существенной корректировке в соответствии с мировыми стандартами»⁴.

Легализация имеет ярко выраженную общественную опасность. По мнению Н. С. Косяковой, она имеет особую общественную опасность, которая заключается в том, что данное преступление укрепляет экономическую основу организованной преступности⁵. Это же мне-

³ *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2001. № 33, ч. 1, ст. 6864 ; *Рос. газета*. 2016. 8 июля.

⁴ *Никольская Л. И.* Проблемы противодействия легализации (отмыванию) преступных доходов // *Противодействие преступности: уголовно-правовые, криминологические и уголовно-исполнительные аспекты* : мат-лы III Рос. конгресса уголовного права 29–30 мая 2008 г. М., 2008. С. 452–454.

⁵ *Косякова Н. С.* Прикосновенность к преступлению по российскому уголовному праву: становление, состояние и перспективы развития : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 86.

ние поддерживает В. И. Зубкова, отмечая, что общественная опасность легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем состоит в том, что она нарушает «установленный законом порядок осуществления предпринимательской деятельности, а также способствует функционированию и сокрытию организованной преступной деятельности»⁶.

Общественная опасность легализации также выражается в ее тесной связи с другими преступлениями. Так, И. А. Никитина подчеркивает связь легализации с таким преступлением, как незаконное образование юридического лица, поскольку основным механизмом обналачивания является использование компаний-однодневок⁷.

Весьма актуальна проблема *непосредственного объекта* легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, добытого путем совершения преступлений против собственности, поскольку, к сожалению, в теории уголовного права нет единства в этом вопросе.

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает точка зрения О. В. Сабаниной относительно непосредственного объекта легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, согласно которой одной из особенностей составов преступлений, предусмотренных ст. 174 УК РФ, выступает их двуобъектность. При этом данное преступление не является двуобъектным в традиционном понимании, когда один из объектов является основным, а второй — дополнительным. В состав криминальной легализации интегрированы два самостоятельных, равноценных (не соподчиненных) непосредственных объекта, которые взаимосвязаны видовыми объектами: во-первых, группы преступлений в сфере экономической деятельности, во-вторых, группы преступлений против правосудия, в связи с тем, что легализация, помимо нарушения нормального функционирования рыночной экономики, способствует сокрытию первичного преступления, что осложняет привлечение к уголовной ответственности лиц, виновных в их совершении, т. е. препятствует достижению цели правосудия. Предметом посягательства при совершении преступлений, предусмотренных ст. 174

⁶ Зубкова В. И. Противодействие легализации денежных средств или иного имущества уголовно-правовыми средствами // Уголовное право в эпоху финансово-экономических перемен : мат-лы IX Рос. Конгресса уголовного права, состоявшегося 29–30 мая 2014 г. / отв. ред. В. С. Комиссаров. М., 2014. С. 144.

⁷ Никитина И. А. Противодействие легализации незаконных доходов // Противодействие преступности: уголовно-правовые, криминологические и уголовно-исполнительные аспекты : мат-лы III Рос. конгресса уголовного права, состоявшегося 29–30 мая 2008 г. М., 2008. С. 277.

УК РФ, являются денежные средства или иное имущество, приобретенные преступным путем⁸.

Как отмечает И. Н. Спирин, «в научной литературе можно встретить весьма продуктивную идею о двух сторонах (аспектах) общественной опасности легализации преступных доходов: опасность этого преступления состоит в нарушении, с одной стороны, общественных отношений экономического характера (вред, причиняемый экономическим интересам отдельных хозяйствующих субъектов, а также общества и государства в целом), с другой — общественных отношений, общественной безопасности, которые страдают от укрепления финансовой основы организованной преступности»⁹. При этом, по его мнению «...общественные отношения в сфере экономической деятельности, скорее всего, являются дополнительным непосредственным объектом легализации. Основным непосредственным объектом в этом случае можно считать те же отношения, которые страдают при осуществлении организованной преступной деятельности, т. е. общественные отношения, складывающиеся при обеспечении общественной безопасности, страдающие от деятельности организованных преступных групп»¹⁰.

Актуальным является вопрос о предмете данного преступления, поскольку мнения по этому поводу среди ученых-специалистов в области уголовного права разделились. Ряд ученых считает, что предметом легализации выступают денежные средства, ценные бумаги и иное движимое и недвижимое имущество¹¹. Другие авторы, исходя из понимания объекта данного преступления как общественных отношений, обеспечивающих безопасность общества, считают, что в данном преступлении имущество является не предметом, а средством совершения данного преступления¹².

⁸ *Сабанина О. В.* Уголовная ответственность за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004. С. 15.

⁹ *Спирин И. Н.* Легализация преступных доходов: некоторые теоретические проблемы состава // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : мат-лы 4-й междунар. науч.-практ. конф. М., 2007. С. 395.

¹⁰ Там же, с. 398.

¹¹ *Уголовное право России. Особенная часть* / под ред. А. И. Рарога. М., 1996. С. 160 ; *Волженкин Б. В.* Отмывание денег. СПб., 1998. С. 20 ; *Лавров В. В.* Уголовная ответственность за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных незаконным путем : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Новгород, 2000. С. 14.

¹² *Горелик А. С., Шишко И. В., Хлупина Г. Н.* Преступления в сфере экономической деятельности и против интересов службы в коммерческих и иных организациях. Красноярск, 1998. С. 34 ; *Косякова Н. С.* Указ. соч. С. 143.

Основная часть специалистов к предмету данного преступления относит денежные средства и иное имущество. Как отмечает К. Н. Серёжкина, «денежные средства и иное имущество — это категория гражданского права, и для уяснения содержания данных признаков состава преступления необходимо обратиться к соответствующим нормам Гражданского кодекса РФ»¹³. Это ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации¹⁴ (далее — ГК РФ), дающая понятие имущества, включая вещи (деньги и ценные бумаги), иное имущество, а также имущественные права, и ст. 140 ГК РФ, дающая понятие денежных средств как платежных средств в рублях и иностранной валюте, как в наличной, так и в безналичной формах. При этом нельзя расширительно толковать предмет ст. 174, включая в него иные самостоятельные виды объектов гражданских прав, таких как работы, услуги, охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность), а также нематериальные блага.

Определенный вопрос возникает при характеристике понятия «денежные средства и имущество, приобретенные преступным путем». Так, некоторые авторы считают, что для признания имущества приобретенным преступным путем необходимо, чтобы по данному деянию был вынесен судебный приговор, учитывая презумпцию невиновности (ст. 49 Конституции РФ¹⁵) и то, что преступлением деяние может признать только суд. По мнению К. Н. Серёжкиной, такой подход не отвечает сложившимся потребностям правового регулирования¹⁶.

Объективная сторона легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем (ст. 174 УК РФ), характеризуется совершением финансовых операций и других сделок с денежными средствами или имуществом, приобретенных преступным путем.

¹³ Серёжкина К. Н. Прикосновенность к преступлению в уголовном праве России: оптимизация норм и практики их применения : дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2009. С. 114.

¹⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации (Часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ : в ред. Федерального закона от 3 августа 2018 г. № 339-ФЗ // Рос. газета. 1994. 8 дек. ; 2018. 8 авг.

¹⁵ Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. : с учетом поправок, внесенных Законом Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ // Там же. 1993. 25 дек. ; Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31, ст. 4398.

¹⁶ Серёжкина К. Н. Указ. соч. С. 117.

Данные действия также приводят к опасным последствиям, которые выражаются в утаивании действительного происхождения источников доходов, их местонахождения, размещения, движения¹⁷. Причинная связь между этими преступлениями и преступлением против собственности способствует приданию правомерного вида владению, пользованию, распоряжению преступными доходами путем создания препятствий для установления источника получения этих доходов.

Деяние как признак объективной стороны состава легализации представляет собой совершение финансовых операций и других сделок с денежными средствами или иным имуществом, приобретенными заведомо преступным путем. Описание преступных действий, составляющих объективную сторону легализации, свидетельствует о том, что финансовые операции рассматриваются законодателем в качестве одной из разновидностей действий¹⁸.

Поскольку в ст. 174 УК РФ прямо говорится, что финансовая операция представляет собой разновидность сделки, то единственным правильным решением было бы объединение обоих терминов понятием «операции», как это сделано в ст. 3 Федерального закона от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ. Предложенная категория охватывает своим содержанием и «финансовую операцию», и любую «другую сделку», в связи с чем этот термин представляется более предпочтительным при законодательном конструировании состава легализации.

Объективная сторона легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем (ст. 174 УК РФ), до 2001 г. включала две формы: совершение финансовых операций и других сделок с денежными средствами или имуществом, приобретенными преступным путем, и использование денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, для осуществления предпринимательской или иной экономической деятельности¹⁹. Следует отметить, что термин «использование» не нашел однозначного понимания в науке уголовного права. Одни авторы трактовали его как вложение денежных средств или иного имущества в создание и функционирование различных коммерческих организаций, благотворительных фондов, проведение профессиональных спортивных соревнова-

¹⁷ Сабанина О. В. Указ. соч. С. 16.

¹⁸ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Особенная часть / под ред. Ю. И. Скуратова, В. М. Лебедева. М., 1996. С. 176.

¹⁹ Сабанина О. В. Указ. соч. С. 16.

ний и т. п.²⁰ По мнению других, «использование» означало «совершение любых видов сделок или иных активных действий, то есть заключение договоров купли-продажи, кредитование, оплата произведенных работ или услуг»²¹. В итоге в законодательстве возобладало мнение о том, что использование преступно полученного имущества в экономической деятельности осуществляется преимущественно посредством совершения гражданско-правовых сделок²². Как справедливо отмечала Т. Д. Устинова, выделение рассматриваемой формы легализации в качестве самостоятельной неоправданно, так как использовать денежные средства или иное имущество в предпринимательской или иной экономической деятельности можно только посредством тех же финансовых операций или иных сделок²³.

Сущность легализации преступных доходов — это использование легального имущественного оборота в целях сокрытия, утаивания преступно нажитого, придания ему внешне законного, правомерного вида. Иначе большинство корыстных преступлений подлежали бы квалификации по совокупности с рассматриваемым посягательством²⁴.

Действия по реализации похищенного имущества, не создающие видимости законного источника происхождения этого имущества, также не образуют состава легализации. Как разъяснил Пленум Верховного Суда Российской Федерации в п. 16 постановления от 7 июля 2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем»²⁵, в отличие от состава легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества (ст. 174 УК РФ), заранее не обещанные приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем (ст. 175 УК РФ), совершаются без цели придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению таким имуществом. Под приобретением

²⁰ Уголовное право России. Части Общая и Особенная / под ред. А. И. Рарога. М., 2003. С. 439.

²¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Особенная часть / под ред. Ю. И. Скуратова, В. М. Лебедева. С. 176.

²² Горелик А. С., Шишко И. В., Хлупина Г. Н. Указ. соч. С. 38.

²³ Устинова Т. Д. Уголовно-правовая оценка ст. 174¹ УК РФ // Уголовное право. 2003. № 2. С. 79.

²⁴ Безверхов А. Г., Агапов П. В. Ответственность за легализацию (отмывание) преступных доходов по уголовному праву России : научно-методические рекомендации. Самара, 2004. С. 18–19.

²⁵ Рос. газета. 2015. 13 июля.

или сбытом имущества в ст. 175 УК РФ понимается любая форма возмездного или безвозмездного получения или передачи имущества, заведомо добытого преступным путем.

Легализацию преступных доходов следует относить к преступлению с формальным составом. Преступления, предусмотренные ст. 174 УК РФ, совершенные путем финансовых операций, следует считать оконченными с момента, когда лицо, действуя с указанной в данных статьях целью, непосредственно использовало преступно полученные денежные средства для расчетов за товары или размена либо предъявило (передало) банку распоряжение о переводе денежных средств и т. п.

В тех случаях, когда названные преступления совершались путем сделки, их следует считать оконченными с момента фактического исполнения виновным лицом хотя бы части обязанностей или реализации хотя бы части прав, которые возникли у него по совершенной сделке (например, с момента передачи виновным лицом полученных им в результате совершения преступления денежных средств или иного имущества другой стороне договора вне зависимости от того, получено ли им встречное исполнение по сделке).

Если же в целях придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению денежными средствами или иным имуществом, приобретенными преступным путем (в результате совершения преступления), создается лишь видимость заключения сделки с имуществом, тогда как в действительности фактическая передача имущества по ней не предполагается, то преступления, предусмотренные ст. 174 УК РФ, следует считать оконченными с момента оформления договора между виновным и иным лицом (например, с момента подписания договора об оплате услуг, которым маскируется преступное приобретение соответствующих денежных средств).

На признание преступления оконченным не влияет то обстоятельство, что финансовые операции или сделки осуществлялись в условиях оперативно-розыскного мероприятия, проводимого в соответствии с Федеральным законом от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»²⁶.

Статья 174 УК РФ «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем» помещена российским законодателем в главу 22 УК РФ «Преступления в сфере экономической деятельности», которая в свою очередь располагается в разделе VIII УК РФ «Преступления в сфере экономики». Данное

²⁶ Там же. 1995. 18 авг.

расположение ст. 174 в УК РФ свидетельствует о том, что родовым объектом данного преступления являются интересы экономики Российской Федерации, а видовым объектом — интересы экономической деятельности в соответствии с разделом и главой Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, в которых статья находится.

В отношении конструкции статьи ряд авторов предлагает расширить ее содержание, добавив в нее конкретизацию таких альтернативных действий, как «утаивание, сокрытие, искажение информации»²⁷. Другие авторы, например Н. С. Косякова, считают, что конструкция объективной стороны данного преступления должна быть упрощена. По ее мнению, указание в тексте статьи на финансовую операцию и на сделку одновременно является дублированием, поскольку финансовая операция — это тоже сделка. В связи с этим она предлагает оставить в тексте статьи только указание на совершение сделки²⁸.

Как отмечает К. Н. Серёжкина, ни гражданское, ни финансовое, ни иное законодательство не содержит определения понятия «финансовая операция». П. С. Яни относит к финансовым операциям все сделки, в ходе осуществления которых происходит какое-либо движение денежных средств²⁹.

К. Н. Серёжкина отмечает, что «Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ не раскрывает понятия „финансовая операция“, в нем присутствует понятие „операция с денежными средствами или иным имуществом“»³⁰.

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» раскрывается понятие финансовой операции. В пункте 6 данного постановления отмечено, что для целей ст. ст. 174 и 174¹ УК РФ под финансовыми операциями могут пониматься любые операции с денежными средствами (наличные и безналичные расчеты,

²⁷ Шебунов А. А. Легализация денежных средств или иного имущества, приобретенных незаконным путем : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 117 ; Лавров В. В. Указ. соч. С. 17 ; Коротков Ю. В. Уголовно-правовые и криминологические аспекты борьбы с легализацией (отмыванием) незаконных доходов : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 151.

²⁸ Косякова Н. С. Указ. соч. С. 92.

²⁹ Яни П. С. Уголовная ответственность за легализацию имущества, приобретенного незаконным путем // Право и экономика. 1998. № 1. С. 114.

³⁰ Серёжкина К. Н. Указ. соч. С. 120.

кассовые операции, перевод или размен денежных средств, обмен одной валюты на другую и т. п.).

К сделкам как признаку указанных преступлений могут быть отнесены действия, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей, а равно на создание видимости возникновения или перехода гражданских прав и обязанностей.

При этом, по смыслу закона, указанные финансовые операции и сделки заведомо для виновного маскируют связь легализуемого имущества с преступным источником его происхождения (основным преступлением).

Для точности квалификации преступного деяния необходимо уточнение множественности действий в совершении финансовых операций. Соответствующее законодательное закрепление единственной финансовой операции исключило бы необходимость ограничительного толкования в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2015 г. № 32 единичности действий по совершению финансовой операции.

В большинстве случаев относительно признаков объективной стороны приобретения или сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем (ст. 175 УК РФ), вопросов не возникает.

Как отмечает Н. А. Лопашенко, приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем (ст. 175 УК РФ), представляет собой деяние в отношении уже совершенного преступления или действий лиц, направленных на достижение определенного результата от корыстного преступления. Таким образом, объективная сторона приобретения или сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем, характеризуется активными действиями виновного. Обязательным признаком таких действий является обращение имущества в пользу виновного и способствование совершению хищений и других преступлений, которыми оно было добыто. Такая связь повышает общественную опасность данного преступления, и, по мнению Н. А. Лопашенко, «заключается в косвенном поощрении виновным лиц, совершающих корыстные преступления, в нарушении принципов ведения экономической деятельности»³¹.

По форме преступное деяние по ст. 175 УК РФ выражается в следующих альтернативных заранее не обещанных действиях: приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем.

³¹ Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономической деятельности: теоретический и прикладной анализ : монография : в 2 ч. М., 2015. Ч. II. С. 543.

Приобретение, по смыслу ст. 175 УК РФ, — это возмездное или безвозмездное получение имущества в любой форме, в результате которого приобретатель может отчуждать или лично его использовать. При этом возможно существование таких форм приобретения (сбыта), как залог, заем, хранение и ряда других. Приобретение имущества, заведомо добытого преступным путем, должно совершаться по обоюдному согласию и волеизъявлению добытчика на отчуждение имущества, а приобретателя — на его получение. В случае нарушения воли отчуждателя меняется юридическая сущность самого факта перехода имущества от одного лица к другому и содеянное следует квалифицировать как самостоятельный состав преступления.

Сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем, представляет его возмездную или безвозмездную передачу, отчуждение любым способом в фактическое владение, пользование или распоряжение другого лица. Понятие сбыта включает также принятие имущества, добытого преступным путем, для продажи и (или) оказание лицу, добывшему это имущество, помощи в продаже или иной передаче имущества в постоянное пользование.

Как считает Н. В. Репина, под приобретением имущества, заведомо добытого преступным путем, следует понимать единичные либо систематические факты получения такого имущества в пользу приобретателя либо других физических или юридических лиц, а также во временное пользование путем заключения любых возможных сделок.

Сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем, представляет собой передачу другим физическим или юридическим лицам данного имущества в обладание имущества, а также во временное пользование в результате заключения любых возможных сделок³².

Л. И. Серебренникова считает, что передача имущества не только в постоянное, но и во временное владение подпадает под действие ст. 175 УК РФ³³.

Как приобретение, так и сбыт по ст. 175 УК РФ представляют собой окончательное получение (отчуждение) имущества. Приобретатель (сбытчик) преступно добытого имущества фактически наделяется всеми

³² Репина Н. В. Уголовная ответственность за приобретение или сбыт имущества, заведомо для виновного добытого преступным путем : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 11.

³³ Серебренникова Л. И. Криминологические и уголовно-правовые проблемы приобретения или сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем (по материалам Дальневосточного федерального округа) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2009. С. 16.

правомочиями права собственности. Кроме того, в диспозиции ч. 1 ст. 175 УК РФ законодатель использует термины «приобретение» и «сбыт», характеризующие окончательный результат преступной деятельности, в отличие, например, от завладения (ст. 166 УК РФ), указывающего на временный характер действий³⁴.

Общепризнано, поскольку «уголовный закон не указывает на те или иные формы преступного приобретения имущества, придавая им равноценный характер... закон не различает возмездное и безвозмездное приобретение имущества, и для квалификации преступления способы и формы такого приобретения не имеют значения»³⁵. Аналогично принято толковать и сбыт³⁶. Приобретение и сбыт могут быть как возмездными, так и безвозмездными: купля-продажа, передача или принятие в дар, в счет долга и т. д. Вместе с тем остаются до сих пор неразрешенными вопросы: можно ли расценивать как приобретение применительно к ст. 175 УК РФ наследование заведомо добытого преступным путем имущества, а также его хищение³⁷.

В юридической литературе неоднозначно изложен вопрос о моменте окончания преступного деяния. По мнению Л. И. Серебренниковой, преступление следует считать оконченным с момента принятия (получения) имущества приобретателем³⁸. Состав преступления формальный — преступление окончено с момента совершения действий, описанных в диспозиции статьи.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что объективная сторона данного преступления должна быть сформулирована как незаконное приобретение или сбыт имущества, заведомо для прикосновенного лица добытого преступным путем.

³⁴ Крапивина О. Н. Приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем: сравнительно-правовое, уголовно-правовое, уголовно-политическое и криминологическое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 16.

³⁵ Мурадов А. Н. Уголовная ответственность за приобретение, хранение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1985. С. 13.

³⁶ Магомедов А. М. Уголовная ответственность за приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1973. С. 6.

³⁷ Лапунин М. М. Некоторые вопросы толкования «приобретение» применительно к ст. 175 УК РФ // Современные разновидности российской и мировой преступности: состояние, тенденции, возможности и перспективы противодействия : сб. науч. тр. / под ред. Н. А. Лопашенко. Саратов, 2005. С. 451–454.

³⁸ Серебренникова Л. И. Указ. соч. С. 16.

С учетом сложившейся к настоящему времени в теории уголовного права ситуации с определением объекта приобретения или сбыта имущества, добытого преступным путем, актуальной является характеристика родового, видового и непосредственного объектов данного преступления.

Статья 175 УК РФ «Приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем» помещена российским законодателем в гл. 22 УК РФ «Преступления в сфере экономической деятельности», которая в свою очередь располагается в разделе VIII УК РФ «Преступления в сфере экономики». Данное расположение ст. 175 в УК РФ свидетельствует о том, что родовым объектом этого преступления являются интересы экономики Российской Федерации, а видовым объектом — интересы экономической деятельности, исходя из того раздела и главы Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, в которых, соответственно, статья находится.

Экономика как родовой объект приобретения или сбыта имущества, добытого преступным путем, понимается как совокупность производственных (экономических) отношений по поводу производства, обмена, распределения и потребления материальных благ³⁹. Н. А. Лопашенко пишет, что «...родовой объект преступлений, осуществляемых в сфере экономической деятельности, — общественные отношения в сфере реализации принципов осуществления этой деятельности»⁴⁰.

О. Н. Крапивина считает, что нераскрытое преступное приобретение или сбыт имущества, будучи вторичной преступной деятельностью, оказывает на экономическую систему государства опосредованное воздействие, так как действия совершаются с имуществом, уже выведенным (изъятым) из оборота предшествующим преступлением; создает удобную среду для совершения иных уголовно противоправных деяний; стимулирует развитие преступности, порождая у виновных лиц ощущение безнаказанности⁴¹.

К. Н. Серёжкина называет родовым объектом приобретения и сбыта общественные отношения по осуществлению государственной власти. Видовым объектом — систему общественных отношений, обеспечивающих деятельность государственных органов, физических и юридических лиц в процессе отправления правосудия⁴². Л. В. Иногамова-Хегай отме-

³⁹ Волженкин Б. В. Экономические преступления. СПб., 2002. С. 52.

⁴⁰ Лопашенко Н. А. Вопросы квалификации преступлений в сфере экономической деятельности. Саратов, 1997. С. 11–12.

⁴¹ Крапивина О. Н. Указ. соч. С. 3.

⁴² Серёжкина К. Н. Указ. соч. С. 142–143.

чает, что это «совокупность общественных отношений, обеспечивающих специфический вид государственной деятельности суда и органов, содействующих ему, по реализации целей и задач правосудия»⁴³.

Еще более актуальна проблема непосредственного объекта приобретения или сбыта имущества, добытого при совершении преступлений против собственности, поскольку в теории уголовного права нет единства в его понимании.

По мнению В. И. Морозова и А. В. Зарубина, основным непосредственным объектом приобретения и сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем, являются «общественные отношения, регулирующие экономическую деятельность в государстве»⁴⁴. Большое значение имеет характеристика направленности такой деятельности, поэтому для более полного представления о непосредственном объекте приобретения и сбыта имущества, заведомо добытого путем совершения преступлений против собственности, необходимо уточнение характера данного вида экономической деятельности, в противном случае непосредственный и видовой объект этого преступления неизбежно будут совпадать.

Н. П. Иваник пишет, что «сам факт нарушения обязанности воздержаться от сделок с имуществом, добытым преступным путем, причиняет непосредственный ущерб общественным отношениям, возникающим между государственными органами, общественными организациями и гражданами по поводу борьбы с корыстной преступностью»⁴⁵.

Как отмечает К. Н. Серёжкина, приобретение или сбыт имущества «создает препятствие для выявления и привлечения к уголовной ответственности лиц, виновных в противоправном завладении чужим имуществом, стимулируя тем самым систематическое совершение преступлений корыстной направленности. Следовательно, нормы об ответственности за приобретение и сбыт преступно добытого имущества, направлены на предупреждение совершения корыстных противоправных посягательств, предметом которых являются имущественные ценности в виде движимых вещей»⁴⁶. Основным непосредственным объектом ав-

⁴³ *Российское уголовное право : учебник : в 2 т. / Г. Н. Борзенков [и др.] ; под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, В. С. Комиссарова, А. И. Рарога. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2007. Т. 2 : Особенная часть. С. 529.*

⁴⁴ *Морозов В. И., Зарубин А. В. Уголовно-правовое регулирование прикосновенности к преступлению : учеб. пособие. Тюмень, 2011. С. 72.*

⁴⁵ *Иваник Н. П. Уголовно-правовая борьба с приобретением или сбытом имущества, заведомо добытого преступным путем : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1967. С. 41.*

⁴⁶ *Серёжкина К. Н. Указ. соч. С. 146.*

тор считает «отношения, возникающие в процессе деятельности органов государственной власти по осуществлению задач правосудия в части установления лиц, виновных в противоправном завладении чужим имуществом и применения мер уголовно-правового воздействия. Поскольку приобретение и сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем, способствуя безнаказанности субъектов основного корыстного преступления, создают условия для совершения ими новых преступлений корыстной направленности, факультативным объектом его выступают интересы общественной безопасности»⁴⁷.

Как отмечает А. Д. Макаров, «объектом приобретения или сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем, следует признать общественную безопасность»⁴⁸.

Н. С. Косякова пишет: «Многообразие точек зрения по объекту прикосновенности свидетельствует о том, что объект прикосновенности к преступлению является сложным. Это и интересы правосудия, и жизнь и здоровье людей, и отношения в сфере экономики, а в целом — общественная безопасность»⁴⁹.

По мнению В. И. Морозова и А. В. Зарубина, основным непосредственным объектом приобретения и сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем, являются «общественные отношения, регулирующие экономическую деятельность в государстве»⁵⁰.

По мнению Н. А. Лопашенко, «объектом преступления, предусмотренного ст. 175 УК РФ, являются экономические отношения, соответствующие принципу запрета заведомо криминальных форм поведения в экономической деятельности»⁵¹. В развитие этого она отмечает, что «преступление, предусмотренное ст. 175 УК РФ, близко по сути своей к укрывательству преступления, которое законодатель считает посягательством на правосудие. В самом деле, приобретая или сбывая имущество, заведомо добытое преступным путем, лицо сознательно участвует в сокрытии преступления, которого он не совершал, затрудняет деятельность правоохранительных органов по раскрытию первого преступления и изобличению виновных. В соответствии с изложенным состав приоб-

⁴⁷ Там же. С. 143.

⁴⁸ Макаров А. Д. Уголовная ответственность за прикосновенность к преступлению : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 109.

⁴⁹ Косякова Н. С. Указ. соч. С. 76.

⁵⁰ Морозов В. И., Зарубин А. В. Указ. соч. С. 72.

⁵¹ Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономической деятельности: теоретический и прикладной анализ : монография : в 2 ч. Ч. 2. С. 543.

ретения или сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем, следовало бы перенести из главы 22 в главу 31 УК РФ»⁵².

Как отмечает Л. И. Серебренникова, «выявлено, что при совершении преступных деяний, предусмотренных ст. 175 УК РФ, наибольший вред причиняется отношениям экономической деятельности по поводу распределения определенной части имущества — вещей. Поэтому основным непосредственным объектом исследуемого состава преступления предлагается признать отношения экономической деятельности, возникающие в связи с распределением вещей как объектов материальных благ, осуществляемые в форме гражданско-правовых сделок»⁵³. Оригинальную точку зрения по вопросу определения объекта рассматриваемого преступления предлагает О. Н. Крапивина. Автор в качестве непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст. 175 УК РФ, определяет охраняемые государством общественные отношения, основанные на принципе запрета заведомо криминальных форм поведения в экономической деятельности, направленные на обеспечение установленного законом порядка приобретения или сбыта имущества⁵⁴.

Некоторые авторы выделяют для данного преступления дополнительный непосредственный объект. Так, В. И. Морозов и А. В. Зарубин отмечают, что дополнительным объектом данного преступления выступают общественные отношения, охраняющие интересы правосудия. С данной точкой зрения трудно согласиться⁵⁵.

Мы поддерживаем мнение О. Н. Крапивиной, которая отмечает, что не следует рассматривать преступное приобретение (сбыт) имущества как разновидность преступлений против правосудия. Анализируемое деяние, в ряде случаев, способствует добытчикам в реализации имущества, может затруднить деятельность органов правосудия по борьбе с преступностью, а равно возврат законному владельцу имущества. Но нарушаемые в таком случае общественные отношения не составляют сущности данного преступления, поскольку преступное приобретение (сбыт) имущества направлено преимущественно на получение имущественной выгоды. Однако мы не согласны с выводом О. Н. Крапивиной, что интересы правосудия являются не основным, а факультативным непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 175 УК РФ⁵⁶.

⁵² Там же. С. 545.

⁵³ *Серебренникова Л. И.* Указ. соч. С. 9.

⁵⁴ *Крапивина О. Н.* Указ. соч. С. 12.

⁵⁵ *Морозов В. И., Зарубин А. В.* Указ. соч. С. 85.

⁵⁶ *Крапивина О. Н.* Указ. соч. С. 14–15.

В данном случае нельзя выделять факультативный объект преступления, поскольку и для такого выделения должны быть основания. В противном случае к факультативному объекту можно будет отнести любые общественные отношения.

Н. В. Репина отмечает, что «непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 175 УК РФ, выступают общественные отношения, обеспечивающие правомерное, с соблюдением требований уголовного законодательства и с учетом правомочий собственника приобретение или отчуждение имущества, находящегося в собственности или ином правомерном владении лица. С учетом особенностей объекта посягательства представляется целесообразным размещение исследуемой нормы в гл. 21 УК РФ „Преступления против собственности“»⁵⁷.

По мнению Л. И. Серебренниковой, «предметами приобретения или сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем, являются индивидуально-определенные вещи (в том числе подпадающие под эти признаки деньги, ценные бумаги, а также переработанные вещи), выбывшие из обладания собственника или иного законного владельца в результате совершения преступного деяния при условии, что ответственность за приобретение или сбыт этих предметов не установлена другими нормами УК РФ»⁵⁸.

В качестве предмета данного преступления О. Н. Крапивина предлагает понимать преступно добытое имущество (независимо от формы собственности), не принадлежащее лицу на праве собственности или ином законном основании (чужое), как находящееся в гражданском обороте, так и ограниченное в нем и изъятое из него, за исключением случаев, когда уголовная ответственность предусмотрена специальными статьями УК РФ⁵⁹.

Резюмируя, необходимо отметить, что объективная сторона прикосновенности к преступлениям против собственности характеризуется чрезвычайно сложной специфической природой, которая заключается в том, что, в отличие от всех других форм преступной деятельности, она возникает исключительно в результате и в связи с преступлением, совершенным другим лицом. Объективные признаки прикосновенности к преступлениям против собственности характеризуются совершением виновным активных действий. Обязательным признаком таких действий является обращение имущества в пользу виновного и содействие

⁵⁷ Репина Н. В. Указ. соч. С. 12.

⁵⁸ Серебренникова Л. И. Указ. соч. С. 9.

⁵⁹ Крапивина О. Н. Указ. соч. С. 14–15.

совершению хищений и других преступлений, которыми оно было добыто. Такая связь повышает общественную опасность этого преступления. Данные действия приводят к опасным последствиям, которые выражаются в сокрытии преступника, орудий и средств, а также предметов, добытых в результате совершения преступления против собственности и его следов, в утаивании действительного происхождения источников доходов, их местонахождения, размещения, движения. Причинная связь между данными преступлениями и преступлением против собственности способствует приданию правомерного вида владению, пользованию, распоряжению преступными доходами путем создания препятствий для установления источника получения этих доходов. Следует также подчеркнуть, что прикосновенность к преступлениям против собственности имеет сложный, многообъектный характер. Актуальна проблема непосредственного объекта данных преступлений против собственности. При этом такие преступления не являются двубъектными в традиционном понимании, когда один из объектов выступает основным, а второй — дополнительным. В состав прикосновенности к преступлениям против собственности интегрированы два самостоятельных, равноценных (не соподчиненных) непосредственных объекта, которые взаимосвязаны, соответственно, видовыми объектами, в качестве которых выступают сфера интересов правосудия и сфера экономических отношений.

Еще одним преступлением, образующим прикосновенность к преступлениям против собственности, является *укрывательство преступлений против собственности*, объективные признаки которого указаны в ч. 2 ст. 316 УК РФ. К сожалению, диспозиция ч. 2 ст. 316 УК РФ предельно лаконична: «Заранее не обещанное укрывательство особо тяжких преступлений». Фактически в ней не раскрывается содержание основных объективных признаков укрывательства преступления. Законодатель посчитал, что содержание понятия укрывательства достаточно ясно для всех, что нет необходимости указывать его признаки в тексте данной нормы уголовного закона. Однако эта неопределенность негативно отражается на правоприменительной практике, поскольку нет понятия укрывательства преступлений и в соответствующем постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Вызывает определенные проблемы и название ст. 316 УК РФ «Укрывательство преступлений», в котором говорится об укрывательстве не одного, а нескольких преступлений. Полностью названию соответствует и диспозиция данной статьи, в которой также говорится об укрывательстве не одного, а нескольких преступлений. Буквальное толкование

данной нормы свидетельствует о том, что укрывательство одного преступления фактически не является преступным и не может влечь уголовной ответственности. Вместе с тем, по логике уголовной ответственности за укрывательство, преступным должно быть укрывательство и одного преступления. Следует сослаться на зарубежный опыт законодательного регулирования, где во всех изученных нами странах дальнего зарубежья отсутствует указание на укрывательство нескольких преступлений. **В целях исключения неоднозначного толкования данной нормы, предлагаем внести изменения в название и в текст статьи 316 УК РФ, указав в названии и в содержании «укрывательство преступления».**

Вопрос об объекте укрывательства преступлений против собственности решается с учетом существующей в теории уголовного права концепции четырехступенчатого объекта, отражающей место конкретной статьи в Особенной части УК РФ: общий, родовой, видовой и непосредственный объекты⁶⁰.

Содержание общего объекта укрывательства преступлений, как и любого другого преступления, считается достаточно полно разработанным в теории уголовного права. Так, общим объектом любого преступления признается вся совокупность общественных отношений, охраняемых уголовным законом.

Статья об укрывательстве преступлений, в том числе и преступлений против собственности, помещена российским законодателем в гл. 31 УК РФ «Преступления против правосудия», которая в свою очередь располагается в разделе X УК РФ «Преступления против государственной власти».

Данное расположение ст. 316 УК РФ свидетельствует о том, что родовым объектом данного преступления законодатель признает интересы государственной власти в Российской Федерации, а видовым объектом — интересы правосудия, поскольку при их определении традиционно исходят из того, в каком разделе и главе Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации статья находится.

По мнению А. В. Зарубина, родовой объект укрывательства преступлений представляет собой «общественные отношения в сфере осуществления государственной власти»⁶¹. Большое значение имеет характеристика направленности такой деятельности. Поэтому для более полного

⁶⁰ Мальцев В. Понятие объекта преступления // Уголовное право. 2011. № 2. С. 47–52.

⁶¹ Зарубин А. В. Уголовная ответственность за заранее не обещанное укрывательство преступлений : учеб. пособие. Тюмень, 2010. С. 36.

представления о непосредственном объекте укрывательства преступлений против собственности особое внимание следует обратить на их видовой объект.

Видовым объектом данного преступления является правосудие. Как отмечает Л. В. Иногамова-Хегай, видовой объект преступлений против правосудия — «совокупность общественных отношений, обеспечивающих специфический вид государственной деятельности суда и органов, содействующих ему, по реализации целей и задач правосудия»⁶².

По мнению Р. А. Сабитова, видовым объектом данных преступлений выступают «общественные отношения, обеспечивающие нормальную деятельность органов правосудия»⁶³. Видовой объект укрывательства преступлений против собственности следует определять как «направленные на достижение цели правосудия общественные отношения, складывающиеся между, с одной стороны, государством в лице суда и правоохранительных органов, с другой — юридическим или физическим лицом в связи с раскрытием, расследованием, разрешением гражданских, административных, уголовных дел и реализацией решения по делу»⁶⁴.

Актуальна проблема *непосредственного объекта* укрывательства преступлений против собственности, поскольку в теории уголовного права нет единства в его понимании. Данное положение объясняется рядом причин. Во-первых, необходимо отметить проблему, связанную с подменной понятий объекта укрывательства преступлений понятием объекта прикосновенности к преступлению. Так, Г. И. Баймурзин в оглавлении подготовленной им диссертации по проблеме прикосновенности к преступлению отдельно выделяет вопрос о ее объекте⁶⁵. Вместе с тем следует признать, что прикосновенность в целом является собирательным понятием, включающим несколько разновидностей составов преступлений, каждый из которых имеет самостоятельный объект преступления. Поэтому невозможно выделить один отдельный непосредственный объект преступления в собирательном понятии, которое само по себе не имеет конкретного состава преступления.

⁶² Российское уголовное право : учебник : в 2 т. / С. 529.

⁶³ Уголовное право России. Особенная часть : учебник / П. В. Агапов [и др.] ; отв. ред. Р. А. Сабитов. 2-е изд., перераб. и доп. Тюмень, 2013. С. 584–585.

⁶⁴ Сурихин П. Л. Уголовная ответственность за заведомо незаконное задержание : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2001. С. 59–60.

⁶⁵ Баймурзин Г. И. Ответственность за прикосновенность к преступлению по советскому уголовному праву : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1966. С. 2.

Во-вторых, имеется проблема понимания сложной сущности укрывательства преступлений, содержания его действительной общественной опасности, механизма воздействия укрывательских действий на охраняемые общественные отношения. Одни авторы считают, что общественная опасность укрывательства преступления ограничивается препятствием общим интересам правосудия по предупреждению и раскрытию преступлений⁶⁶. Отмечают, что укрывательство преступлений имеет один непосредственный объект — нормальную деятельность органов предварительного расследования и суда⁶⁷. Так, Ю. А. Красиков отмечает, что непосредственным объектом укрывательства являются общественные отношения, обеспечивающие нормальную деятельность органов предварительного следствия и суда по раскрытию преступления, изобличению преступника, вынесению справедливого приговора⁶⁸.

В целом основным непосредственным объектом в ст. 316 УК РФ являются «общественные отношения, обеспечивающие нормальную деятельность суда по осуществлению правосудия, а также органов прокуратуры, предварительного следствия, дознания по осуществлению уголовного преследования»⁶⁹.

Другие авторы считают, что укрывательство преступлений — это многообъектное преступление. Не случайно В. Г. Смирнов отмечал, что государство борется не с укрывательством, недоносительством и попустительством как с таковыми, а с общественно опасными посягательствами прикосновенных лиц, связанных с посягательствами других преступников на тот или иной конкретный объект. Поэтому определяющим объектом посягательства лиц, прикосновенных к преступлению, следует признать тот объект, на который было направлено основное преступление (совершенное другими лицами)⁷⁰.

В связи с этим нельзя не согласиться с точкой зрения тех ученых, которые указывают на двойственный характер прикосновенности

⁶⁶ Зарубин А. В. Уголовно-правовое регулирование прикосновенности к преступлению : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 1979. С. 17 ; Баймурзин Г. И. Указ. соч. С. 41.

⁶⁷ Уголовное право России. Особенная часть : учебник / П. В. Агапов [и др.] ; отв. ред. Р. А. Сабитов. С. 608.

⁶⁸ Уголовное право России : учебник для вузов : в 2 т. / под ред. А. Н. Игнатова, Ю. А. Красикова. М., 2005. Т. 2 : Особенная часть. С. 885.

⁶⁹ Российское уголовное право : учебник : в 2 т. / Г. Н. Борзенков [и др.] ; под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, В. С. Комиссарова, А. И. Рапога. С. 563.

⁷⁰ Смирнов В. Г. Понятие прикосновенности по советскому уголовному праву. Л., 1957. С. 26–27.

в целом и укрывательства преступлений в частности⁷¹. Действительно, укрывательство преступления представляет собой самостоятельное деяние, подлежащее квалификации по ст. 316 УК РФ, а вместе с тем признается «производным» противоправным посягательством, зависящим от основного преступления против собственности, совершенного другим лицом. Это подтверждает вывод о том, что прикосновенность к преступлениям против собственности не может не иметь сложного, многообъектного характера. С одной стороны, объектом укрывательства преступлений против собственности выступают интересы правосудия, с другой — те общественные отношения, на которые основная прикосновенная деятельность посягает, в данном случае — отношения собственности. По мнению М. И. Ковалёва, укрывательство является посягательством на тот же объект, что и укрываемое преступление, при хищениях имущества, краже, разбое, вымогательстве, мошенничестве, растрате, присвоении, при всех длящихся преступлениях, некоторых особо опасных преступлениях против порядка управления, а также при некоторых воинских преступлениях⁷². При этом нельзя согласиться с тем, что определяющим, основным непосредственным объектом укрывательства выступает объект основного преступления, о прикосновенности к которому идет речь⁷³. Более точно об этом говорит Л. В. Иногамова-Хегай, которая отмечает, что в укрывательстве преступлений следует выделять дополнительный непосредственный объект — объект преступления, которое виновный укрывает⁷⁴.

Давая правильную юридическую оценку такому деянию, как укрывательство преступлений (ст. 316 УК РФ), следует подчеркнуть, что общественная опасность данного деяния заключается именно в том, что оно препятствует деятельности по изобличению виновного в совершении не абстрактного, а конкретного преступления. Это препятствие, как и препятствие назначению ему справедливого наказания, уменьшает тем самым в целом степень уголовно-правовой охраны этих конкретных, а не абстрактных общественных отношений.

⁷¹ Виттенберг Г., Панченко П. Прикосновенность к преступлению по советскому уголовному праву. Иркутск, 1976. С. 13–14.

⁷² Ковалёв М. И. Уголовная ответственность за укрывательство преступлений по советскому уголовному праву : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1952. С. 9.

⁷³ Смирнов В. Г. Указ. соч. С. 26–27.

⁷⁴ Российское уголовное право : учебник : в 2 т. / Г. Н. Борзенков [и др.] ; под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, В. С. Комиссарова, А. И. Рапога. С. 569.

В противном случае после совершения преступления любое воздействие на преступника становится бессмысленным. Поэтому нельзя поддержать точку зрения Г. И. Баймурзина, критикующего ученых, указывающих на двойственный характер прикосновенности и, как следствие, выделяющих два объекта, на которые посягает прикосновенная деятельность⁷⁵. Виновный в заранее не обещанном укрывательстве, не участвуя в совершении укрываемого им преступления, особым образом воздействует на объект укрываемого им преступления, снижая уровень его защищенности. Поэтому дополнительным непосредственным объектом рассматриваемых нами преступлений выступают интересы собственности.

В связи с особой конструкцией состава укрывательства преступления важным вопросом для полной характеристики его объекта является вопрос о предмете укрывательства, а также о личности другого преступника. Собственно в ст. 316 УК РФ ничего не говорится о содержании укрывательской деятельности. Однако в ч. 5 ст. 33 УК РФ раскрывается содержание действий, образующих пособничество в форме заранее обещанного укрывательства преступлений: это сокрытие преступника, средства или орудия совершения преступления, следов преступления или предметов, добытых преступным путем.

Под предметом преступления понимаются вещи материального мира, путем воздействия на которые преступник причиняет вред или создает угрозу причинения вреда охраняемым общественным отношениям. В рамках укрывательства преступлений против собственности предметом преступления выступают имущество, деньги и другие материальные предметы, которые могут находиться в собственности граждан.

Отличие предмета укрывательства преступлений против собственности от предмета укрывательства других преступлений заключается в том, что укрываемые преступления против собственности имеют особенность предмета преступления. Прежде всего это предмет значительной части преступлений против собственности — предмет хищения⁷⁶. В теории уголовного права в рамках учения об объекте преступления активно используется категория (понятие) «личность потерпевшего». Применительно к укрывательству преступления необходимо вести речь о понятии «личность другого преступника», поскольку в общественных отношениях по обеспечению правосудия, охраняемого уголовным за-

⁷⁵ Баймурзин Г. И. Указ. соч. С. 66.

⁷⁶ Гаухман Л. Д., Максимов С. В. Ответственность за преступления против собственности : монография. М., 1997. С. 31.

коном, преступник, совершивший основное преступление, является его важной составляющей, материальной частью. Именно путем воздействия на данную часть общественных отношений укрыватель причиняет вред правосудию.

Таким образом, большинство авторов, изучающих проблемы прикосновенности к преступлению, соглашаются с тем, что объектом такого преступления, как укрывательство преступлений (ст. 316 УК РФ), служат общественные отношения в сфере отправления правосудия. Однако в отношении наличия дополнительного объекта, связанного с причинением вреда общественным отношениям в сфере основного посягательства, существуют принципиальные разногласия. Поэтому в настоящее время вопрос о непосредственном объекте укрывательства преступления в науке уголовного права остается открытым.

Резюмируя вышесказанное, следует подчеркнуть, что укрывательство преступлений против собственности имеет сложный, многообъектный характер. В качестве непосредственных объектов рассматриваемого преступления выступают интересы правосудия и экономических отношений.

В объективную сторону укрывательства преступления против собственности, с учетом формального состава этого преступления, прежде всего входит само *деяние*. Как отмечает А. В. Зарубин, «с объективной стороны заранее не обещанное укрывательство преступлений выражено в деянии, направленном на создание любых условий, при которых создаются реальные затруднения в обнаружении, раскрытии, расследовании укрываемого преступления и применении к лицу, совершившему основное преступление, уголовной ответственности или иных мер уголовно-правового характера»⁷⁷. В теории уголовного права укрывательство преступлений связано с вопросами реализации уголовной ответственности, а именно с противодействием привлечению к ней другого лица, совершившего преступление. Привлечение к уголовной ответственности возможно лишь при наличии предусмотренных в уголовном законе оснований (ст. 8 УК РФ), таких как совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного конкретной статьей УК РФ. По своему содержанию привлечение к уголовной ответственности охватывает широкий круг действий по раскрытию, расследованию и осуждению лица, совершившего преступления⁷⁸. Поэтому укрывательство преступлений как общественно опасное деяние представляет собой

⁷⁷ Зарубин А. В. Уголовная ответственность за заранее не обещанное укрывательство преступлений. С. 40.

⁷⁸ Там же. С. 40.

круг определенных действий по противодействию раскрытию, расследованию и осуждению другого лица, совершившего преступление.

По своей *внешней форме* укрывательство преступления против собственности, независимо от вида преступления, может быть выражено в следующих типичных действиях: предоставление преступнику специального убежища, устройство его на нелегальное проживание у родственников или близких людей, переодевание, изменение внешнего вида, предоставление маскировочных средств, затрудняющих опознание преступника, снабжение подложными документами, транспортировкой в безопасное место и т. д.

С внешней стороны — *как деяние* — укрывательство преступления против собственности характеризуется активным характером поведения виновного.

По форме укрывательство преступления против собственности с объективной стороны проявляется в укрывательстве:

- 1) преступника, совершившего особо тяжкое преступление против собственности;
- 2) орудий и средств совершения особо тяжкого преступления против собственности;
- 3) следов совершенного особо тяжкого преступления против собственности;
- 4) предметов, добытых в результате совершенного особо тяжкого преступления против собственности⁷⁹.

В рамках данных форм укрывательства преступные действия могут быть чрезвычайно разнообразны, что актуализирует необходимость их классификации в зависимости от способов их совершения.

Поскольку укрывательство возможно только в отношении уже совершенного и оконченного преступления другого лица (иначе это будет квалифицироваться как соучастие в преступлении), это могут быть не любые, а только определенные действия виновного: сокрытие самого факта совершения преступления другим лицом, сокрытие этого преступника, сокрытие используемых другим преступником орудий и средств совершения преступления, предметов, добытых преступным путем, а также следов совершения другим лицом преступления. Большое значение при этом имеет определение момента окончания преступления против собственности⁸⁰.

⁷⁹ *Хакимов И. Х.* Ответственность за прикосновенность к хищению социалистического имущества : монография. Ташкент, 1982. С. 46.

⁸⁰ *Ермакова О. В.* Момент окончания преступлений против собственности: закон, теория, практика : монография. М., 2013. 208 с.

Как справедливо отмечает И. Х. Хакимов, объективная сторона укрывательства, как и любой другой формы прикосновенности, характеризуется чрезвычайно сложной специфической природой, которая заключается в том, что она, в отличие от всех других форм преступной деятельности, *возникает исключительно в результате и в связи с преступлением, совершенным другим лицом*⁸¹. Г. И. Баймурзин еще более точно характеризует специфику прикосновенности, отмечая, что та или иная деятельность субъекта образует прикосновенность и, следовательно, приобретает общественную опасность лишь постольку, поскольку она объективно связана с преступлением, совершенным другим лицом, и непосредственно вытекает из него, в то время как при всех других формах преступной деятельности такой зависимости не существует⁸².

Данная особенность присуща и укрывательству преступления против собственности. Она свидетельствует, что отсутствие самого преступления против собственности, выполненного другим лицом, исключает и укрывательство данного преступления. Однако это не значит, что причинная обусловленность основным преступлением против собственности и ее возникновение только при условии преступной деятельности других лиц, является первым признаком объективной стороны прикосновенности к преступлениям против собственности, как это отмечает И. Х. Хакимов⁸³. Несмотря на всю важность данного обстоятельства, первым признаком прикосновенности к преступлениям против собственности выступает собственно само деяние прикосновенного лица. Деятельность других лиц по совершению конкретного преступления против собственности — это либо условие, либо дополнительное обстоятельство, поэтому она может быть только вторым признаком укрывательства преступлений против собственности.

По мнению Г. И. Баймуриной, одним из признаков прикосновенности к имущественным преступлениям выступают ее общественно опасные последствия⁸⁴. К сожалению, с данной точкой зрения нельзя полностью согласиться, поскольку укрывательство преступления против собственности по своей конструкции не является материальным составом преступления и не может иметь законодательно предусмотренных и влияющих на квалификацию преступления общественно опасных последствий. В данном случае необходимо вести речь не об общественно опасных по-

⁸¹ Хакимов И. Х. Указ. соч. С. 48.

⁸² Баймурзин Г. И. Указ. соч. С. 80.

⁸³ Хакимов И. Х. Указ. соч. С. 51.

⁸⁴ Баймурзин Г. И. Указ. соч. С. 97–99.

следствиях как таковых, а о содержании общественной опасности самого укрывательства преступления против собственности, о том социальном вреде, который составляет сущность общественной опасности подобных действий.

Устанавливая уголовную ответственность за укрывательство преступлений против собственности, необходимо исходить прежде всего из той реальной опасности всего социального вреда, который создан деятельностью прикосновенных лиц. Общественно опасный вред здесь выступает свойством не только действия прикосновенного лица, но и преступника, совершившего преступление против собственности. Лишь вместе они фактически обуславливают сложный объективный процесс причинения вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям. Состояние защищенности отношений собственности предполагает соответствующую реакцию государства на факт совершения преступления против собственности и воздействие государства на лицо, его совершившее, в целях предупреждения дальнейшего совершения преступлений против собственности. Создание препятствий для данной деятельности государства, наряду с посягательством на общие интересы осуществления правосудия, препятствует предупреждению преступлений против собственности.

Основываясь на том, что прикосновенность к преступлениям против собственности выступает в качестве содействия преступнику в его стремлении скрыть следы содеянного и тем самым уклониться от ответственности, некоторые авторы одним из необходимых признаков объективной стороны действий прикосновенного лица предлагают считать причинную связь между действиями прикосновенного лица и действиями самого преступника по укрытию имущественного преступления и реализации его плодов. По мнению В. Г. Смирнова, отсутствие такой связи должно исключать ответственность за прикосновенность к преступлению⁸⁵. Учитывая, что в уголовном праве причинная связь имеет особое содержание и устанавливается как причинно-следственная связь между деянием и наступившими последствиями, что в чистом виде действия самого преступника по укрытию имущественного преступления и реализации его плодов нельзя рассматривать как последствия преступления, действия прикосновенного лица также не могут быть охарактеризованы как находящиеся с ним в причинной связи.

Укрывательство преступления против собственности может быть выполнено путем совершения физического воздействия, а также в форме

⁸⁵ Смирнов В. Г. Указ. соч. С. 42.

интеллектуального содействия, направленного на сокрытие преступления⁸⁶. При укрывательстве преступления против собственности любым способом помощь, оказываемая исполнителю, должна быть существенной, реально затрудняющей установление или поимку преступника либо раскрытие преступления. Поэтому не влекут уголовной ответственности действия, которые хотя и содержат признаки укрывательства, но по причине своей малозначительности не могут рассматриваться как существенное содействие преступнику⁸⁷. Общественно опасный вред в данном случае выражается в невозможности привлечения виновных лиц к уголовной ответственности за совершение преступления против собственности. А наличие причинной связи между укрывательством и укрываемым преступлением против собственности создает предпосылки для продолжения данной преступной деятельности.

Как отмечает М. Х. Хабибуллин, укрывательство преступления относится к так называемым формальным составам преступления⁸⁸. Вместе с тем момент окончания укрывательства преступлений против собственности зависит от того, какое преступление против собственности укрывается. По своей конструкции оно может быть простым, длящимся, или продолжаемым. Если другим преступником совершено простое по своей конструкции хищение чужой собственности, то укрывательство данного хищения будет окончено в момент совершения самого деяния.

Некоторые авторы обращают внимание на то, что укрывательство преступления соотносится с тем, известно ли правоохранительным органам о совершении основного преступления или нет. Так, А. В. Зарубин считает, что поскольку при укрывательстве виновный имеет цель скрыть сам факт совершения, подобное укрывательство возможно только до возбуждения уголовного дела⁸⁹. Значит, к обязательным признакам объективной стороны укрывательства преступления следует относить *время совершения укрывательства*.

Таким образом, укрывательство преступления против собственности всегда предполагает совершение виновным активных действий и счи-

⁸⁶ Серёжкина К. Н. Указ. соч. С. 90.

⁸⁷ Горелик А. С., Лобанова Л. В. Преступления против правосудия. СПб., 2005. С. 205.

⁸⁸ Хабибуллин М. Х. Ответственность за укрывательство преступлений и недонесительство по советскому уголовному праву: монография. Казань, 1984. С. 49.

⁸⁹ Зарубин А. В. Уголовная ответственность за заранее не обещанное укрывательство преступлений. С. 44.

тается оконченным в момент окончания совершения действий, направленных на сокрытие преступника, орудий и средств, а также предметов, добытых в результате совершения преступления против собственности и его следов.

§ 2. Субъективные признаки прикосновенности к преступлениям против собственности

Субъективная сторона преступления представляет собой отражение в сознании субъекта объективных признаков совершенного общественно опасного деяния и характеризует его отношение к ним. Установление субъективной стороны преступления имеет большое значение, поскольку выяснение содержания субъективных свойств преступления «позволяет с высокой степенью точности квалифицировать совершенное деяние»⁹⁰.

Выяснение содержания субъективной стороны преступлений, образующих прикосновенность к преступлениям против собственности, дает возможность до конца раскрыть все признаки, присущие совершенным виновно легализации (отмыванию) денежных средств или другого имущества, приобретенного другими лицами путем совершения преступлений против собственности, укрывательству преступления против собственности, приобретению и сбыту имущества, заведомо добытого путем совершения преступлений против собственности, и правильно их квалифицировать.

Субъективная сторона преступления характеризует то, что порождает, направляет и контролирует действия виновного, раскрывает, насколько он может и должен нести уголовную ответственность за действия и последствия, которые охватывают его осознание и предвидение. Эти качества субъективной стороны, тонко передающие психологические особенности преступления, позволяют четко отграничивать его от сходных составов преступлений.

Чтобы исследовать субъективные признаки прикосновенности к преступлениям против собственности, обратимся к рассмотрению содержания объективной стороны выделенных нами видов преступлений, образующих прикосновенность к преступлениям против собственности, а именно: легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем (ст. 174 УК РФ); приобретения или сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем (ст. 175 УК РФ); заранее не обещанного укрывательства особо тяжких преступлений (ч. 2 ст. 316 УК РФ).

⁹⁰ Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 1972. С. 171.

Субъективная сторона **легализации (отмывания) денежных средств** или иного имущества, приобретенных преступным путем, и основанная на ней квалификация представляют определенную сложность, что объясняется многообразием способов совершения финансовых операций, а также недостаточной теоретической и практической разработанностью используемых терминов.

По мнению Н. С. Косяковой, субъективная сторона данного преступления характеризуется виной в форме прямого умысла. Лицо сознает, что совершает действия, направленные на легализацию денежных средств или иного имущества, приобретенных незаконным путем, и желает совершить эти действия⁹¹.

Н. С. Косякова также обращает внимание на важный для практики аспект, связанный с характеристикой заведомости знания о преступном характере приобретения денежных средств или имущества. По ее мнению, поскольку в большинстве случаев лица, занимающиеся легализацией, не обладают конкретными знаниями о преступном приобретении денежных средств или имущества из-за предпринимаемых преступниками мер конспирации, необходимо заменить слова «заведомо» на слова «если лицо знало или имело основания полагать, что легализуемые средства добыты преступным путем»⁹². Иную позицию высказывает В. В. Лавров, не предлагая заменить заведомость, он предлагает понимать ее иначе, с позиции осознания общественной опасности данных действий: «Формула интеллектуального момента прямого умысла при легализации незаконных приобретений может быть определена как такое состояние сознания виновного, когда он знал или, по крайней мере, допускал с высокой степенью вероятности, что преобразуемые им материальные ценности приобретены притивоправным способом, и не мог этого не допускать. Этим определяется осознание виновным общественной опасности своих действий»⁹³.

По мнению А. М. Зацепина, если умысел продолжает реализовываться после совершения оконченного преступления (кроме ст. 174¹ УК РФ), деяние подлежит квалификации по результатам последних действий⁹⁴.

Н. С. Косякова также предлагает предусмотреть в данном преступлении неосторожную форму вины, поскольку доказать умышленную фор-

⁹¹ Косякова Н. С. Указ. соч. С. 149.

⁹² Там же. С. 150.

⁹³ Лавров В. В. Указ. соч. С. 18.

⁹⁴ Зацепин А. М. Дополнительная квалификация преступлений : монография. М., 2014. С. 97.

му вины в действиях данных лиц затруднительно, на фоне того, что эти деяния достаточно общественно опасны, значительно осложняют осуществление правосудия (невозможность получения доказательств, возврата похищенного владельцам, обеспечения конфискации имущества, возмещения ущерба). Данное предложение основано на международном опыте. Так, Директива Совета Европы от 10 июня 1991 г. оставила на усмотрение государств-участников возможность установления уголовной ответственности за легализацию даже при наличии неосторожной формы вины⁹⁵.

Исходя из конструкции состава преступления, легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, является умышленным преступлением. Субъективная сторона данного преступления характеризуется виной в форме только прямого умысла. Субъект преступления осознает, что совершает финансовую операцию или другую сделку с имуществом, знает о том, что денежные средства или иное имущество приобретены преступным путем и желает совершить финансовую операцию с данным имуществом.

Интеллектуальный момент умысла по ст. 174 УК РФ характеризуется так называемой заведомостью. Как разъяснил Пленум Верховного Суда Российской Федерации в п. 4 постановления от 7 июля 2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем», при решении вопроса о наличии в действиях лица признаков состава преступления, предусмотренного ст. 174 УК РФ, судам следует выяснять, имеются ли в деле доказательства, свидетельствующие о том, что лицу, совершившему финансовые операции и другие сделки, было достоверно известно, что денежные средства или иное имущество приобретены другими лицами преступным путем. Таким образом, одного лишь предположения о том, что денежные средства или иное имущество были приобретены преступным путем, еще недостаточно для привлечения к уголовной ответственности за легализацию.

Обязательным признаком субъективной стороны преступления, предусмотренного ст. 174 УК РФ, выступает специальная цель — придание правомерного вида владению, пользованию и распоряжению денежными средствами или иным имуществом. В соответствии с Конвенцией

⁹⁵ О предотвращении использования финансовой системы в целях легализации доходов, полученных преступным путем: директива Совета Европы от 10 июня 1991 г. № 91/308/EEC. URL: <http://www.worldbiz.ru/base/173.php> (дата обращения: 20.08.2023).

Совета Европы от 8 ноября 1990 г. юридическое содержание цели легализации определяется как желание скрыть преступное происхождение имущества или помочь лицу, совершившему основное преступление, избежать правовых последствий своего деяния⁹⁶. Совершение финансовых операций или других сделок с имуществом без указанной цели не образует состава рассматриваемого преступления.

В указанном постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2015 г. № 32 дается следующее разъяснение по рассматриваемому вопросу: «Цель придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению денежными средствами или иным имуществом, приобретенными преступным путем (в результате совершения преступления), как обязательный признак составов преступлений, предусмотренных ст. ст. 174 и 174¹ УК РФ, может быть установлена на основании фактических обстоятельств дела, указывающих на характер совершенных финансовых операций или сделок, а также иных сопряженных с ними действий виновного лица и его соучастников, направленных на сокрытие факта преступного приобретения имущества и обеспечение возможности его свободного оборота». При этом в постановлении дают подробный перечень примеров конкретных действий виновных, когда такая цель может присутствовать. К сожалению, в дальнейшем в этом постановлении указано, что «совершение указанных финансовых операций или сделок само по себе не может предрешать выводы суда о виновности лица в легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем (в результате совершения преступления). В каждом конкретном случае необходимо установить, что лицо заведомо совершило финансовую операцию или сделку с целью придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению указанными денежными средствами или иным имуществом». Таким образом, снижена ценность всего большого перечня примеров, указанных в постановлении. С учетом вышеизложенного можно сказать, что в разъяснениях только подчеркивают значимость цели и фактически не дают четкого ее понимания. Продемонстрирована юридическая природа легализации, которая состоит в сокрытии истинного источника происхождения имущества, а ее целью всегда является придание правомерного вида владению, пользованию, распоряжению преступно нажитым имуществом. При отсутствии указанной цели нет и состава легализации. В этом

⁹⁶ Конвенция об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности ETS № 141 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 3, ст. 203.

случае действия лица, приобретающего или сбывающего преступно добытое имущество, могут быть квалифицированы по ст. 175 УК РФ либо ст. 316 УК РФ (при наличии в деянии признаков соответствующих составов преступлений)⁹⁷.

Как справедливо отмечает И. Н. Спирин, «фактически состав легализации денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, лишенный признака специальной цели, можно безболезненно переименовать в приобретение или сбыт имущества, добытого лицом в результате совершения им преступления, и отличие от состава преступления, предусмотренного ст. 175 УК РФ, будет происходить только по субъекту»⁹⁸.

Субъект данного преступления общий — это физическое лицо, вменяемое, достигшее возраста 16 лет. Актуален вопрос о том, будет ли субъектом данного преступления лицо, которое незаконно приобрело легализуемое имущество. Поскольку указанная в статье сделка является двухсторонним действием, она предполагает две стороны субъектов. Одной стороной она не может быть совершена. Поэтому, если две стороны понимают незаконный характер совершаемых действий по легализации имущества, закономерно встает вопрос об уголовной ответственности за легализацию второй стороны, которая приобретает незаконное имущество. Так, ряд авторов считает, что субъектами данного преступления выступают все лица, участвующие в финансовой операции или в сделке с имуществом, приобретенным заведомо незаконным путем: как те, кто непосредственно приобрел незаконным путем данное имущество, а затем принимает меры по его легализации, так и иные лица⁹⁹. По мнению Н. С. Косяковой, исполнителями преступления, предусмотренного ст. 174 УК РФ, могут быть только стороны по сделке: «Лица, совершающие определенные действия для придания сделке установленной законом формы (регистраторы, нотариусы), осознающие незаконность содержания сделки, должны нести ответственность как пособники в легализации незаконных доходов»¹⁰⁰.

⁹⁷ Серёжкина К. Н. Указ. соч. С. 133.

⁹⁸ Спирин И. Н. Судебная практика по делам о легализации денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем // Противодействие преступности: уголовно-правовые, криминологические и уголовно-исполнительные аспекты : мат-лы III Рос. Конгресса уголовного права (Москва, 29–30 мая 2008 г.). М., 2008. С. 296–297.

⁹⁹ Волженкин Б. В. Комментарий к УК РФ / под ред. В. И. Радченко. М., 1996. С. 284.

¹⁰⁰ Косякова Н. С. Указ. соч. С. 149.

Иную позицию занимают другие авторы, например А. Э. Жалинский, который считает, что «лицо, приобретшее денежные средства или иное имущество заведомо незаконным путем, отвечает за деяние, состоящее в таком приобретении»¹⁰¹. Как отмечает А. П. Козлов, «по сути, сбыт имущества, приобретенного преступным путем, осуществленный другим лицом, как правило, ведет к легализации, хотя приобретатель сбываемого имущества не знает о преступной природе данного имущества и является добросовестным приобретателем. Сбытчик имущества, как правило, не станет афишировать преступный способ его получения. Именно поэтому сбыт имущества вполне можно признать идентичным легализации»¹⁰².

По субъекту легализации следует проводить отличие между преступлениями, предусмотренными ст. ст. 174 и 174¹ УК РФ. Так, по ст. 174 УК РФ уголовную ответственность несет любое лицо, достигшее 16 лет, за исключением лиц, которые сами приобрели денежные средства или иное имущество преступным путем. По мнению Н. Л. Лопашенко, это может быть лицо, действующее от имени или по поручению владельца преступно нажитого имущества; любое другое лицо, осознающее, что совершает финансовую операцию или сделку, направленную на легализацию (отмывание) денег или имущества, полученных заведомо преступным путем¹⁰³. Субъектом преступления, предусмотренного ст. 174¹ УК РФ, может быть только лицо, которое само приобрело денежные средства или имущество преступным путем.

Учитывая специфический характер данного преступления и возможность осознания в полном объеме его общественной опасности лишь с определенного уровня социализации личности, некоторые авторы предлагают поднять возраст уголовной ответственности за легализацию незаконных доходов до 18 лет¹⁰⁴. Однако с этим сложно согласиться, поскольку даже в гражданском праве и применительно для предпринимательской деятельности присутствует понятие эмансипации субъектов гражданского права, предполагающей, наоборот, снижение возраста субъектов.

¹⁰¹ *Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Особенная часть* / под ред. Ю. И. Скуратова, В. М. Лебедева. С. 177.

¹⁰² Козлов А. П. Проблемы социальной обусловленности криминализации деяний, предусмотренных ст. ст. 174 и 174¹ УК РФ // Уголовное право в эпоху финансово-экономических перемен : мат-лы IX Рос. конгресса уголовного права, состоявшегося 29–30 мая 2014 г. / отв. ред. В. С. Комиссаров. М., 2014. С. 177–178.

¹⁰³ Лопашенко Н. А. Ответственность за легализацию преступных доходов // Законность. 2002. № 1. С. 22.

¹⁰⁴ Косякова Н. С. Указ. соч. С. 149.

Таким образом, необходимо отметить, что:

1) субъективная сторона данного преступления характеризуется виной в форме только прямого умысла. Интеллектуальный момент умысла по ст. 174 УК РФ характеризуется так называемой заведомостью (лицу, совершившему финансовые операции и другие сделки, должно быть достоверно известно, что денежные средства или иное имущество приобретены другими лицами преступным путем);

2) обязательным признаком субъективной стороны преступления, предусмотренного ст. 174 УК РФ, выступает специальная цель — придание правомерного вида владению, пользованию и распоряжению денежными средствами или иным имуществом;

3) субъект данного преступления общий — это физическое лицо, вменяемое, достигшее возраста 16 лет.

По мнению Л. И. Серебренниковой, в научной юридической литературе сложилось мнение, что приобретение или сбыт (ст. 175 УК РФ) не требует обязательной осведомленности лица о том, в результате какого преступления добыто имущество. В то же время субъект преступления должен быть уверен, что имущество добыто в результате совершения преступного деяния. Однако каждое преступление характеризуется конкретными признаками, не зная которых, нельзя быть уверенным, что имущество добыто преступным путем. Поэтому закономерным представляется мнение, что субъект должен осознавать характер преступления, в результате которого добывается имущество.

В результате рассмотрения имеющихся в литературе точек зрения о влиянии на размер ответственности знания субъектом преступления характера первоначального преступного деяния автор приходит к выводу, что ответственность за приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем, должна устанавливаться соразмерно осознанию преступником тяжести первичного преступления¹⁰⁵.

Автор считает, что ответственность по ст. 175 УК РФ допускается только за вину в форме прямого умысла, что вызывает значительные трудности в правоприменительной практике при доказывании умысла на приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем. В связи с этим представляется обоснованным высказанное в юридической литературе предложение о возможности привлечения к ответственности по ст. 175 УК РФ и в тех случаях, когда субъект преступления знал или имел основания полагать, что имущество добыто преступным путем.

¹⁰⁵ *Серебренникова Л. И. Указ. соч. С. 16.*

Ряд авторов полагают, что субъектом преступления может быть лицо, приобретающее имущество не только непосредственно у добытчика, но и у предыдущего приобретателя, поскольку ст. 175 УК РФ в качестве условия ответственности определяет факт добычи имущества преступным путем, а не личность сбытчика¹⁰⁶.

В научной литературе неоднозначно решается вопрос об ответственности приобретателя имущества, если лицо, добывшее это имущество, не подлежит уголовной ответственности или наказанию. Например, Л. И. Серебренникова считает, что ответственность за приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем, наступает и в том случае, когда лицо, добывшее это имущество, не подлежит наказанию либо вообще не подлежит уголовной ответственности, а также освобождается от уголовной ответственности или наказания (например, по амнистии). По ее мнению, это позволит привлекать к ответственности приобретателя или сбытчика и в том случае, если деяния добытчика не содержат всех признаков состава преступления, например, в связи с недостижением возраста уголовной ответственности¹⁰⁷.

В качестве совершенствования субъективных признаков данного состава преступления следует поддержать мнение Л. И. Серебренниковой о том, что «логически правильно расположить слово „заведомо“ в диспозиции ч. 1 ст. 175 УК РФ не перед словом „добытого“, а непосредственно перед словом „преступным“»¹⁰⁸.

Следует отметить, что в судебной практике всегда были сложности в квалификации приобретения и сбыта имущества, добытого преступным путем, в связи с тем, что данные действия часто ошибочно квалифицировались как пособничество. Так, Малоархангельским районным народным судом Орловской области Юшин был осужден наряду с другими преступлениями по ст. 17, пп. «а», «б» ч. 2 ст. 146 УК РСФСР (ч. 5 ст. 33, ч. 2 ст. 162 УК РФ) за пособничество в разбойном нападении. Президиум Орловского областного суда по протесту заместителя Председателя Верховного Суда РФ переквалифицировал действия Юшина со ст. 17, пп. «а», «б» ч. 2 ст. 146 УК РСФСР (ч. 5 ст. 33, ч. 2 ст. 162 УК РФ) на ч. 1 ст. 208 УК РСФСР (ч. 1 ст. 175 УК РФ)¹⁰⁹.

Л. И. Серебренникова отмечает: «Основное отличие исследуемого состава преступления (ст. 175) и легализации денежных средств или

¹⁰⁶ Там же. С. 18.

¹⁰⁷ Там же. С. 10.

¹⁰⁸ Там же. С. 10.

¹⁰⁹ Судебная практика по уголовным делам / сост. Г. А. Есаков. М., 2005. С. 244–245.

иного имущества, приобретенного другими лицами преступным путем, заключается в том, что преступления, предусмотренные ст. 175 УК РФ, совершаются, как правило, с целью получения наживы в виде приобретения заведомо добытого преступным путем имущества либо его эквивалента, полученного в результате сбыта этого имущества. А преступления, предусмотренные ст. 174 УК РФ, совершаются исключительно в целях придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению денежными средствами или иным имуществом, заведомо приобретенными другими лицами преступным путем.

Кроме того, следует отметить, что при приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем, специфика субъективной стороны заключается в том, что умысел на приобретение (сбыт) имущества возникает после совершения основного преступления. Особенностью субъективной стороны приобретения или сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем, является также то, что умысел приобретателя или сбытчика направлен на получение в свое постоянное пользование или на передачу имущества в постоянное владение другому лицу¹¹⁰.

Таким образом, необходимо подчеркнуть следующее:

1) преступления, предусмотренные ст. 175 УК РФ, совершаются, как правило, в целях получения наживы в виде приобретения заведомо добытого преступным путем имущества либо его эквивалента, полученного в результате сбыта этого имущества;

2) субъект должен осознавать характер преступления, в результате которого добывается имущество; умысел на приобретение или сбыт формируется у него после совершения основного преступления;

3) главные особенности приобретения или сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем, проявляются в субъективной стороне рассматриваемых составов, умысел приобретателя или сбытчика направлен на получение в свое постоянное пользование или на передачу имущества в постоянное владение другому лицу.

Еще одним преступлением, образующим прикосновенность к преступлениям против собственности, выступает укрывательство преступлений против собственности, субъективные признаки которого указаны в ч. 2 ст. 316 УК РФ.

С субъективной стороны укрывательство характеризуется умышленной формой вины. Неосторожная прикосновенность уголовно наказуема. С учетом формальной конструкции данного состава преступления

¹¹⁰ Серебренникова Л. И. Указ. соч. С. 21–22.

содержание умысла предполагает осознание виновным общественной опасности только самого деяния. При этом умысел укрывателя является прямым: виновный осознает, что своими действиями способствует сокрытию преступления или преступника от правосудия и желает оказать ему это содействие¹¹¹. В то же время содержание субъективной стороны укрывательства несколько шире, чем при иных формах преступной деятельности¹¹². Содержание умысла укрывателя включает, во-первых, осознание общественно опасного характера совершенного другим лицом преступления, во-вторых, осознание того, что своими действиями он способствует сокрытию преступника (а равно средств или орудий совершения преступления, следов преступления либо предметов, добытых преступным путем), в-третьих, желание оказать такое содействие.

Поскольку укрывательство преступлений против собственности — всегда умышленная деятельность, то лицо может нести уголовную ответственность только за действия по сокрытию предметов, добытых путем совершения особо тяжких преступлений против собственности, следов данных преступлений, орудий и средств их совершения, а также преступника, которые охватывались его умыслом. При этом объективные признаки преступления могут быть взяты за основу обвинения в прикосновенности в том случае, если они выступали как выражение воли и проявление психических процессов в сознании виновного.

В юридической литературе отмечено, что для привлечения к уголовной ответственности за укрывательство преступления достаточно общей осведомленности о деянии другого лица¹¹³. Однако, по нашему мнению, лицо, укрывающее преступление против собственности, должно точно знать не только общественную опасность своих действий, но и основные признаки конкретного особо тяжкого преступления против собственности, включая орудия и средства его осуществления, предметы, добытые путем его совершения, а также следы преступления, оставленные тем лицом, которое он укрывает.

¹¹¹ Чучаев А. И. Преступления против правосудия : научно-практический комментарий. Ульяновск, 1997. С. 76.

¹¹² Баймурзин Г. И. Ответственность за прикосновенность к преступлениям : монография. Алма-Ата, 1968. С. 73.

¹¹³ См., напр.: Разгильдиев Б. Т. Уголовно-правовые проблемы прикосновенности к преступлению. Саратов, 1981. С. 34 ; Метельский П. С. Уголовная ответственность за укрывательство преступлений (ст. 316 УК РФ) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «Право». 2011. Т. 7, вып. 1. С. 146 ; Триполева А. И. Пособничество в преступлении и укрывательство преступления: проблемы разграничения // Молодой ученый. 2019. № 11. С. 110.

Особенностью субъективной стороны укрывательства преступления против собственности является сознание лицом фактических элементов чужого преступления — хищения или иного преступления против собственности и того, что оно препятствует его пресечению, раскрытию и привлечению к уголовной ответственности. При этом объем сведений, которые охватывались бы предвидением виновного, определяются в зависимости от конкретного вида преступления против собственности. Например, при укрывательстве грабежа, совершенного в особо крупном размере, укрыватель должен знать признаки хищения, которые характеризуют способ осуществления преступной деятельности и размеры похищенного имущества. Расширение объема сведений при укрывательстве данного преступления против собственности связано с требованиями действующего уголовного законодательства, которое предусматривает ответственность за укрывательство только особо тяжких преступлений.

При этом не требуется обязательного знания укрываемым лицом всех признаков совершенного преступления против собственности, в частности, информации о месте и времени совершения, обо всех участниках преступления. Сведения должны соответствовать объективной действительности, и при этом у виновного не должно быть сомнений в их истинности.

Если в материалах дела усматривается, что у лица не было твердой убежденности в конкретных признаках хищения, оно располагало отрывочными сведениями, на основании которых могло лишь предполагать возможность преступления, то это обстоятельство свидетельствует об отсутствии субъективных признаков рассматриваемого преступления. В этом случае нельзя говорить о его умысле на воспрепятствование осуществлению правосудия по преступлениям данной категории.

Кроме того, данные, которыми располагает субъект, должны быть отражением реально совершенных хищений. Если же на самом деле было совершено хищение, за укрытие которого не предусмотрена уголовная ответственность (мелкое хищение), такая ошибка субъекта свидетельствует об отсутствии состава укрывательства преступления против собственности.

Важными критериями признания совершенных действий прикосновенными к хищению служат наличие внешней связи поведения виновного с конкретно совершенным преступлением, его полная осведомленность об основных признаках и обстоятельствах состава совершенного преступления и сознание того, что он своими действиями препятствует пресечению именно этого преступления и изобличению лиц, его совершивших.

Субъективные признаки заранее не обещанного укрывательства предполагают: чтобы признать лицо виновным в этом преступлении, необходимо установить, что оно, способствуя сокрытию преступника, орудий и средств совершения преступления против собственности, его следов либо предметов, добытых преступным путем, сознавало фактические признаки совершенного третьими лицами преступления, характерные для конкретного состава преступления против собственности, указанного в законе. Если преступление против собственности совершено при отягчающих обстоятельствах, очерченных в конкретной норме УК РФ, то для признания лица виновным за укрывательство этого преступления необходимо, чтобы оно не только имело представление о способе изъятия имущества, но вместе с тем было осведомлено и об отягчающих обстоятельствах совершения хищения. В связи с этим мы разделяем мнение И. А. Бушуева, утверждающего, что если «укрыватель хищения полагал, что в действиях лица были отягчающие обстоятельства, хотя в действительности их не было, то он не несет ответственности за укрывательство квалифицированного хищения»¹¹⁴.

Представление виновного должно охватить указанные признаки совершенного преступления против собственности (речь идет о признаках, при которых наступают особо тяжкие последствия), только при этом условии возникает вопрос об ответственности лица по соответствующим частям статей преступлений против собственности.

Мы разделяем точку зрения некоторых ученых о том, что характер и объем предвидения укрывателя в отношении укрываемого хищения принципиально ничем не отличаются от характера и объема умысла посябника хищения¹¹⁵.

Для признания ответственности за укрывательство совершенного преступления против собственности необходимо, чтобы, во-первых, третьими лицами действительно было совершено преступление против собственности, во-вторых, укрыватель имел достоверные сведения об обстоятельствах совершенного преступления против собственности, в-третьих, он располагал данными, соответствующими характеру и основным признакам совершенного преступления против собственности.

Установление характерных признаков укрываемого хищения и субъективных свойств укрывательства имеет большое значение при определении ответственности виновного за этот вид прикосновенности

¹¹⁴ Бушуев И. А. Ответственность за укрывательство преступлений и недоносительство. М., 1965. С. 77–78.

¹¹⁵ Ковалёв М. И. Указ. соч. С. 10 ; Смирнов В. Г. Указ. соч. С. 32.

(например, он полагал, что предметы, которые он скрывал, были добыты в результате кражи без отягчающих обстоятельств, поэтому был освобожден от уголовной ответственности за укрывательство разбойного нападения).

Однако из анализа расследованных и рассмотренных судами дел видно, что часто судебно-следственные органы не уделяют должного внимания выяснению субъективных свойств совершенного укрывательства и отграничению уголовно наказуемого укрывательства от других аналогичных действий, не содержащих признаков этого преступления. Поэтому в отдельных случаях имеет место привлечение и осуждение лиц за заранее не обещанное укрывательство без достаточного выяснения совершенных действий, т. е. субъективных признаков преступления¹¹⁶.

Поскольку ч. 2 ст. 316 УК РФ устанавливает ответственность за укрывательство особо тяжких преступлений, неизбежно возникает вопрос о том, обязательно ли виновный должен осознавать степень тяжести укрываемого деяния и подлежит ли учету его ошибка в этом отношении. Как известно, лицо может нести ответственность лишь за то преступное деяние, которое охватывалось его умыслом. Укрыватель будет нести ответственность за укрывательство только того преступления, характер которого он осознавал¹¹⁷. Так, если лицо было убеждено, что скрывает у себя в квартире человека, совершившего кражу с незаконным проникновением в жилище (п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ), тогда как на самом деле оно скрывает человека, совершившего разбой с незаконным проникновением в жилище (ч. 3 ст. 162 УК РФ), то такое лицо не может быть привлечено к уголовной ответственности, поскольку заранее не обещанное укрывательство преступника, совершившего кражу с незаконным проникновением в жилище, не является уголовно наказуемым деянием, поскольку это не особо тяжкое преступление. Однако если лицо было уверено, что способствует сокрытию более тяжкого преступления, чем то, которое было совершено на самом деле (например, что скрывается разбой, сопряженный с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего (п. «в» ч. 4

¹¹⁶ Заранее не обещанное укрывательство преступления ошибочно квалифицировано как соучастие в преступлении // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1995. № 10. С. 4; *Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 23 ноября 2016 г. № 117-П16пр.* URL: <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-prezidiuma-verkhovnogo-suda-rf-ot-23112016-n-117-p16pr/> (дата обращения: 04.06.2023).

¹¹⁷ *Серёжкина К. Н. Прикосновенность к преступлению в уголовном праве России: оптимизация норм и практики их применения* : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2009. С. 16.

ст. 162 УК РФ), а на самом деле имел место простой грабеж (ч. 1 ст. 161 УК РФ)), то ответственность должна наступать за покушение на совершение укрывательства особо тяжкого преступления против собственности (ст. 30 и п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ).

Иначе следует решать вопрос, если фактические обстоятельства совершенного исполнителем или другим соучастником особо тяжкого преступления укрывателю были известны, но он допустил ошибку в юридической оценке деяния и полагал, что за сокрытие этого преступления уголовная ответственность не предусмотрена. В этом случае будет иметь место юридическая ошибка, которая, по общему правилу, не влияет на квалификацию, и лицо будет привлечено к ответственности по ч. 2 ст. 316 УК РФ.

В связи с этим полагаем, что привлечение к уголовной ответственности за укрывательство возможно, если установлено, что виновный осознавал уголовно-противоправный характер укрываемого деяния, и при этом не требуется устанавливать факт осознания им степени опасности первичного преступления. Как справедливо отмечает Л. В. Лобанова, категоризация преступлений (ст. 15 УК РФ) связывается не с их объективными признаками, а с такими показателями, как форма вины и максимальное наказание. Поэтому гражданину, не обладающему специальными юридическими познаниями, не под силу оценить степень общественной опасности укрываемого деяния¹¹⁸.

Факультативными признаками субъективной стороны состава преступления являются мотив, цель и эмоции. Согласно действующему законодательству, мотив, цель и эмоции, которыми руководствовался укрыватель, не являются конструктивными признаками рассматриваемого состава преступления, однако могут быть учтены при назначении наказания. Материалы судебной практики показывают, что мотивами укрывательства преступлений против собственности выступают корысть, личная заинтересованность, приятельские отношения, сострадание, жалость, боязнь за судьбу близкого человека, друга, боязнь расправы и т. д.

Субъектом прикосновенной деятельности к преступлениям против собственности может быть любое вменяемое физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста. Нельзя быть субъектом укрывательства по отношению к своему собственному преступлению. Характерная особенность субъекта данного преступления заключается в том, что в данном случае

¹¹⁸ Лобанова Л. В. Актуальные проблемы уголовного права : в 3 т. Волгоград, 2012. Т. 1. 282 с.

виновный всегда укрывает чужое — основное преступление против собственности, и его ответственность зависима от наличия преступления против собственности и действий лица, его совершившего. Поэтому, если исполнитель или иной соучастник преступления против собственности укрывают следы совершенного ими преступления, они не несут ответственности за укрывательство. Однако если действия и способы, примененные преступником в целях сокрытия следов совершенного им преступления против собственности содержат признаки иного преступления, может быть поставлен вопрос о дополнительном привлечении его к уголовной ответственности по соответствующей статье УК РФ, например за лжесвидетельство.

В юридической литературе высказывались предложения понизить возраст уголовной ответственности за прикосновенность к преступлению, с учетом того, что основное преступление может быть совершено субъектом и четырнадцатилетнего возраста¹¹⁹. Однако для укрывательства как преступления, имеющего основным непосредственным объектом правосудие, это не актуально.

Говоря о субъекте прикосновенности в виде укрывательства, следует особо остановиться на ответственности родственников преступника, знающих о совершенном преступлении против собственности. Так, в примечании к ст. 316 УК РФ законодатель говорит о том, что «лицо не подлежит уголовной ответственности за заранее не обещанное укрывательство преступления, совершенного его супругом или близким родственником».

Проблема ответственности за сокрытие преступлений, совершенных близкими родственниками укрывателя, давно интересовала ученых. Долгое время российское уголовное право не исключало из круга субъектов укрывательства лиц, состоящих в родственных отношениях с исполнителем основного преступления.

В работах юристов царской России и советского периода ставился вопрос о необходимости учета факта родственных отношений при решении вопроса о привлечении укрывателей к уголовной ответственности. Так, И. С. Таганцев, комментируя ст. 128 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, которая освобождала от уголовной ответственности укрывателей и недоносителей, состоящих в близком родстве с виновниками основного преступления, писал: «Но при этом ст. 128 допускала

¹¹⁹ Якимов О. О недостатках законодательного регулирования противодействия легализации (отмыванию) преступных доходов // Уголовное право. 2003. № 1. С. 100–102.

одно исключение, не оправдываемое ни с теоретической, ни даже с фактической точки зрения: сила ее не распространялась на виновных в недонесении или укрывательстве по преступлениям государственным. Как ни важны были преступления, предусмотренные этими статьями, но едва ли нашелся бы суд, который не пощадил бы отца, виновного в том, что он укрыл своего преступного, но любимого сына, участвовавшего в мятеже, или жену, не донесшую на мужа, отца ее детей, кормильца семьи, участвовавшего хотя бы и в вооруженном восстании, едва ли бы нашелся суд, который решился бы применить к ним согласно ст. 242 смертную казнь или каторгу, наказания заслуживает укрывательство по другим, и именно себялюбивым побуждениям, в особенности так называемое укрывательство по ремеслу»¹²⁰.

В 1993 г. в ст. ст. 18 и 19 УК РСФСР 1960 г. были внесены изменения, в соответствии с которыми из круга лиц, подлежащих уголовной ответственности за недонесение и укрывательство, были исключены супруг и близкие родственники лица, совершившего преступление. В примечании к ст. 19 УК РСФСР 1960 г. близкими родственниками были названы родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и родные сестры, дед, бабушка и внуки.

Это правило нашло отражение в примечании к ст. 316 УК РФ: «Лицо не подлежит уголовной ответственности за заранее не обещанное укрывательство преступления, совершенного его супругом или близким родственником». При этом содержание категории «близкий родственник» раскрывается в п. 4 ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации путем перечисления лиц, которые признаются таковыми: супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и родные сестры, дедушка, бабушка, внуки.

Закрепление в УК РФ данной нормы, безусловно, следует расценивать как проявление гуманизма. Обычно близкие родственные отношения оказывают столь сильное влияние на поведение лица, что при столкновении личных и общественных интересов ситуация не всегда складывается в пользу последних. Исключение близких родственников из числа лиц, подлежащих ответственности за укрывательство, предотвращает коллизию моральных и правовых норм. Однако при всем своем положительном потенциале эта норма, по мнению ряда ученых, не лишена некоторых недостатков. Как отмечается в современной уголовно-правовой доктрине, примечание к ст. 316 УК РФ не в полной мере учитывает естественные

¹²⁰ Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть Общая : в 2 т. СПб., 1902. Т. 1. С. 43.

права лиц, не состоящих в родстве, но связанных близкими отношениями с участниками преступления. Так, К. Н. Серёжкина пишет: «Гуманнее и логичнее было бы исключить уголовную ответственность за укрывательство не только близких родственников, но и других лиц, для которых судьба укрываемого преступника безразлична в силу сложившихся личных отношений»¹²¹. Следует согласиться с мнением К. Н. Серёжкиной, однако, особо оговорив содержание этих личных отношений.

Положения об исключении уголовной ответственности за укрывательство лица, не являющегося родственником, но состоящего в близких отношениях с виновным, содержатся сегодня в законодательстве ряда зарубежных стран. Согласно Уголовному уложению ФРГ¹²² право отказа от дачи показаний имеют обреченный с обвиняемым, а также бывший супруг обвиняемого. В соответствии со ст. 454 УК Испании не влечет уголовной ответственности укрывательство при наличии родства, а также фактических брачных отношений между виновным и укрывателем¹²³.

В отечественной уголовно-правовой литературе есть предложения применять для обозначения соответствующего круга лиц категорию «близкие», которая используется в других разъяснениях Пленума ВС РФ. Согласно разъяснениям, содержащимся в п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)», к близким потерпевшему лицам, наряду с близкими родственниками, могут относиться иные лица, состоящие с ним в родстве, свойстве (родственники супруга), а также лица, жизнь, здоровье и благополучие которых заведомо для виновного дороги потерпевшему в силу сложившихся личных отношений¹²⁴.

Считаем, что использование указанной категории и приведенного судебного ее истолкования для целей ст. 316 УК РФ нецелесообразно, поскольку в данном случае речь идет не о потерпевшем, а об «основном» преступнике. Кроме того, использование понятия «близкие» в примечании к ст. 316 УК РФ представляется нецелесообразным и потому, что оно имеет оценочное содержание, затрудняющее установление данного обстоятельства дела. При обозначении соответствующего круга лиц в при-

¹²¹ Серёжкина К. Н. Прикосновенность к преступлению в уголовном праве России: оптимизация норм и практики их применения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. С. 13.

¹²² Уголовное уложение (Уголовный кодекс) Федеративной Республики Германия : текст и науч.-практ. комментарий. М., 2010.

¹²³ Уголовный кодекс Испании / под ред. и предисл. Н. Ф. Кузнецовой, Ф. М. Решетникова. М., 1998. С. 54.

¹²⁴ Рос. газета. 1999. 9 февр.

мечании к ст. 316 УК РФ необходимо использовать понятие, которое, с одной стороны, является формально определенным, а с другой — касается тех лиц, которые хотя и не состоят в родственных отношениях, но выступают членами семьи.

С учетом межотраслевых связей в качестве такого понятия следует использовать категорию «члены семьи». Данная правовая категория используется в ст. ст. 1, 2, 4, 7, 60 и 98 Семейного кодекса Российской Федерации, а также в ст. ст. 13, 14, 27, 31, 49, 51 и 59 Жилищного кодекса Российской Федерации (далее — ЖК РФ) для обозначения лиц, находящихся в близких отношениях и проживающих совместно. К ним закон относит, наряду с супругами, родителями и детьми других родственников, нетрудоспособных иждивенцев и в исключительных случаях иных граждан, если они проживают в жилом помещении в качестве членов семьи. Согласно ст. 31 ЖК РФ членами семьи собственника жилого помещения признаются проживающие совместно с данным собственником в принадлежащем ему жилом помещении его супруг, а также дети и родители данного собственника; другие родственники, нетрудоспособные иждивенцы и в исключительных случаях — иные граждане могут быть признаны членами семьи собственника, если они вселены им в качестве членов своей семьи.

Принимая во внимание, что совместное проживание и ведение общего хозяйства подразумевают высокую степень близости между людьми, данное обстоятельство может, на наш взгляд, служить основанием исключения уголовной ответственности указанных лиц за укрывательство преступления.

Подводя промежуточный итог, отметим следующее:

1) с субъективной стороны укрывательство характеризуется умышленной формой вины. Содержание умысла укрывателя включает, во-первых, осознание общественно опасного характера совершенного другим лицом преступления, во-вторых, понимание того, что своими действиями он способствует сокрытию преступника (а равно средств или орудий совершения преступления, следов преступления либо предметов, добытых преступным путем), в-третьих, желание оказать такое содействие;

2) важной особенностью субъективной стороны укрывательства преступления против собственности является сознание лицом фактических элементов чужого преступления — хищения или иного преступления против собственности, и того, что оно препятствует его пресечению, раскрытию и привлечению к уголовной ответственности;

3) согласно действующему законодательству мотив, цель и эмоции, которыми руководствовался укрыватель, не представляют собой конструктивных признаков рассматриваемого состава преступления, однако могут быть учтены при назначении наказания;

4) субъектом прикосновенной деятельности к преступлениям против собственности может быть любое вменяемое физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста, не являющееся родственником укрываемого лица. Характерная особенность субъекта заключается в том, что в данном случае виновный всегда укрывает чужое — основное преступление против собственности, и его ответственность зависит от наличия преступления против собственности и действий лица, его совершившего. Сведения, которыми должно располагать прикосновенное к хищению лицо, должны соответствовать объективной действительности, и при этом у виновного не может быть сомнений в их истинности.

Подводя общий итог вышеизложенному, следует отметить, что одним из существенных признаков субъективной стороны прикосновенности к преступлениям против собственности выступает сознание виновным общественной опасности своих действий и того, что в результате этого совершенное другим лицом хищение может оказаться нераскрытым, причиненный ущерб — возмещенным, а преступник может уклониться от ответственности. Однако объем сведений, которые охватывались бы предвидением виновного, определяется в зависимости от конкретного вида прикосновенности к преступлениям против собственности. Другим не менее важным признаком субъективной стороны прикосновенности является наличие внешней связи поведения виновного с конкретно совершенным преступлением. Следующий признак субъективной стороны прикосновенности к преступлениям против собственности выражается в полной осведомленности виновного об основных признаках и обстоятельствах состава совершенного преступления. И наконец, еще одним признаком субъективной стороны прикосновенности является сознание того, что прикосновенное лицо своими действиями препятствует пресечению именно этого преступления и изобличению лиц, его совершивших.

Указанные субъективные признаки, на наш взгляд, в полной мере отражают субъективную сторону прикосновенности к преступлениям против собственности.

ГЛАВА III. ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПРИКОСНОВЕННОСТИ К ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ СО СМЕЖНЫМИ СОСТАВАМИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В процессе квалификации легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами путем совершения преступлений против собственности (ст. 174 УК РФ), приобретения или сбыта имущества, заведомо добытого путем совершения преступлений против собственности (ст. 175 УК РФ), заранее не обещанного укрывательства особо тяжких преступлений против собственности (ч. 2 ст. 316 УК РФ), образующих содержание прикосновенности к преступлениям против собственности возникает ряд вопросов, требующих правильного толкования. К таким вопросам относится прежде всего квалификация данных преступлений по объективным и субъективным признакам составов этих преступлений и вопросы разграничения их друг от друга и иных смежных составов преступлений.

Одним из наиболее молодых видов прикосновенности к преступлениям против собственности является легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами путем совершения преступлений против собственности. Уголовная ответственность за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных незаконным путем (ст. 174 УК РФ), была введена в Российской Федерации в связи с принятием УК РФ 1996 г. В последующие годы в данную статью вносились изменения, однако это не сняло всех проблемных вопросов квалификации данного преступления.

В процессе квалификации легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами путем совершения преступлений против собственности, следует учитывать, что *предметом* легализации, предусмотренной ст. 174 УК РФ, в соответствии с разъяснениями постановления Пленума Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации

(отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем»¹ являются не только денежные средства или иное имущество, незаконное приобретение которых является признаком конкретного состава преступления (например, хищения), но и денежные средства или иное имущество, полученные в качестве материального вознаграждения за совершенное, либо в качестве платы за сбыт предметов, ограниченных в гражданском обороте. Таким образом, в разъяснении подчеркивается, что, устанавливая ответственность за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами путем совершения преступлений, законодатель в качестве предмета данного преступления имел в виду *широкий круг материальных благ*, которыми может воспользоваться преступник в процессе прикосновенности к преступлениям против собственности, совершенным другими лицами. Судебная практика свидетельствует о том, что часто предметом легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами путем совершения преступлений против собственности, становятся легковые автомобили.

Одним из основных вопросов квалификации прикосновенности к преступлениям против собственности является *разграничение легализации преступных доходов от укрывательства преступлений*.

Относительно различий легализации преступных доходов и укрывательства «криминального» имущества следует отметить, что уголовно-правовое содержание ст. 174 УК РФ шире, чем ст. 316 УК РФ, так как в первой установлена ответственность за отмывание преступных доходов, полученных в результате совершения любого преступления. Предметом же укрывательства (в случае сокрытия предметов, добытых преступным путем) могут быть только имущественные ценности, полученные в результате совершения особо тяжких преступлений. Направленность умысла виновных при отмывании преступных доходов имеет, по сравнению с укрывательством, несколько иной оттенок, поскольку выражает намерение не только скрыть (спрятать) преступно полученное имущество, но и легализовать отмываемые средства для осуществления предпринимательской или иной экономической деятельности. Кроме того, актом отмывания может быть непосредственно осуществлено только укрывательство доходов, принесенных преступлением, но не преступника и совершенного им деяния, хотя на практике нередко

¹ Рос. газета. 2015. 13 июля.

умышленное отмывание материальных плодов правонарушения в значительной мере способствует также сокрытию связанных с этим преступлений.

Различие следует проводить и по характеру действий, составляющих объективную сторону анализируемых посягательств. Согласно закону, объективная сторона легализации включает совершение финансовых операций или иных сделок с имуществом, полученных преступным путем. При укрывательстве же характер действий преступника законом не определен и может быть любым.

В процессе правоприменения спорным остается вопрос о том, каким образом квалифицировать легализацию имущественных ценностей, полученных в результате совершения особо тяжких преступлений: как отмывание преступных доходов или как укрывательство особо тяжких преступлений. В целом судебная практика идет по пути признания таких деяний легализацией имущественных ценностей, полученных в результате совершения другими лицами преступлений. Так, по приговору Улуг-Хемского районного суда Республики Тыва А. А. Сурун была привлечена к уголовной ответственности по ст. 174 УК РФ. Зная о том, что ее бывший супруг незаконно сбыл имеющееся у него наркотическое средство — гашиш в крупном размере, она путем обмена на легковое транспортное средство оформила приобретенное им преступным путем транспортное средство на себя, составила договор купли-продажи на свое имя, тем самым придав правомерный вид владению, пользованию и распоряжению транспортным средством². Данную квалификацию таких действий по ст. 174 УК РФ следует признать правильной, поскольку при конкуренции общей и специальной норм уголовная ответственность согласно ч. 3 ст. 17 УК РФ должна наступать по специальной норме.

В настоящее время нормы о легализации и укрывательстве не соотносятся как общая и специальная в полном объеме, так как законодательно не решен дискуссионный вопрос о происхождении легализуемого имущества и не расширен круг преступлений, укрывательство которых должно быть уголовно наказуемо. Следовательно, и в отношении имущества, приобретенного путем совершения особо тяжких преступлений, когда субъектом его легализации является лицо, не причастное к криминальному способу его приобретения, сегодня возможна лишь конкуренция норм.

² Приговор Улуг-Хемского районного суда Республики Тыва от 12 февраля 2018 г. по делу № 1-39/2018. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/mPXhjigOb8NK/?page=29> (дата обращения: 04.06.2023).

Необходимо также отметить, что субъективная сторона данного преступления характеризуется виной в форме только прямого умысла. Интеллектуальный момент умысла по ст. 174 УК РФ характеризуется так называемой заведомостью (лицу, совершившему финансовые операции и другие сделки, должно быть достоверно известно, что денежные средства или иное имущество приобретены другими лицами преступным путем).

В судебной практике возникают трудности в разграничении ст. 174 УК РФ от ст. 175 УК РФ. Основное отличие легализации денежных средств или иного имущества, приобретенного другими лицами преступным путем, и состава преступления, предусмотренного ст. 175 УК РФ, заключается в том, что преступления, предусмотренные ст. 174 УК РФ, совершаются исключительно в целях придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению денежными средствами или иным имуществом, заведомо приобретенными другими лицами преступным путем. А преступления, предусмотренные ст. 175 УК РФ, совершаются, как правило, в целях получения наживы в виде приобретения заведомо добытого преступным путем имущества либо его эквивалента, полученного в результате сбыта этого имущества.

В целях более четкого понимания содержания специальной цели — придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению денежными средствами или иным имуществом — как обязательного признака субъективной стороны преступления, предусмотренного ст. 174 УК РФ, Пленум Верховного Суда Российской Федерации дал специальное разъяснение в постановлении от 26 февраля 2019 г. № 1 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2015 года № 32 „О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем“», в котором отметил, что под целью придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению денежными средствами или иным имуществом, приобретенными преступным путем (в результате совершения преступления), как обязательным признаком составов преступлений, предусмотренных ст. ст. 174 и 174¹ УК РФ, следует понимать сокрытие преступного происхождения, местонахождения, размещения, движения имущества или прав на него³. Данная цель может быть установлена на основании фактических обстоятельств дела, указывающих на характер совершенных финансовых операций или сделок,

³ *Рос. газета*. 2019. 7 марта.

а также иных сопряженных с ними действий виновного лица и его соучастников, направленных на сокрытие факта преступного приобретения имущества и обеспечение возможности его свободного оборота.

В судебной практике чаще всего это связано с преступными действиями в отношении автомашин, когда преступники в целях придания правомерного вида изменяют номера агрегатов автотранспортных средств и подделывают документы в целях обеспечения их свободного оборота. Так, 18 ноября 2005 г. Зарайским городским судом Московской области В., Р. и П. привлекались к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 174 УК РФ за совершение действий, направленных на легализацию имущества, приобретенного путем совершения преступления против собственности. Получив от не установленных следствием лиц похищенный ими автомобиль ВАЗ-21093, обвиняемые, осуществив подделку номеров кузова и двигателя указанной автомашины, перекрасили и сбыли ее покупателю, неосведомленному о данных преступных действиях⁴.

Наиболее традиционной для преступлений против собственности из всех видов прикосновенности к преступлениям против собственности являются приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем (ст. 175 УК РФ).

Характеризуя объективные признаки приобретения или сбыта имущества, заведомо добытого путем совершения преступлений против собственности, необходимо отметить, что в п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» сказано, что под приобретением или сбытом имущества в ст. 175 УК РФ следует понимать любую форму возмездного или безвозмездного получения или передачи имущества, заведомо добытого преступным путем. Судебная практика свидетельствует о том, что приобретение и сбыт имущества, полученного в результате совершения преступлений против собственности, в большинстве случаев связаны с последующей реализацией этого имущества третьим лицам, сдачей в ломбард или в пункты приема металлолома.

Одним из основных спорных вопросов квалификации прикосновенности к преступлениям против собственности является *разграничение приобретения и сбыта имущества, заведомо добытого преступным*

⁴ Приговор Зарайского городского суда Московской области от 18 ноября 2005 г. по делу № 1-152/2005 // Архив Зарайского городского суда Московской области за 2005 год.

путем, от укрывательства преступлений. По своей природе приобретение или сбыт имущества, добытого преступным путем, и укрывательство очень близки. Во-первых, они приобретают общественно опасный характер в связи с совершением какого-то другого преступления и заранее его исполнителю не обещаны. Во-вторых, оба деяния совершаются путем действий. В-третьих, приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем, объективно способствуют сокрытию преступления, в результате совершения которого имущество и было добыто. В-четвертых, фактам укрывательства и приобретения, сбыта похищенного предшествует совершение основного преступления. В-пятых, точкой соприкосновения этих деяний служит имущество, заведомо добытое преступным путем. В-шестых, оба деяния совершаются умышленно.

Скупщик заведомо краденого, также как и укрыватель, осознает основные признаки преступлений, которыми покупаемое имущество добыто, осознает, что он, приобретая это имущество, способствует сокрытию предметов и вещей, полученных преступным путем. Конечно, при таких обстоятельствах между ним и укрывателем преступления уничтожается какая-либо разница. Поэтому действия такого скупщика должны рассматриваться как укрывательство преступлений.

Как показывает практика, приобретающий, сбывающий имущество, заведомо добытое преступным путем, нередко и сам предпринимает различные меры для того, чтобы предметы, составляющие это имущество, не попали в руки представителей органов правосудия.

Соккрытие от правосудия таким лицом заведомо незаконно приобретенного имущества, наряду с получением выгоды, становится целью его действий. Это, безусловно, свидетельствует о наличии у него прямого умысла на укрывательство приобретаемых предметов, добытых криминальным путем. В ином случае их приобретатели и сбытчики обрекали бы себя не на получение выгоды, а на убытки, что никак не согласуется с намерениями таких лиц.

Несмотря на внешнее сходство приобретения или сбыта краденого имущества и укрывательства, отождествлять их нельзя. Они различаются, во-первых, по характеру действий: при укрывательстве — это способ сокрытия имущества; при приобретении или сбыте — способ извлечения материальной выгоды. Во-вторых, различие состоит и в направленности умысла субъектов (на сокрытие и на получение выгоды), и в объеме тех сведений, которыми располагают виновные относительно основного преступления: при укрывательстве необходимо осознание его субъектом

рода и характера укрываемого преступления, а при приобретении или сбыте — иметь общее представление о том, что имущество добыто преступным путем.

Главное отличие анализируемых преступлений — в их субъективной стороне. Умысел укрывателя характерен сознанием, что укрывается преступление (преступник или следы преступления), и желанием скрыть его, при приобретении же имущества, добытого преступным путем, — сознанием, что приобретается плод преступления, и желанием его приобрести. При этом приобретающий данное имущество будет также осознавать, что своим действием облегчает сокрытие преступления или сознательно допускает возможность его сокрытия.

В таком случае в отношении приобретения имущества виновный будет действовать с прямым умыслом, а в отношении сопутствующего сокрытия — с косвенным. Здесь укрывательство преступления и приобретение означенного имущества становятся еще ближе друг к другу, и помочь в их разделении может только выяснение цели, ради которой осуществляется деяние. Цель наживы будет неопровержимо свидетельствовать о наличии состава приобретения имущества, заведомо добытого преступным путем, а отсутствие такой цели — о наличии состава укрывательства.

Представляется, что обе цели — нажива и сокрытие — в этом преступлении тесно переплетаются, взаимно дополняют друг друга. Человек, приобретающий имущество, заведомо добытое преступным путем, желает не только его приобрести, но и скрыть, чтобы иметь возможность им пользоваться и распоряжаться. При этом его умысел направлен не только на приобретение такого имущества, но и на создание благоприятных условий для преступной деятельности, и на ее сокрытие, т. е. осознанное воспрепятствование осуществлению правосудия. Причем цель сокрытия присутствует у приобретателя, сбытчика, пользователя, хранителя означенного имущества с самого начала их действий наряду с целью его приобретения, сбыта.

Изложенное свидетельствует о близости рассматриваемых составов и по субъективной стороне — приобретатель, сбытчик имущества, заведомо добытого преступным путем, действуют с прямым умыслом, имеющим две цели: приобрести или сбыть данное имущество, чтобы получить определенную выгоду, а также скрыть имущество от правоохранительных органов (иначе утрачивается смысл его приобретения). Лишь при отсутствии цели приобретения, сбыта деяние может квалифицироваться как укрывательство.

Приобретение или сбыт предметов, добытых преступным путем, опаснее, чем укрывательство. Для признания лица виновным по ст. 175 УК РФ не требуется знания им деталей того преступления, с помощью которого это имущество добыто, а необходимо лишь его общее представление о данном событии. Если приобретатель или сбытчик осознает конкретные особенности преступления, укрывательство которого наказуемо, то он должен быть привлечен к ответственности по совокупности преступлений — за укрывательство и за приобретение или сбыт⁵.

На наш взгляд, данная аргументация вполне обоснованна, а указанные деяния представляют собой самостоятельные виды прикосновенности к преступлениям.

В судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 175 УК РФ, как правило, не требуется обязательной осведомленности лица о том, в результате какого преступления добыто имущество. В то же время субъект преступления должен быть уверен, что имущество добыто в результате совершения преступного деяния. Однако каждое преступление характеризуется конкретными признаками, не зная которых нельзя быть уверенным, что имущество добыто преступным путем. Поэтому закономерным представляется мнение, что субъект должен осознавать характер преступления, в результате которого добывается имущество.

Согласно буквальному толкованию закона ответственность по ст. 175 УК РФ допускается только за вину в форме прямого умысла, что вызывает значительные трудности в правоприменительной практике при доказывании умысла на приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем. В связи с этим представляется обоснованным привлечение к ответственности по ст. 175 УК РФ и в тех случаях, когда субъект преступления знал или имел основания полагать, что имущество добыто преступным путем⁶.

Субъектом преступления может быть лицо, приобретающее имущество не только непосредственно у добытчика, но и у предыдущего приобретателя, поскольку ст. 175 УК РФ в качестве условия ответственности определяет факт добычи имущества преступным путем, а не личность сбытчика.

В судебной практике неоднозначно решается вопрос об ответственности приобретателя имущества, если лицо, добывшее это имущество, не подлежит уголовной ответственности или наказанию.

⁵ Мурин Д. А. Указ. соч. С. 152–154.

⁶ Там же. С. 153.

Различие *приобретения или сбыта имущества*, заведомо добытого преступным путем, и *соучастия* в основном преступлении **проводится по объективной и субъективной стороне преступления**. В приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем, отсутствует такой признак объективной стороны соучастия, как совместность деятельности, поэтому действия, составляющие объективную сторону приобретения или сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем, совершаются после окончания первоначального преступления. Специфика субъективной стороны соучастия заключается в том, что умысел соучастника на приобретение (сбыт) имущества возникает до совершения основного преступления, в то время как у субъекта преступления, предусмотренного ст. 175 УК РФ, умысел на приобретение или сбыт формируется после совершения основного преступления.

Вместе с тем в судебной практике встречаются сложности в квалификации приобретения и сбыта имущества, добытого преступным путем, в связи с тем, что данные действия часто ошибочно квалифицируются как пособничество. Так, Малоархангельским районным народным судом Орловской области Юшин был осужден наряду с другими преступлениями по ст. 17, пп. «а», «б» ч. 2 ст. 146 УК РСФСР (ч. 5 ст. 33, ч. 2 ст. 162 УК РФ) за пособничество в разбойном нападении. Президиум Орловского областного суда по протесту заместителя Председателя Верховного Суда РФ переквалифицировал действия Юшина со ст. 17, пп. «а», «б» ч. 2 ст. 146 УК РСФСР (ч. 5 ст. 33, ч. 2 ст. 162 УК РФ) на ч. 1 ст. 208 УК РСФСР (ч. 1 ст. 175 УК РФ)⁷.

Несмотря на их внешнее сходство, нельзя отождествлять *укрывательство* и *скупку краденого*. Во-первых, они различаются по характеру действия. При укрывательстве — это способ сокрытия преступления; при приобретении или сбыте добытых преступным путем вещей — способ извлечения виновным материальной выгоды. Во-вторых, различие состоит в направленности умысла субъектов указанных преступлений. В первом случае умысел направлен на сокрытие преступления или преступника, а во втором — на сокрытие имущественной выгоды. В-третьих, рассматриваемые деяния можно различать и по объему тех сведений относительно основного преступления, которыми располагают субъекты посягательства. При укрывательстве необходимо осознание виновным рода и характера укрываемого преступления, а при приобретении (сбыте) — общее представление о том, что вещи добыты преступным путем.

⁷ Судебная практика по уголовным делам / сост. Г. А. Есаков. М., 2005. С. 244–245.

Главные особенности приобретения или сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем, и укрывательства преступлений проявляются в субъективной стороне рассматриваемых составов. Умысел укрывателя направлен на сокрытие преступления, а умысел приобретателя или сбытчика — на получение в свое постоянное пользование или на передачу имущества в постоянное владение другому лицу.

Таким образом, необходимо подчеркнуть следующее:

1) преступления, предусмотренные ст. 175 УК РФ, совершаются, как правило, в целях получения наживы в виде приобретения заведомо добытого преступным путем имущества либо его эквивалента, полученного в результате сбыта этого имущества;

2) субъект должен осознавать характер преступления, в результате которого добывается имущество, умысел на приобретение или сбыт у него формируется после совершения основного преступления;

3) главные особенности приобретения или сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем, проявляются в субъективной стороне рассматриваемых составов, умысел приобретателя или сбытчика направлен на получение в свое постоянное пользование или на передачу имущества в постоянное владение другому лицу.

Чтобы рассмотреть проблемные вопросы квалификации всех видов прикосновенности к преступлениям против собственности необходимо исследовать содержание объективной стороны заранее не обещанного укрывательства особо тяжких преступлений против собственности в рамках ч. 2 ст. 316 УК РФ.

По своей внешней форме укрывательство преступления против собственности, независимо от вида преступления, может быть выражено в следующих типичных действиях: предоставлении преступнику специального убежища; устройстве его на нелегальное проживание у родственников или близких людей; переодевании, изменении внешнего вида, предоставлении маскировочных средств, затрудняющих опознание преступника; снабжении подложными документами; транспортировке в безопасное место и т. д.

С объективной стороны заранее не обещанное укрывательство преступлений выражено в деянии, направленном на создание любых условий, при которых создаются реальные затруднения в обнаружении, раскрытии, расследовании укрываемого преступления и применении к лицу, совершившему основное преступление, уголовной ответственности или иных мер уголовно-правового характера. Укрывательство преступлений связано с вопросами реализации уголовной ответственности, а имен-

но с противодействием привлечению к ней другого лица, совершившего преступление. Привлечение к уголовной ответственности возможно лишь при наличии соответствующих, предусмотренных в уголовном законе оснований (ст. 8 УК РФ), таких как совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного конкретной статьей УК РФ. По своему содержанию привлечение к уголовной ответственности охватывает широкий круг действий по раскрытию, расследованию и осуждению лица, совершившего преступление. Исходя из этого укрывательство преступлений как общественно опасное деяние представляет собой круг определенных действий по противодействию раскрытию, расследованию и осуждению другого лица, совершившего преступление. Поскольку укрывательство возможно только в отношении уже совершенного и оконченного преступления другого лица (иначе это будет квалифицироваться как соучастие в преступлении), это могут быть не любые, а только определенные действия виновного: сокрытие самого факта совершения преступления другим лицом, сокрытие этого преступника, сокрытие используемых другим преступником орудий и средств совершения преступления, предметов, добытых преступным путем, а также следов совершения другим лицом преступления.

Отсутствие преступления против собственности, выполненного другим лицом, исключает и укрывательство данного преступления. Однако это не значит, что причинная обусловленность основным преступлением против собственности и ее возникновение только при условии преступной деятельности других лиц является первым признаком объективной стороны прикосновенности к преступлениям против собственности. Несмотря на всю важность данного обстоятельства, первым признаком прикосновенности к преступлениям против собственности выступает само деяние прикосновенного лица. Деятельность других лиц по совершению конкретного преступления против собственности — это либо условие, либо дополнительное обстоятельство, поэтому она может быть только вторым признаком укрывательства преступлений против собственности.

Давая правильную юридическую оценку такому деянию, как укрывательство преступлений против собственности, судам следует иметь в виду, что общественная опасность данного деяния заключается именно в том, что оно препятствует деятельности по изобличению виновного в совершении не абстрактного, а конкретного преступления. Это препятствие, как и препятствие назначению ему справедливого наказания, уменьшает тем самым в целом степень уголовно-правовой охраны этих

конкретных, а не абстрактных общественных отношений. В противном случае после совершения преступления любое воздействие на преступника становится бессмысленным.

Под *предметом преступления* понимаются вещи материального мира, путем воздействия на которые преступник причиняет вред или создает угрозу причинения вреда охраняемым общественным отношениям. В рамках укрывательства преступлений против собственности предметом преступления выступают имущество, деньги и другие материальные предметы, которые могут находиться в собственности граждан.

Судебная практика по укрывательству преступлений против собственности показывает, что чаще всего таким предметом преступления выступают автотранспортные средства. Так, Омским областным судом Р. обвинен в совершении преступления, предусмотренного ст. 316 УК РФ, за укрывательство особо тяжкого преступления против собственности, предусмотренного п. «в» ч. 4 ст. 162, совершенного Б., Д. и В. группой лиц по предварительному сговору с применением предметов, используемых в качестве оружия, с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего, а именно разбойного нападения в целях завладения легковым автомобилем потерпевшего⁸.

Отличие предмета укрывательства преступлений против собственности от предмета укрывательства других преступлений заключается в том, что укрываемые преступления против собственности имеют свою особенность предмета преступлений.

В связи с особой конструкцией состава укрывательства преступления важным вопросом для полной характеристики содержания укрывательства преступлений против собственности является вопрос о деянии как объективном признаке укрывательства, а также о способах его совершения. В статье 316 УК РФ ничего не говорится о содержании укрывательской деятельности. Однако в ч. 5 ст. 33 УК РФ раскрывается содержание действий, образующих пособничество в форме заранее обещанного укрывательства преступлений. Это сокрытие преступника, средства или орудия совершения преступления, следов преступления или предметов, добытых преступным путем.

В целом с внешней стороны как деяние укрывательство преступления против собственности характеризуется активным характером поведения виновного.

⁸ Приговор Омского областного суда от 18 ноября 2010 г. по делу № 1-98/2010 // Архив Омского областного суда за 2010 год.

По форме укрывательство преступления против собственности с объективной стороны проявляется в укрывательстве:

- 1) преступника, совершившего особо тяжкое преступление против собственности;
- 2) орудий и средств совершения особо тяжкого преступления против собственности;
- 3) следов совершенного особо тяжкого преступления против собственности;
- 4) предметов, добытых в результате совершенного особо тяжкого преступления против собственности.

В рамках данных форм укрывательства преступные действия могут быть чрезвычайно разнообразны, что актуализирует необходимость их классификации в зависимости от способов их совершения и иных обстоятельств, таких как множественность действий и совместность действий лиц, прикосновенных к преступлению.

Если в заранее не обещанном укрывательстве участвуют не один, а несколько виновных, это обстоятельство объективно усиливает воздействие на объект преступления, повышая уровень общественной опасности данных деяний. Поэтому *необходимо усиливать уголовную ответственность за данные действия.*

К сожалению, в действующем уголовном законодательстве не предусмотрена дифференциация уголовной ответственности в зависимости от количества лиц, совместно участвующих в сокрытии преступлений против собственности, хотя в судебной практике встречаются случаи, когда укрывательство осуществляется группой лиц. Так, И., П. и С. осуждены по ст. 316 УК РФ. Установлено, что М. по предварительному сговору с И., П., достоверно зная от К. о совершенном им и З. преступлении, в целях его сокрытия вывезли из дома на автомобиле ВАЗ-2110, принадлежащем И., труп в лесной массив, расположенный в 1 км от трассы, где закопали в снег⁹. Общественная опасность действий трех лиц выше, чем действий одного лица. Поэтому по аналогии с действиями в соучастии при назначении наказания лицам, совместно укрывающим одно и то же преступление, суд должен принять во внимание данное обстоятельство.

Если в рамках заранее не обещанного укрывательства лицо укрывает не одно, а несколько особо тяжких преступлений, это обстоятельство

⁹ Приговор Калачинского городского суда Омской области от 21 декабря 2012 г. по делу № 1-226/2012 // Архив Калачинского городского суда Омской области за 2012 год.

также объективно усиливает воздействие на объект данного преступления, повышая уровень общественной опасности рассматриваемых деяний. Поэтому необходимо усиливать уголовную ответственность за данные действия. К сожалению, в действующем уголовном законодательстве не предусмотрена дифференциация уголовной ответственности в зависимости количества укрытых преступлений, хотя в судебной практике встречаются случаи, когда лицо укрывает не одно, а несколько тяжких преступлений. Чаще всего такими преступлениями являются особо тяжкие преступления против собственности совместно с особо тяжкими преступлениями против жизни человека. Так, Р. обвинен в совершении преступления, предусмотренного ст. 316 УК РФ, за укрывательство особо тяжкого преступления против собственности, предусмотренного п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ, совершенного Б., Д. и В., а также особо тяжкого преступления против личности, предусмотренного пп. «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ¹⁰.

При квалификации заранее не обещанного укрывательства особо тяжких преступлений против собственности по субъективным признакам следует руководствоваться разъяснениями, указанными в п. 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем», где отмечено, что при квалификации по ст. ст. 174 или 175 УК РФ суду необходимо установить, что виновное лицо заведомо знало о преступном происхождении имущества, с которым совершало финансовые операции и другие сделки, а также действия по приобретению или сбыту. При этом по смыслу закона лицо может быть не осведомлено о конкретных обстоятельствах основного преступления¹¹.

Данное разъяснение имеет общий характер в силу того, что специальное разъяснение применительно к укрывательству преступлений, которое содержалось в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 31 июля 1962 г. № 11 «О судебной практике по делам о заранее не обещанном укрывательстве преступлений, приобретении и сбыте заведомо

¹⁰ Приговор Омского областного суда от 18 ноября 2010 г. по делу № 1-98/2010.

¹¹ Подробнее об этом см.: *Лупырь М. В.* Уголовно-правовая оценка легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления (ст. 174¹ УК РФ) : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2019. 214 с.

похищенного имущества»¹², отменено постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 г. № 32.

Таким образом, в рамках заранее не обещанного укрывательства в настоящее время существуют ситуации, объективно усиливающие общественную опасность данных действий, что требует усиления уголовной ответственности. Это случаи, когда лицо укрывает не одно, а несколько особо тяжких преступлений, а также когда укрывательство совершается в отношении нескольких преступлений. Данные обстоятельства объективно усиливают воздействие на объект данного преступления, повышая уровень общественной опасности данных деяний. Поэтому в этих случаях необходимо усиление уголовной ответственности за данные действия.

Мы видим, что диспозиция ст. 316 УК РФ «Укрывательство преступлений» нуждается в совершенствовании. В этих целях для отражения степени общественной опасности прикосновенных действий предлагается внести дополнения в ст. 316 УК РФ, предусмотрев в качестве отягчающих обстоятельств *«совершение укрывательства группой лиц»* и *«совершение укрывательства в отношении двух и более особо тяжких преступлений»*.

Исследование вопроса о разграничении прикосновенности к преступлениям против собственности и соучастия в преступлениях против собственности позволяет сделать вывод о том, что основными критериями разграничения прикосновенности в преступлении против собственности и соучастия выступают время совершения преступных действий и наличие причинно-следственной связи между действиями лиц и наступившим преступным результатом. В целях официального закрепления оснований разграничения прикосновенности и соучастия в преступлении предлагается закрепить понятие прикосновенности к преступлению в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации по легализации и приобретению имущества.

Изучение особенностей разграничения преступлений, предусмотренных ст. 175 и ч. 2 ст. 316 УК РФ, позволяет сделать вывод, что основными критериями разграничения приобретения и сбыта имущества, добытого заведомо преступным путем, и укрывательства особо тяжких преступлений против собственности выступают объект и предмет преступления, а также особенности способов совершения преступных действий.

¹² URL: <https://sudact.ru/law/postanovlenie-plenuma-verkhovnogo-suda-sssr-ot-31071962> (дата обращения: 24.05.2023).

Анализ вопросов разграничения преступлений, предусмотренных ст. ст. 174 и 175 УК РФ, приводит к выводу, что основными критериями разграничения легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем и приобретения и сбыта имущества, приобретенного заведомо преступным путем выступают способы совершения преступных действий, а также цель их совершения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Организация эффективной борьбы с корыстной преступностью предполагает воздействие не на одно, отдельно взятое корыстное преступление, а на все группы корыстных преступлений в их взаимосвязи, а также на сопутствующие им и обеспечивающие их посягательства, прежде всего прикосновенные к преступлениям против собственности.

Оценивая сложившуюся ситуацию, наряду с анализом других системных проблем соучастия в преступлении, считаем, что существующий в теории уголовного права институт соучастия в преступлении уже не может являться центром теории множественности лиц, участвующих в совершении преступления, вокруг которого объединяются иные случаи стечения лиц в совершении преступления. Теория уголовного права нуждается в разработке комплекса вопросов, касающихся множественности лиц, причастных к совершению преступления, совокупности звеньев, в равной степени объясняющих все возможные формы участия лиц в совершении преступления. Прикосновенность к преступлению является одним из самостоятельных звеньев теории множественности лиц, участвующих в совершении преступления, нуждающихся в самостоятельном уголовно-правовом регулировании.

Источником общественной опасности прикосновенности к преступлениям против собственности является увеличение возможности для уклонения лица, совершившего основное деяние, от уголовной ответственности и наказания с помощью лиц, не участвовавших в его совершении. Деяния, образующие прикосновенность, опасны не сами по себе, а в связи с совершенными преступлениями.

На практике прикосновенность к преступлениям против собственности представляет собой наиболее распространенную форму преступной деятельности по сравнению с прикосновенностью к другим преступлениям.

Прикосновенность к преступлениям против собственности имеет свои характерные признаки, связанные с конкретными и специфически-

ми особенностями законодательства, формой и способами их осуществления, а также определением ответственности соучастников преступлений против собственности.

Характеризуя общественную опасность прикосновенности к преступлениям против собственности, следует отметить, что ее общественная опасность носит не единичный, а комплексный характер, так как прикосновенность по своей сущности представляет объединение двух преступлений, основного и прикосновенного. Поэтому общественная опасность прикосновенности состоит из общественной опасности основного и общественной опасности прикосновенного преступлений.

Изучение социальной и правовой природы прикосновенности к преступлениям против собственности и ее места в системе общей прикосновенности к преступлениям показало, что существующее понимание смысла и значения прикосновенности к преступлению в целом и прикосновенности к преступлениям против собственности в частности сформировалось в отрыве от общих основ и положений уголовной и криминологической политики борьбы с преступностью и с конкретными видами преступлений.

В теории уголовного права прикосновенность к преступлению традиционно рассматривалась и рассматривается как дополнение к институту соучастия в преступлении, как преступная деятельность, которая не вписывается в признаки соучастия, но затрудняет раскрытие и расследование преступлений. Исходя из этого построены все определения и характеристики понятия прикосновенности к преступлению. Прикосновенность как деяние чаще всего определяется путем перечисления тех признаков, которые отсутствуют в соучастии в преступлении.

Однако соучастие не является центральным звеном в разных случаях причастности множества лиц к совершению преступления. С учетом самодостаточности самих форм и видов прикосновенности к преступлению она означает определенную причастность к преступлению, фактически такую же, какую имеет соучастие. Таким образом, самостоятельно и самодостаточно существуют такие уголовно-правовые явления, как соучастие в преступлении, прикосновенность к преступлению и иные возможные виды причастности к преступлению.

Отсутствие самостоятельного подхода к пониманию социальной и правовой природы прикосновенности к преступлению приводит к неверной оценке, во-первых, ее сущности и признаков, во-вторых, ее форм и видов.

Действия субъекта в случае прикосновенности (субъекта прикосновенности) имеют определенную связь с действиями другого субъекта, совершающего основное преступление, как и действия одного субъекта в случае соучастия в преступлении (субъекта соучастия), имеют определенную связь с действиями другого субъекта, совершающего основное преступление. Отличие прикосновенности от соучастия при этом заключается в характере этой связи. Поэтому нельзя чрезмерно противопоставлять сущность прикосновенности и соучастия в преступлении, сводя прикосновенность к придатку соучастия.

Поскольку прикосновенность означает определенную связь с другим преступлением, данное обстоятельство должно быть положено в основу уголовной политики использования данного правового явления в борьбе с преступностью. Именно с правовой природой прикосновенности необходимо связывать все основные исследования и возможные направления совершенствования ее уголовно-правовой регламентации.

Прикосновенность к преступлению по своей структуре больше похожа на множественность преступлений, в которой присутствуют два и более преступления, нежели на соучастие, в котором только одно преступление. Исходя из этого наиболее точным должно быть следующее определение прикосновенности — это *умышленное совершение преступного деяния, сопутствующего преступлению, завершенному другим лицом*. Это преступление, следующее за окончанием основного преступления.

Характеристика связи между двумя преступлениями в прикосновенности к преступлению может быть полностью исследована и описана по ее признакам только с учетом содержания всех видов прикосновенности к преступлению. Существующие в законодательстве и в теории уголовного права такие ее виды, как укрывательство, недонесение, приобретение и сбыт, легализация, попустительство, очень сложно поддаются классификации. Одна из причин этого связана с тем, что не все из указанных действий, признаваемых некоторыми специалистами видами прикосновенности, к ней относятся. В частности, речь идет о таких действиях, как попустительство преступлениям.

Основными причинами, по которым нельзя относить попустительство к самостоятельному виду прикосновенности к преступлениям, являются следующие. Во-первых, за попустительство конкретным видам преступлений не предусмотрена самостоятельная уголовная ответственность. Попустительство преступлению рассматривается как одна из разновидностей злоупотребления служебными полномочиями, состав кото-

рого вполне может присутствовать и при злоупотреблениях служебными полномочиями, которые не повлекли совершения другим лицом преступления. Это свидетельствует об отсутствии самостоятельного состава преступления в виде прикосновенности.

С учетом изложенного нами предлагаются следующие виды прикосновенности к преступлениям против собственности: заранее не обещанное укрывательство особо тяжких преступлений (ч. 2 ст. 316 УК РФ); легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем (ст. 174 УК РФ); приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем (ст. 175 УК РФ), воспрепятствующие решению задач УК РФ.

Первым видом прикосновенности к преступлениям против собственности является их укрывательство, под которым следует понимать умышленную (совершаемую с прямым умыслом) активную физическую деятельность достигшего возраста 16 лет вменяемого физического лица, не являющегося родственником укрываемого лица, по сокрытию информации о совершении этим лицом особо тяжкого преступления против собственности, предметов, добытых преступным путем, орудий и средств его совершения, следов его совершения, а также сокрытие другого преступника после окончания совершения им особо тяжкого грабежа, разбоя, вымогательства, угона автотранспортного средства или хищения предметов, представляющих особую ценность.

Вторым видом прикосновенности к преступлениям против собственности является приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого путем совершения преступления против собственности, под которым следует понимать возмездное или безвозмездное получение имущества в любой форме, в результате которого приобретатель может отчуждать или лично его использовать, или возмездную или безвозмездную передачу, отчуждение любым способом в фактическое владение, пользование или распоряжение другого лица.

Приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем, необходимо ограничивать от соучастия в основном преступлении. В первом преступлении отсутствует такой признак объективной стороны соучастия, как совместность деятельности, поэтому действия, составляющие объективную сторону приобретения или сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем, совершаются после окончания первоначального преступления. Специфика субъективной стороны соучастия заключается в том, что

умысел соучастника на приобретение (сбыт) имущества возникает до совершения основного преступления, в то время как у субъекта преступления, предусмотренного ст. 175 УК РФ, умысел на приобретение или сбыт формируется после совершения основного преступления.

Главные отличия укрывательства преступлений против собственности и приобретения или сбыта имущества, заведомо добытого путем совершения преступления против собственности, проявляются в субъективной стороне рассматриваемых составов. Умысел укрывателя направлен на сокрытие преступления, а умысел приобретателя или сбытчика — на получение в свое постоянное пользование или на передачу имущества в постоянное владение другому лицу.

Легализация денежных средств или иного имущества, приобретенного путем совершения преступлений против собственности, является третьим видом прикосновенности к преступлениям против собственности. Под ней следует понимать использование легального имущественного оборота в целях сокрытия, утаивание преступно нажитого, придания ему внешне законного, правомерного вида.

Точная уголовно-правовая характеристика данных видов прикосновенности к преступлениям против собственности позволяет не только обеспечить правильную квалификацию такой формы преступных действий, но и скорректировать направление и содержание борьбы с преступлениями против собственности.

С учетом вышесказанного в целях совершенствования общих нормативных положений о прикосновенности к преступлению предлагаем на законодательном уровне рассмотреть вопрос об изложении ст. 316 УК РФ в следующей редакции:

«Статья 316. Укрывательство преступления

1. Сокрытие преступника, средств и орудий совершения преступления, следов преступления или предметов, добытых преступным путем, либо приобретение или сбыт предметов, добытых преступным путем, после окончания преступления средней тяжести, —

наказываются...

2. Действия, предусмотренные в части первой настоящей статьи, совершенные в отношении тяжкого преступления, либо группой лиц, — наказываются...

3. Действия, предусмотренные в части первой настоящей статьи, совершенные в отношении особо тяжкого преступления, — наказываются...

4. Действия, предусмотренные в части первой настоящей статьи, совершенные в отношении двух и более особо тяжких преступлений, — наказываются...

Примечание. Лицо не подлежит уголовной ответственности за заранее не обещанное укрывательство преступления, совершенного его супругом или близким родственником».

Предложена новая статья 316¹ УК РФ «Несообщение об особо тяжком преступлении против собственности»:

«Статья 316¹. Несообщение об особо тяжком преступлении против собственности

Несообщение в органы власти, уполномоченные рассматривать сообщения о преступлении, о лице (лицах), которое, по достоверно известным сведениям, готовит, совершает или совершило хотя бы одно из преступлений, предусмотренных частью 3 статьи 161, частями 3 и 4 статьи 162, частью 3 статьи 163, статьей 164 и частью 4 статьи 166 настоящего Кодекса, —

наказывается...

Примечание. Лицо не подлежит уголовной ответственности за несообщение о подготовке или совершении преступления его супругом или близким родственником».

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Социально-правовая обусловленность уголовной ответственности за прикосновенность к преступлениям против собственности	6
§ 1. Понятие, признаки и виды прикосновенности к преступлениям против собственности	6
§ 2. Социальная обусловленность уголовной ответственности за прикосновенность к преступлениям против собственности	40
§ 3. Развитие норм отечественного уголовного законодательства, предусматривающих ответственность за прикосновенность к преступлениям против собственности	60
Глава II. Уголовно-правовая характеристика прикосновенности к преступлениям против собственности	82
§ 1. Объективные признаки прикосновенности к преступлениям против собственности	82
§ 2. Субъективные признаки прикосновенности к преступлениям против собственности	110
Глава III. Проблемы квалификации и разграничения прикосновенности к преступлениям против собственности со смежными составами преступлений	129
Заключение	145

Научное издание

Бабурин Василий Васильевич,
Мурин Дмитрий Анатольевич

ПРИКОСНОВЕННОСТЬ К ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ

Редактор Н. В. Матвеева

Корректор Л. И. Замулло

Технический редактор П. В. Ярославцева

ИД № 03160 от 02 ноября 2000 г.

Подписано в печать 30.09.2024. Формат 60×84/16. Бумага офсетная № 1.

Усл. печ. л. 9,1. Уч.-изд. л. 8,8. Тираж 85 экз. Заказ № 235.

Редакционно-издательский отдел

Отделение полиграфической и оперативной печати

644092, г. Омск, пр-т Комарова, д. 7